

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования

«Витебский государственный технологический университет»

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ГОРОД В ПЕРИОД
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ
(К 1050-ЛЕТИЮ ВИТЕБСКА)**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
КРУГЛОГО СТОЛА**

**Витебск
2024**

УДК 338
ББК 65.02

Редакционная коллегия:

Субботин А. А. (отв. ред.), **Хаданёнак В. М.** (зам. отв. ред.),
Лученкова Е. С., Рудко Е. А., Уткевич О. И.

Рецензенты:

Пузанов В. В., заведующий кафедрой истории России ФГБОУ «Удмурский государственный университет», доктор исторических наук, профессор;

Дулов А. Н., заведующий кафедрой истории и культурного наследия УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УО «ВГТУ», протокол № 2 от 30.10.2024.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом УО «ВГТУ», протокол № 6 от 01.11.2024.

ISBN 978-985-481-776-7

Восточнославянский город в период Средневековья и Нового времени (к 1050-летию Витебска) : материалы международного круглого стола / ред. кол. А. А. Субботин, В. М. Хаданёнак, Е. С. Лученкова, Е. А. Рудко, О. И. Уткевич. – Витебск : УО «ВГТУ», 2024. – 197 с.

В издании представлены материалы круглого стола «Восточнославянский город в период Средневековья и Нового времени (к 1050-летию Витебска)», который прошёл 22 мая 2024 года на базе Витебского государственного технологического университета. Учёные рассмотрели вопросы, касающиеся тенденций и противоречий социально-экономического и политического развития восточнославянских городов, особенностей сохранения их культурного наследия.

УДК 338
ББК 65.02

ISBN 978-985-481-776-7

© УО «ВГТУ», 2024

УДК 94(470.23-25)«18»

СТАНОВЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК МОРСКОГО ПОРТА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

**Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, и.о. заведующего Научно-историческим архивом
Проскурякова Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Петр Великий, порт, Северная война, Балтийское море, XVIII век.

Реферат. В начале XVIII в. главной движущей силой была политическая воля Петра Великого, его стремление создать центр международной торговли на Балтийском море. Развитие торговли через Санкт-Петербург обеспечивали законодательные меры правительства. Становлению нового морского порта препятствовали не только военные действия, но и природные условия: мелководные Финский залив и фарватер, а также бурное Ладожское озеро.

На рубеже XVII–XVIII в. задача выхода к Балтийскому морю, строительство новых портов, военного и торгового флота стала для Петра Великого первоочередной. Он в полной мере осознавал, что одним из главных критериев великой державы являлось наличие военного и торгового флота.

Завоевание побережья Балтийского моря, а также возвращение Ингерманландии и Карелии – стали главными целями государя в Северной войне (1700–1721 гг.). 24 августа (2 сентября) 1700 г. после объявления войны Швеции Петр Великий направил свое войско к Нарве, которая являлась не только административным центром Ингерманландии, но и значительным портовым городом. Однако овладеть Нарвой не удалось. Отсутствие флота не дало возможности царю блокировать город с моря. После поражения (19 ноября 1700 г.), государь принял решение изменить направление походов и направить войска в сторону Ладожского озера и Финского залива. Основой шведской обороны Приневья были крепости Нотебург (в истоке Невы) и Ниеншанц (в месте впадения в Неву р. Охты). 11 октября 1702 г. русская армия штурмом овладела Нотебургом (царь переименовал его в Шлиссельбург). Весной следующего года царь отправил полки к Ниеншанцу. 1 мая 1703 г. после непродолжительной осады шведская крепость сдалась.

16 (27) мая 1703 г. в дельте реки Невы по указу Петра Великого была заложена небольшая крепость, под защитой которой возник город. С первых лет государь возводил новый российский город как порт для торговли с Западной Европой и базу Балтийского флота. В течение двух десятилетий на выполнение этих грандиозных

замыслов царя направлялись огромные людские и материальные ресурсы государства. Санкт-Петербург возводился невиданными для современников темпами и уже при жизни своего основателя превратился не только в столицу России, но и в основной центр коммуникации с внешним миром – «окно в Европу».

История первых лет петербургского порта находится в фокусе внимания ученых с конца XVIII в. [16]. Уже тогда был сформулирован вопрос, что повлияло на темпы развития Санкт-Петербурга. Именно в данном контексте исследователи рассматривали проблемы судостроения и внешней торговли. За последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. изучены отдельные аспекты строительства и функционирования петровского Петербургского порта и первых верфей, уточнено количество и типы построенных в Петровскую эпоху парусных и парусно-гребных судов [6, с. 91–103; 7, с. 262–284; 10, с. 423–433; 11, с. 157–159; 12, с. 209–213; 13, с. 410–422]. Тем не менее, вопрос о влиянии реализации замысла Петра Великого по переносу российской внешней торговли на Балтику на развитие не только Санкт-Петербурга, но и региона в целом остается открытым.

История Санкт-Петербурга как международного порта берет начало в 1703 году. В ноябре, через несколько месяцев после основания города, в него пришло первое иностранное торговое судно. Изначально оно направлялось не в русский в Санкт-Петербург, а в шведский Ниен. До прихода русской армии в Невской дельте находились шведские крепость, город, небольшие деревни и поместья. При впадении р. Охты в Неву располагалась шведская крепость Ниеншанц (заложена в 1611 г.), а также город Ниен. Он насчитывал, по крайней мере, 400 домов и примерно 2000–2500 жителей. Среди городов Финляндии он уступал по величине только Выборгу и Або. Ниен был значительным торговым центром, куда доставляли товары шведские и русские купцы, корабли также приходили туда из Германии, Голландии и Англии. Сеть дорог соединяла Ниен с Нотебургом, Нарвой, Выборгом и Кексгольмом. Северная война положила конец почти 100-летнему существованию города. 20 октября 1702 г. в ожидании прихода русской армии шведский комендант Юхан Аполлоф приказал Ниен сжечь [15, с. 81–83; 17, с. 139, 179; 18, с. 18–19].

Приход торгового корабля был расценен Петром как знак прекрасного будущего заложенного им нового города. Это событие осветила первая российская газета «Ведомости» [3, с. 95]. Она писала, что в Санкт-Петербург пришел голландский корабль с грузом вина и соли. В доме петербургского губернатора А. Д. Меншикова состоялся банкет, во время которого шкиперу Яну Гилбранту подарили 500 золотых, а его матросам по 300 талеров. На пиру объявили, что тому, кто приведет второй корабль в Санкт-Петербург, подарят 300 золотых, а третий – 150 золотых. Все доставленные товары были куплены русским правительством, и в декабре 1703 г. голландский корабль благополучно вернулся в Амстердам.

9 июля 1704 г. года к небольшой крепости Кроншлот, оборонявшей вход в устье Невы и судоходный фарватер, подошло второе в истории Санкт-Петербурга иноземное купеческое судно. Это был английский корабль с грузом сукна и табака, а также пива, оливок и сыра, имевший команду из одиннадцати человек и две малые пушки.

Согласно царскому указу, судно досмотрели в Кроншлоте и пропустили в Санкт-Петербург. Там капитан и команда были вынуждены задержаться. 12 июля 1704 г. финляндская армия генерал-лейтенанта Ю. Г. Майделя предприняла попытку овладеть Санкт-Петербургом, а эскадра Я. де Пру приблизилась к Котлину и Кроншлоту и попытались высадить десант. Британский купец и консул К. Гутфель (Ч. Гудфеллоу) пожаловался петербургскому обер-коменданту на непредвиденную задержку, поскольку платил капитану за простой по 100 руб. в неделю. Наконец в августе – сентябре 1704 г. на корабль погрузили привезенные с Олонецкой верфи смолу и деготь. Однако товар в Англию судно так и не доставило, поскольку на обратном пути его захватили шведы [1, с. 88].

Русское правительство прилагало усилия для развития внешней торговли через Санкт-Петербург. Губернатор А. Д. Меншиков предлагал британскому консулу заключить договор о поставке 40 000 тонн смолы в Англию, но с условием, что ее вывезут через Петербургский порт. Однако реализации планов мешала блокада нового города шведским флотом со стороны моря. Следующий английский торговый корабль пришел в Санкт-Петербург только через несколько лет.

2 сентября 1710 г. к стоявшему близ о-ва Котлин русскому флоту подошло судно под управлением Джона Коллвина. Прибытие второго в истории города иноземного корабля снова стало важным событием. Русский флот приветствовал его спусканием парусов и пушечными выстрелами. Груз на этом корабле принадлежал английскому купцу Андрею Стейлсу, который находился в России. Сам корабль был построен в 1708 г. на верфи Осипа и Федора Бажениных близ Холмогор. Но на обратном пути из Санкт-Петербурга этот корабль разбился у берегов Норвегии [10, с. 425].

Затем из-за шведской блокады в течение двух лет ни одного торгового судна в Санкт-Петербург не приходило. Перелом наступил летом 1713 г., когда русская армия и флот заняли южную Финляндию с городами Гельсингфорс и Або. В июле 1713 г. после прорыва шведской блокады к о-ву Котлину подошло три английских и три голландских купеческих судна. 27 июля два голландских судна (галиот и гукор) вошли в Неву и причалили возле Летнего дворца царя. В честь зарубежных купцов стреляли из пушек и вновь был устроен торжественный обед. Именно с 1713 г. ученые начинают историю регулярного торгового судоходства Санкт-Петербурга в порты Западной Европы и на Северном море [6, с. 94; 10, с. 426–427]. Однако медленные темпы развития новой столицы как центра российской и международной торговли не устраивали Петра Великого. С осени 1713 г. Петр I начал реализацию плана переориентации торговых потоков с Архангельска на Белом море в Санкт-Петербург на Балтике. С конца XVI в. именно Архангельск являлся основными морскими торговыми воротами России. В начале XVIII в. он фактически сосредоточил до 100 % российской внешней торговли с Европой [2]. В город регулярно прибывали европейские купцы: англичане, голландцы и немцы из Гамбурга. Экспорт из России через Архангельск превосходил импорт в денежном выражении, то есть торговля была в целом сбалансирована. Главные минусы Архангельска – короткий навигационный сезон, а также отдаленность от российской столицы и русских торговых центров.

Петр Великий последовательно законодательными и административными мерами ограничивал контакты Архангельска с внутренним российским рынком, с целью ускорить развитие торговли через Санкт-Петербург. 31 октября 1713 г. был издан первый из целой серии указов Петра Великого, направленных на ограничение и запрет возить в Архангельск основные экспортные товары (пеньку и юфть) и предписывавших везти эти товары только в Санкт-Петербург. Жесткие меры правительства вызывали недовольство русских и иноземных купцов, способствовали развитию товарооборота Санкт-Петербурга. Наиболее радикальное ограничение торговли Архангельска в 1721 г., вызвали резкий подъем торгового судоходства в Санкт-Петербурге уже в следующем году. Если в 1714 г. туда пришло 16 заморских судов, то в 1720 г. – 75, в 1721 г. – 60 и в 1722 г. – 120 судов. Исследователи также отмечают, что самым важным фактором оставался фактор войны. Только после окончания Северной войны начался устойчивый подъем товарооборота, который продолжался в последующие годы. В 1725 г. товарооборот Петербургского порта составил 3,4 млн руб. (в 1718 г. – 422 тыс. руб.) [6, с. 94; 7, с. 270].

В первые годы Петербургского порта большинство торговых судов приходило туда под английским флагом. Однако к концу царствования Петра Великого заморские торговые контакты нового порта стали более обширными и разнообразными, чем у Архангельска. В. Н. Захаров проанализировав записи в STR до 1725 года, отметил, что там зафиксировано 64 порта, имевших прямые связи с Санкт-Петербургом и находившихся в Англии, Нидерландах, Норвегии, Дании, Франции, Португалии, Испании, Италии, на северо-западе Германии [7, с. 273].

Развитию города как международного порта препятствовали не только военные действия на море или каперы, но отчасти природные условия. Судоходство на Ладожском озере всегда было связано с большим риском. Колебания уровня воды, а также внезапные шторма, особенно частые весной и осенью, приводили к гибели парусных и гребных судов. Судя по сохранившимся до наших дней документам, в первой четверти XVIII в. русским судам случалось дожидаться весны вмерзшими в лед на Ладожском озере. Для защиты корпуса обкладывали соломой и лыком. Мастеровым и работным людям часто приходилось спасать занесенные непогодой на мель суда. В 1711 г. на Олонецкой верфи был спущен на воду корабль, который строил мастер Вилим Снельгроф [8, с. 125]. В начале октября поручик И.А. Сенявин вывел этот корабль из устья р. Свирь в Ладожское озеро. Однако из-за низкого уровня воды в озере он остановился в десяти верстах от Шлиссельбурга. Было принято решение поставить судно на зимовку в «удобном месте». Корабль обложили лыком и оставили для охраны сто солдат с командиром [9, с. 258–261, 268]. Однако он так и не вошел в состав Балтийского флота. В «Истории отечественного судостроения» упоминается, что в августе 1712 г. во время проводки по Ладожскому озеру корабль попал в шторм, был занесен на мель близ Новой Ладоги, где его пришлось разломать [8, с. 125].

Идея строительства канала в обход бурного Ладожского озера возникла у Петра I в 1712–1713 гг. В эти годы велись работы по поиску различных способов решения проблемы. Указ о начале строительства канала был подписан 26 сентября 1718 г.

В октябре полковник Г. Г. Скорняков-Писарев подготовил технический проект, согласно которому общий объем земляных работ составлял 140 000 куб. сажен. К работам приступили только зимой 1719 г., когда недалеко от реки Волхов начали рыть канал на протяжении двух верст [5, с. 29, 41, 45–46]. По преданию, открывая работы, царь лично выкопал три тачки земли и отвез на место строившейся дамбы [4, с. 381]. Максимальное число работников на строительстве канала никогда не превышало семи тысяч человек, и работа затянулась на долгие годы. Строительством после Г. Г. Скорнякова-Писарева руководил подрядчик В. Озеров, а на заключительном этапе генерал-лейтенант Б. К. Миних (1724–1730 гг.). Из-за неправильных расчетов объем работ значительно увеличился, и Петр I так и не дожил до их окончания. В мае 1728 г. был открыт для судоходства небольшой участок между Новой Ладогой и Кабоной, и только в 1731 г. весь канал [5, с. 50, 52, 63–64, 68, 71]. Протяженность канала составляла 104 версты (111 км), ширина – 20–25 м. Сложность представлял также вход судов в Санкт-Петербург и со стороны Финского залива. На шведских картах XVI–XVII вв. отмечены два основных фарватера, которыми военные и торговые корабли могли достигнуть Ниеншанца. Это старый северный и новый южный фарватер. К началу XVIII в. северным фарватером уже перестали пользоваться, южный фарватер также постепенно заносило песком. В Санкт-Петербург могли входить суда с осадкой не более 8 футов (2, 44 м).

Из-за мелководности Петербургского порта было принято решение разгружать корабли на Котлине. Также на острове завершали оснащение и вооружение построенных на петербургских и ладожских верфях кораблей: с мелким весом и осадкой им было проще миновать сложные участки фарватера. По указу Петра Великого на Котлине построили гавани – Корабельную, Купеческую и Военную. Возведение комплекса новых благоустроенных гаваней началось еще в 1713 г. под руководством капитана Э. Лейна и завершилось только в 1723 г. [14, с. 13–15]. В Петровскую эпоху предпринимались первые попытки углубить фарватер, однако не хватило технических возможностей. Только в 1885 г. был прорыт Морской канал, существующий до настоящего времени.

Итак, в годы Северной войны определены направления экономического развития Санкт-Петербурга и региона, которые продолжались в последующие эпохи. На начальном этапе главной движущей силой была политическая воля Петра Великого, его стремление создать сильный флот и центр международной торговли на Балтийском море. Возведение Санкт-Петербурга потребовало привлечения ресурсов практически всех регионов государства. Рост внешней торговли через Петербургский порт также обеспечивали строгие законодательные меры русского правительства.

Судоостроительные предприятия и портовые сооружения повлияли на планировку и облик Санкт-Петербурга. Нева превратилась в основную транспортную артерию новой российской столицы, часть речного и морского пути, связывающего ее с другими европейскими и русскими торговыми и промышленными центрами. Длительное время основным недостатком местности была мелководность дельты Невы. Проблему удалось решить только в XIX в. строительством Морского канала. С конца XVIII в. судоходство также затрудняло увеличившееся число наплавных мостов через

Неву (первый постоянный подъемный мост появился только в 1851 г.). Постепенно большинство предприятий были перенесены на окраины города или в его окрестности. Память о них сохранила городская топонимия – Адмиралтейский канал, улицы Галерная, Гаванская и др. В конце XIX в. за пределы исторического центра был вынесен и Петербургский порт.

Список используемых источников:

1. Базарова, Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого : Очерки. СПб.: Гийоль, 2014. – 408 с.
2. Беспярых, Ю. Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны. 1700–1721. СПб., 2010. – 680 с.
3. Ведомости времени Петра Великого: В память 200-летия первой русской газеты. Вып. 1: 1703–1707 гг. / ред. В. Погорелов. М., 1903. – 408 с.
4. Воскобойников Н. Ладожский канал // Русский Вестник. Т. 14. Апрель. Кн. 1. М., 1858. – С. 366–392.
5. Горелов, В. А. Речные каналы в России: К истории русских каналов в XVIII веке. М.; Л., 1953. – 176 с.
6. Захаров, В. Н. Внешняя торговля России при Петре I // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2021. – № 4. – С. 91–103.
7. Захаров, В. Н. Становление торгового судоходства в Петербургском порту при Петре Великом (по данным записей о взимании Зундской пошлины) // Пётр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сб. статей. СПб., 2019.
8. История отечественного судостроения IX–XIX вв. Т. I. / под ред. Д. В. Дмитриевича. СПб., 1994. – 472 с.
9. Материалы для истории русского флота. Ч. I. / под ред. С. И. Елапина. СПб., 1865. – 716 с.
10. Кротов, П. А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2000 г. СПб., 2001. – С. 423–433.
11. Кротов, П. А. Порт Морской Санкт-Петербургский // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в трех томах. Том I: Осмнадцатое столетие. Книга вторая. СПб., 2001. – С. 309–310.
12. Кротов, П. А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. 1991. – № 11. – С. 209–213.
13. Репин, Н. Н. Петербург как внешнеторговый центр (первая четверть XVIII в.) // Феномен Петербурга Труды Второй Международной конференции, Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2000 г. СПб., 2001. – С. 410–422.
14. Розадеев Б. А, Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. – 143 с.
15. Сорокин, П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб. : Литера, 2001. – 128 с.
16. Чулков, М. Д. Историческое описание российской коммерции... М., 1785. –

288 с.

17. Шаскольский, И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб. : Наука, 1994. – 187 с.

18. Jangfelt B. How Nyen became Saint Petersburg // Water Cities. Saint Petersburg–Stockholm: Catalogue of the exhibition "Water Cities. Saint Petersburg–Stockholm" at the Museum of Architecture, Stockholm, September–November 1998. Stockholm, 1998. – P. 17–20.

УДК 902(4/9)

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ПРУПОЯ

**Вацура Павел Геннадьевич, студент
Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова,
г. Могилёв, Республика Беларусь**

Ключевые слова: «Замковая гора», фортификационные сооружения, Пропойск, замчище, ров, вал.

Реферат. В настоящей статье рассматривается история изучения г. Славгорода Могилёвской области. Дается описание материальной культуры города, а также эволюция его фортификационных сооружений. Выделяются актуальные проблемы, незатронутые ранними исследованиями.

Впервые город Прупой¹ упоминается в Уставе Ростислава Смоленского 1136 г. Город платил дань смоленскому князю в 1116–1127 гг. в размере 10 гривен. Столько платили самые малые городские центры. Город являлся южным центром Смоленского княжества, находясь на границе с Черниговским. В 1387 г. Прупой передан князю Скиргайле, а в 1430 г. Свидригайле [1, с. 200].

Город зародился на правом берегу р. Сож, южнее устья р. Прони на площадке размером 95х40 м. Она вытянута с севера на юг в доль русла Сожа, возвышается над поймой на 13 м, над меженным уровнем на 21 м. С запада площадка защищена рвом шириной до 20 м и глубиной до 11 м, по дну которого протекает ручей. С напольной, северной, стороны отделено от плато рвом глубиной 4 м с шириной до 18 м. В настоящее время здесь находится городской парк и имеет местное название «Замковая гора» или «Замок Голицина» [4, с. 2–3].

Первые археологические исследования на территории памятника в 1967 г. провёл Г. В. Штыхов. Учёный заложил 2 шурфа в юго-восточной части памятника,

¹В письменных источниках современный г. Славгород известен под названиями «Прупой» и «Пропошеск». До 23 мая 1945 г. именовался Пропойском.

в которых обнаружен лепной и гончарный керамический материал, а также обломок стеклянного красного браслета, что, по его оценке, является редкой находкой. По мнению Л. В. Алексеева, такой браслет является предметом импорта из Византии. Мощность культурного слоя варьируется от 1,3 до 1,8 м [5, с. 48–49].

В 1974 г. замчище обследовал М. А. Ткачёв. Впервые исследованию подверглись фортификационные сооружения древнего Пропойска. Им прорезан вал, проведена шурфовка замчища и окольного города. В северной части Замоковой Горы было заложено 8 шурфов [4, с. 3].

В шурфах 1–5 мощность культурного слоя достигала 1,05 м. Здесь найдена керамика XII–XIII вв. и кости домашней свиньи. Керамический материал шурфа-6 представлен в основном фрагментами керамики XII–XIII вв. и более позднего периода. Мощность слоя составила – 1,4 м. Шурф-7 заложили на южном мысу Замоковой горы, мощность культурного слоя – 2,85 м, материалы первых 0,9 м М. А. Ткачёв интерпретировал как мусор XVIII в. Здесь выявлена керамика XI–XIII и XIV–XVIII вв., обломки печных изразцов XVII–XVIII вв., кости крупного и мелкого рогатого скота, домашней свиньи, лошади и бобра. Мощность напластований в шурфе-8 на северном участке замчища около оборонительного рва оказалась незначительной – 0,4 м. Они содержали фрагменты гончарной керамики. Также, вблизи траншеи, которой прорезали вал, был заложен раскоп площадью 56 м². В этом месте максимальная мощность слоя составила 1,85 м. Индивидуальные находки из исследований 1974 г. представлены широким набором предметов различных сфер жизни человека. К женским украшениям относятся 62 обломка стеклянных браслетов чёрного, коричневого, зелёного, жёлтого и синего цветов, также бесцветные, которые разделены на несколько типов. Несколько бронзовых браслетов и лунница, датируемая XI веком [4, с. 4–7]. Остатки построек обнаружить не удалось, однако обнаружен очаг, расчистка которого позволила датировать его XI в. по найденной рядом керамике и луннице [4, с. 4–7].

С целью изучения городского посада была проведена шурфовка площадки к северу от детинца. Здесь заложено 5 шурфов размерами 1х1 м. По обнаруженной керамике XII–XIII вв. из позднего периода, позволило М. А. Ткачёву говорить о возникновении городского посада с северной стороны замчища не ранее XII в, который занимал площадь более 1 гектара [4, с. 8].

В материковых ямах зафиксированы обломки сосудов зарубинецкой и милоградской культур, также несколько кремнёвых орудий. Предметы из железа X–XIII вв. представлены: ножами, кованными гвоздями, рыболовными крючками, кольцами от упряжек, долотом и косой. Отдельно следует упомянуть о находке бронзового писала в слое XII–XIII вв., и насошника XVII–XVIII вв. Также выявлены костяной двусторонний гребень с орнаментом в виде прямых линий, монетовидная поделка с узором, костяные лопаточки, костяная игла и др. Данный материал свидетельствует о том, что местные жители знали косторезное ремесло, либо же это следы импорта. Найдено несколько пряслиц, глиняные грузила, точильные бруски и остатки фортификационных сооружений XII в.

Осуществлённая М. А. Ткачёвым прорезка замкового вала показала что в X–XI вв. по краю площадки стоял частокол. Ко второй половине XII в. относится возведение искусственного земляного вала, шириной в основании 4 м и высотой до 1 м. Его гребень венчал деревянный острокол, сгоревший при неясненных обстоятельствах [4, с. 3].

Уже в XIII в. Пропойск представлял собой небольшой «град». По мере роста города, росли и его укрепления. В XIII в. городской вал подсыпали до 2-метровой высоты со стенами срубной конструкции.

М. А. Ткачёв указывает, что сведения о более поздних фортификационных сооружениях замка говорить не приходится. Так как после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Пропойск перешёл во владение князю А. Голицыну, который решил постороить усадьбу и разбить парк на территории замчища. В ходе этих работ был снивилирован вал и построен дворцово-парковый комплекс.

По мнению исследователя на момент взятия города в августе 1654 г. И. Н. Золоторенко. Замок имел рубленые стены и некое количество башен. Кроме этого в замке было 2 моста – 1 через ров со стороны окольного города. Про расположение второго в отчёте не указано [4, с. 3]. Однако из письменных источников известно, что в замке находился гарнизон из 10–20 казаков, на содержании староства, центром которого был Пропойск. В замке находился свой пушкарь, что свидетельствует о наличии артиллерии в боевом арсенале замка [2, с. 463].

Свои исследования 1988 г. на Замковой горе проводил А. А. Метельский. Им был разбит раскоп в 6х4 м в южной части городища [6, с. 4].

Новые исследования на памятнике были проведены в 2014 г. Е. П. Королёвой. Учёной заложен шурф 4х4 м в северной части замчища. Помимо этого был собран подъёмный материал с восточной стороны городища.

В шурфе обнаружена керамика XI–XVIII вв. (венчики, фрагменты стенок – 89, донца, фрагменты макотр и др.). Здесь же обнаружено 2 фрагмента печных изразцов (датируется второй половиной XVI – первой половиной XVII вв.). Изделия из стекла: 4 фрагмента оконного стекла и 7 фрагментов стеклянных сосудов. Металлические предметы представлены 2-мя гвоздями. Максимальная глубина шурфа в материковой яме достигла 1,57 м. Культурный слой зафиксирован в пластах II–IV [6, с. 6].

Подъёмный материал представлен керамическими изделиями: 25 фрагментов стенок горшков, 15 фрагментов венчиков горшков XVI–XVIII вв., 12 фрагментов донцев и др. Несколько печных изразцов, на одном из которых изображена лошадь, под туловищем которой прослеживается часть дракона. Из стекла удалось найти 4 стенки сосудов, 4 фрагмента оконного стекла. Изделия из металла представлены 3-мя гвоздями и 1-м металлическим кольцом [6, с. 10, 11, 13].

В 2019 г. Замковую гору обследовал И. В. Терентьев. Исследователем собрана коллекция фрагментов различных керамических изделий XII–XVIII вв. [3, с. 8–10].

Таким образом мы можем чётко утверждать, что поселение здесь существовало ещё с эпохи железного века, площадка удобна для проживания и имеет природные укрепления. Город служил административным и культурным центром в разные периоды. Стоит отметить, что Славгород вызывал интерес у исследователей как в советское

время, так и до сих пор его исследования остаются актуальными и незавершёнными. Остаются «белые пятна» в некоторых важных вопросах истории города: вопрос о системе фортификационных сооружениях позже XIII в. является открытым, планировка города остаётся не ясна, проблема экономического развития города практически не рассмотрена, и др. Все вышеперечисленные проблемы требуют дальнейших широких археологических исследований и соотношения накопленного материала с известными письменными источниками.

Список используемых источников:

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев ; Ин-т археологии РАН. : Наука, 2006. – 281 с.
2. Вялікае княства Літоўскае : т. 2 / Рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал.рэд) і інш.; Маст. З. Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2007. – 792 с.
3. Терентьев, И. В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Шкловского и Славгородского районов Могилёвской области в 2019 г. – 78 с.
4. Ткачѳв, М. А. Отчѳт о полевых исследованиях в 1974 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 470. – 33 с.
5. Штыхов, Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 г. / Г. В. Штыхов – ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – С. 349.
6. Шуткова, Е. П. Отчѳт об археологических раскопках на городище Замковая Гора в г. Славгород, Могилѳвская область в 2014 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. №3212. – 14 с.

УДК 94(470)

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. XX–XXI ВЕК

Гусева Светлана Владимировна, кандидат исторических наук
Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
г. Москва, Российская Федерация

Ключевые слова: древнерусский город, феодальный город, города-государства Древней Руси, историческая социология, И. Я. Фроянов.

Реферат. В XX в. научное исследование древнерусского города дало блистательные результаты (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков). Появление концепции городов-государств И. Я. Фроянова в конце XX в. стало новаторством в изучении теме и сформировало научную школу, изменившую взгляды на развитие Древней и Средневековой Руси.

Изучение славянского города было начато в XIX в. В XX в. научное исследование древнерусского города (как с археологических, так и с исторических позиций) дало блистательные результаты. Эта тема подарила науке имена выдающихся ученых: Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков. Город всегда являлся символом всего прогрессивного в обществе, поэтому изучению истории городов отводилось серьёзное внимание в советской исторической науке, ставшей в этом плане преемницей дореволюционной историографического наследия.

Наступление феодализма и зарождение государства в Древней Руси являлись ключевыми дискуссионными вопросами советской историографии. В итоге оформилось несколько концепций (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин), стержневым положением которых стало признание одновременности процесса образования государства и вступления Древней Руси в феодальный период (формацию). Также и в отношении древнерусского города восторжествовало представление о его феодальном характере (Б. Д. Греков, Н. Н. Воронин, М. Н. Тихомиров, Б. Д. Рыбаков). Разделение ремесла и земледелия было провозглашено условием градобразовательного процесса на Руси.

В 70–80-е гг. XX в. ленинградский историк И. Я. Фроянов пришел к пересмотру устоявшихся в науке взглядов на развитие феодализма, появление и устройство древнерусских городов. Концепция городов-государств Древней Руси стало новаторским явлением в советской исторической науке. Более 30 лет она имеет как своих сторонников, так и противников, что свидетельствует о её большом значении. По мнению И. Я. Фроянова, и государство и города зародились в доклассовом обществе, как общественные институты. Автор представил историю Древней Руси в духе социологии, отдав предпочтение общественным системам регулирования, а не давлению государственной власти. Рассматривая образование города через призму общины, И. Я. Фроянов отказался от признания условием его образования разделение ремесла и земледелия. Город в данной концепции возникает как административный центр, а его связи с земледелием и округой остаются, как необходимые для функционирования общины. В работе И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко феодализм перестал быть непреложным условием для образования древнерусского государства и образования древнерусских городов. «Городские волости-земли этого времени – не княжества-монархии, а республики, принявшие форму города-государства. Появление таких городов-государств ничего общего с феодальной раздробленностью не имело...».

В работах ученика и преемника И. Я. Фроянова Ю. В. Кривошеева концепция городов-государств была применена к истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Через соперничество городских общин исследователь рассмотрел историю Ростова, Суздаля, Владимира, а также раннюю историю Москвы. Новаторский подход концепции по отношению к советской историографии гармонично уравнивался наличием историографических предпосылок в дореволюционных исследованиях, прежде всего в трудах И. Д. Беляева и М. Ф. Владимирского-Буданова. Развитием этих взглядов и приложением концепции городов-государств к истории Москвы стала

коллективная монография «Москва в эпоху средневековья». В отношении Москвы XII–XIII вв. д. и. н. Ю. В. Кривошеев представил такой вывод: «Москва – яркий пример древнерусского пригорода, осознавшего свою экономическую и политическую силу и стремящегося выйти из «пригородного» состояния». К книге приведены примеры того, как политику московских князей можно рассматривать через призму этой концепции: борьба Ивана Калиты другими городами-государствами – это волостное противостояние, ликвидация Дмитрием Донским института тысяцких – уничтожение прежних форм управления (тезис был разработан И. Я. Фрояновым). Монография показала, что историю возвышения Москвы и создание единого Русского государства возможно рассматривать через концепцию городов-государств. Единое Русское государство с центром в Москве это «государственное образование, исторически закономерно соединившее и вобравшее прежние государственные структуры – города-государства». В отдельной главе книги была представлена московская усабица второй четверти XV в. как переломный и во многом завершающий период в существовании волостных и вечевых традиций управления на Руси.

Демократическая основа концепции И. Я. Фроянова многое дала в целом для осмысления исторического процесса России, стала ядром образования целой школы в Санкт-Петербургском университете и за его пределами. В поздних публицистических работах И. Я. Фроянов писал о необходимости признания различных типов демократии, не только по западному образцу. По И. Я. Фроянову для восточных славян «властью народа» было вече городов-государств Древней Руси.

В 2010-х гг. А. Ю. Дворниченко выступил с рядом публикации в защиту концепции. Он отмечал, что концепция И. Я. Фроянова выделяет XIII – первую половину XV вв. как переходный период между древнерусским полисным устройством и возникновением новых монархических государств. Это позволяет избавиться от во многом искусственных понятий таких, как «феодалная раздробленность» или «удельный период». На этот период попадает и возвышение Москвы, и создание единого Русского государства, а это важнейшие темы для самосознания русского народа. И, конечно, характеристика периода как «переходного» вызывает к нему особенное внимание. И. Я. Фроянов отмечал в книге «Города-государства Древней Руси», что особый вклад в науку он видит именно в разработке переходных периодов.

Также А. Ю. Дворниченко наметил перспективы развития концепции – это поиск определения общей славянской «общинной демократии»: «Речь идет о сравнении восточнославянских государств с подобными явлениями у других славян». Сейчас даже заявка на эту научную тему звучит очень актуально, ввиду сильнейших угроз для славянского мира и единства. Наличие своего демократического пути развития у славян может стать достойным ответом на постоянное идеологическое давление и неутрачивающие попытки навязать тезис о несамостоятельности и несостоятельности инструментов власти и самоуправления у славян. Корни этого спора восходят к «нормандскому вопросу», и можно сказать, лежат у истоков российской исторической науки.

Список используемых источников:

1. Алексеева, С. В. Тихомиров М. Н. как историк древнерусского города // М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. СПб., 2008. – 350 с.
2. Гусева, С. В. (Алексеева) Город и горожане в княжеских уособиях второй четверти XV в. (Галич и Вятка): историографический аспект // Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: VI Зиминские чтения. М., 2017. – С. 41–72.
3. Дворниченко, А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2018. – № 2 (10). – С. 6–23.
4. Дворниченко, А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2017. – 560 с.
5. Дворниченко, А. Ю. Frounov legasy и главные задачи изучения Великого княжества Литовского, России и других стран Восточной Европы в средние века // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2023. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 7–20.
6. Кривошеев, Ю. В. Русская средневековая государственность. СПб., 2008. – 129 с.
7. Кривошеев, Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015. – 451 с.
8. Кривошеев, Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В. Москва в эпоху средневековья: Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб, 2021. – 432 с.
9. Фроянов, И. Я., Дворниченко, А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 269 с.

УДК 94(476)

**СОЙМАВЫЯ СТАЛІЦЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ
У КАНЦЫ XV – ДРУГОЙ ТРЭЦІ XVI СТАГОДДЗЯЎ**

**Даўматовіч Кірыл Дзмітрыевіч, настаўнік гісторыі
ДУА «Сярэдняя школа № 5 г. Салігорска
імя Героя Савецкага Саюза В. І. Казлова»,
г. Салігорск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: соймавая сталіца; сойм; Вялікае Княства Літоўскае; парламентарызм; Вільня; Гародня; Берасце; Наваградак; Менск.

Рэферат. Мэта даследавання – вызначыць прычыны выбару месца для пасяджэнняў сойма ў Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XV – другой трэці XVI стст. Прапануецца называць месца пасяджэнняў сойма – «соймавай сталіцай». Аўтар прыходзіць да высноваў, што галоўнай прычынай выбару соймавай сталіцы была прыдатнасць і зручнасць таго ці іншага месца ў пэўных умовах.

Да канца XV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) адбыліся істотныя сацыяльна-палітычныя змены. Новай з’явай у палітычным жыцці дзяржавы стала афармленне і развіццё прадстаўнічых інстытутаў улады [5, с. 21; 7, с. 1–33, 40–44, 70; 12, с. 139–140]. З гэтага часу і да заключэння Люблінскай уніі 1569 г. у ВКЛ дзейнічаў асобны парламентарны інстытут – сойм (вальны сойм), кампетэнцыя якога ўключала ўсе бакі дзяржаўна-палітычнага жыцця.

Перад пачаткам працы сойма Панамі-Радай сумесна з манархам па Вялікаму Княству расылаліся соймавыя лісты з запрашэннем да пасяджэння [1, № 100; 3, арк. 142–142 адв.; 4, арк. 537–538; 6, Дадатак, № 12, 31, 45, 53, 56, 60–61; 7, Приложение, с. 39–40]. У гэтых лістах вызначаліся месца і тэрмін пасяджэння, а таксама запрошаныя асобы (ці групы асобаў). Часам у соймавых лістах абгрунтоўвалася тое ці іншае месца пасяджэння сойма ВКЛ, якое мы ўмоўна называем «соймавай сталіцай». Менавіта праблеме прычын выбару таго ці іншага месца для пасяджэння сойма і прысвечана дадзенае паведамленне. З-за незахаванасці (і/або невядомасці) ўсіх крыніц, мы засяродзілі асноўную ўвагу толькі на асобных прыкладах.

Месца пасяджэння сойма ВКЛ адыгрывала вельмі важную ролю ў палітычным жыцці грамадства. Гэта было звязана як з працэдурнымі момантамі працы парламента, так і з паўсядзёнымі праблемамі палітычнага народу ВКЛ. Трэба было сабраць акрамя Паноў-Рады прадстаўнікоў розных зямель Княства. Калі радныя паны амаль заўсёды былі забяспечаны фінансавымі сродкамі, то больш дробныя прадстаўнікі не заўсёды маглі забяспечыць сабе дарогу да месца пасяджэння сойма. У гэтым выпадку адметныя просьбы харунжых на Віленскім сойме 1559 г. Так, харунжыя прасілі Жыгімонта Аўгуста аб тым, каб мясцовая шляхта адпраўляла сваіх прадстаўнікоў на сойм і каб шляхта пакрывала кошт іх дарогі да месца пасяджэння. Харунжыя нават прасілі вызвалення ад срэбшчыны. Хаця манарх не вызваліў харунжых ад выканання іх прадстаўнічых і налагавых абавязкаў, але наконт аплаты шляху да месца пасяджэння сойма выказаўся станоўча («и тепер[ъ] водле постановенья соймоваго брати будете бирьчое за працу свою») [11, с. 274–275]. У далейшым пытанне фінансавання соймавых паслоў падымалася на Гарадзенскім сойме 1567 г. [7, Дадатак, с. 176; 10, с. 16]. Акрамя эканамічнага фактару на выбар месца пасяджэння ўплывалі знешепалітычнае і ўнутранапалітычнае становішча ВКЛ, а таксама зручнасць таго ці іншага горада. Яшчэ з практыкі «спольнага» соймавання ВКЛ і Польшчы ў Гарадзельскім прывілеі 1413 г. након месц сумесных пасяджэнняў адзначалася: «ладзіць з’езды і соймы, калі будзе патрэба, у Любліне ці ў Парчове ды і ў *іншых прыдатных месцах* [вылучана намі – К. Д.]» [9, с. 32].

Галоўным месцам соймавых пасяджэнняў у ВКЛ зразумела была сталіца дзяржавы – Вільня. «Сталічны» статус гэтага горада ў Княстве абгрунтаўваў палажэнне, чаму менавіта там павінны былі адбывацца найважнейшыя падзеі. У Вільні на сойме 1492 г. наступным вялікім князем літоўскім быў абраны Аляксандр Казіміравіч [1, № 100; 3, арк. 142–142 адв.; 6, с. 134–137]. Нядзіўна чаму Жыгімонт Стары абраў Вільню як месца для выбару свайго сына Жыгімонта Аўгуста наступным вялікім князем (1522) і ўзвядзення яго на пасаду (1529) [6, с. 230–231,

252]. Менавіта на Віленскіх соймах уводзілася агульнадзяржаўнае заканадаўства – Статуты ВКЛ 1529 і 1566 гг. [6, с. 252, 697–700].

Аднак акрамя Вільні соймавай сталіцай становіліся і іншыя гарады. Напрыклад, у 1502 г. сойм быў у Наваградку, а ў 1507 г. – у Менску. Верагодна, на падобны выбар месца пасяджэння паўплывалі зборы войска ВКЛ ў дадзеных гарадах, калі дадаткова можна было вырашыць некаторыя пытанні [2, № 25; 6, с. 133; 7, Дадатак, с. 10]. Магчыма падобныя прычыны мелі месца і ў далейшым. Соймавымі сталіцамі ў Вялікім Княстве часта становіліся такія памежныя з Польшчай гарады як Берасце і Гародня. Найчасцей дадзеныя памежныя гарады выбіраліся з нагоды пераездаў вялікіх князёў (якія адначасова былі і польскімі каралямі) паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам. Ужо пры Аляксандры ў 1505 г. адбыўся Берасцейскі сойм [1, № 213; 6, с. 147–148; 8]. А у часы Жыгімонта Старога практыка па выбіранню Берасця і Гародні соймавымі сталіцамі стала рэгулярнай. Больш за тое памежныя соймавыя сталіцы дазвалялі манарху і палітычнаму народу больш інтэнсіўна распрацоўваць пытанні ўніі паміж ВКЛ і Польшчай. Напрыклад, у лісце Жыгімонта Аўгуста Бласлаўскаму і Вінніцкаму паветам ад 22 сакавіка 1566 г. наконт выбару Берасця як месца збору сойма адзначалася: «при границахъ съ паны радами и послами земель коруны Польское, которые на теперешний съемъ въ Люблине... зъ Беретья для постановенія скучного въ справахъ, уней сполной братской, одностайной милости, згоде належачихъ» [6, № 56, с. 166].

Былі выпадкі, калі на выбар соймавай сталіцы ўплывалі і іншыя фактары. Так, у лісце ад 20 кастрычніка 1565 г. «усім панам» Шчытовічам указвалася, што наступны сойм можа адбыцца як ў Вільне, так і ў Гародне. Было адзначана, што калі у Вільне не будзе эпідэміі («поветрие моровое»), тады сойм адбудзецца там [6, Дадатак, № 53, с. 154–155]. У выніку Віленскі сойм адбыўся.

Цікавая сітуацыя здарылася ў 1566 г. Тады 15 кастрычніка былі складзены соймавыя лісты, якія разаслалі 18 кастрычніка па Вялікаму Княству з запрашэннем на сойм у Берасці. Выбар дадзенага горада быў з нагоды знаходжання Жыгімонта Аўгуста ў Варшаве. Тым больш, што на гэтым сойме планавалася распрацоўваць пытанні ўніі з Польшчай [6, № 60, с. 178–182]. Аднак ужо 5 лістапада 1566 г. вялікім князем былі складзены новыя соймавыя лісты, ў якіх месца пасяджэння сойма пераносілася з Берасця ў Гародню. На перанос месца пасяджэння паўплывалі дзеянні Маскоўскай дзяржавы па ўмацаванню свайго ваенна-стратэгічнага становішча падчас Інфлянцкай вайны. Больш за тое планавалася правесці пасяджэнне ў Вільні, аднак з-за эпідэміялагічных абставінаў («за небезпечностью поветрея») у горадзе, сойм вырашылі правесці ў Гародне. Пры гэтым прадугледжвалася, што калі падобная эпідэміялагічная сітуацыя (верагода, чума) будзе ў Гародне, то сойм перанясуць у Кнішын [6, № 61, с. 183–184]. У выніку сойм адбыўся ў Гародні.

Такім чынам, выбар соймавай сталіцы ў ВКЛ залежыў ад шэрага як унутраных, так і знешніх фактараў. Па-першае, месца пасяджэння залежала ад пытанняў, якія планаваліся ўзняць на сойме. Калі гэтыя пытанні закраналі агульнадзяржаўныя інтарэсы (выбары наступнага манарха, ўхваленне агульнадзяржаўнага заканадаўства),

то сойм адбываўся ў сталічным горадзе Вялікага Княства – Вільні. Пры гэтым некаторыя пытанні (напрыклад, уніі) патрабавалі ад манарха хуткага пераезду паміж дзяржавамі, а часам узнікала патрэба ў сойма ВКЛ быць у кантакце з адсутным вялікім князем. У гэтых выпадках соймы праводзіліся ў памежных з Польшчай гарадах – Берасці або Гародні. Па-другое, месца пасяджэння залежала ад ваенна-палітычных акцый у першую чаргу, Маскоўскай дзяржавы. Па-трэцяе, некаторыя соймы маглі праводзіцца пры зручных абставінах, калі, напрыклад, усе станы сабраліся на ваенны збор, як гэта было у Наваградку ці ў Менску. Па-чацвёртае, выбар соймавай сталіцы залежыў ад эпідэміялагічнай сітуацыі ў тым ці іншым горадзе. Падсумуючы, галоўным крытэрыем, які ўплываў на выбар соймавай сталіцы ў ВКЛ была прыдатнасць і зручнасць таго ці іншага месца ў пэўных умовах.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России : в 5 т. / Арх. комиссия, И. Григорович. – Санкт-Петербург: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 1. – 1848. – 428 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России : в 5 т. / Арх. комиссия, И. Григорович. – Санкт-Петербург: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 2. – 1848. – 444 с.
3. Во имя Божее; как господар Его Милость Великий князь Александр сел на великом княжени Литовском Августа 1 дня, индикт 10, рассказывалма Его Милость листы судовыи и данину свою писати писарю своему Федку Янушковичу, и я што от того часу листов написал аж тыми разы, в тые книги новым вписываю // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 5.
4. Книга справ поселских, так теж данин и иных листов поточных за панованья Короля его милости Жикгимонта Старога // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. КМФ-18. Оп. 1. Д. 7.
5. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI — першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск : БДУ, 2002. – 98 с.
6. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – Москва : Московский Университет, 1900. – 1160 с.
7. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко – Харьков : тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.
8. Полехов, С. В. Привилеи великих князей литовских Смоленской земли (середина XV – начало XVI в.) / С. В. Полехов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2015. – 1. – С. 115–140.
9. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній / склад.: Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. – Мінск : БелНДІДАС, 2015. – 388 с.
10. Радаман, А. А. Ухвалы соймаў і шляхецкіх з'ездаў Вялікага Княства

Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў сістэме нарматыўнага рэгулявання фінансавання соймавых паслоў у другой палове XVI – пачатку XVII ст. / А. А. Радаман // Весці БДПУ. – 2005. – № 4. Серыя 2. – С. 16–21.

11. Русская историческая библиотека : в XXXIX томах / Археографическая комиссия; И. Лаппо. – Юрьев: типография К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXX. – 1914. – 896 с.

12. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie. Tom II: Litwa / S. Kutrzeba. – Lwów: nakł. Księgarni Polskiej Bernarda Połonieckiego ; Warszawa : Gebethner i Wolff, 1914. – 248 s.

УДК 930

НЕКОТОРЫЕ ТРЕНДЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРОДЕ В ВКЛ

**Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Ключевые слова: немецкоязычная историография, Великое княжество Литовское, город.

Реферат. Представления немецкоязычной историографии XX века автор старается соотнести с концепцией восточноевропейской науки и, прежде всего, с идеями той школы, к которой сам относится. Это идеи о древнерусском городе, как общинном центре волостного организма, о вече, как демократической форме управления и самоуправления в древнерусском обществе. Такой городской строй продолжал жить и в последующий «литовский» период, что нашло отражение и в западной исторической науке.

Историческая наука Германии¹ всегда живо интересовалась историей Великого княжества Литовского. Может, величина её вклада в изучение этой темы и пасует по сравнению с польской литуанистикой или с немецким же «пруссоведением», но этот дар немцев международной литуанистике (под ней понимаю изучение ВКЛ) надо оценить по достоинству. Как я уже пытался в своё время показать, немецкая историография в восприятии восточнославянского города неким парадоксальным образом оказалась в определенной зависимости от российской историографической

¹ Уверен, что стоит говорить даже не о немецкой в узком смысле слова, а о немецкоязычной историографии, также, как надо говорить, например, об англосаксонской.

традиции, которая была перенесена на западную почву эмигрантами из России¹. Речь в данном случае идёт о «долитовском» периоде, то есть о времени Киевской Руси (IX–XII вв.). Выяснилось, что германские историки, которых в советской исторической науке не очень жаловали, благодаря российским эмигрантам писали о Древней Руси, как о палладиуме демократии, находя в ней все атрибуты той концепции, которую я условно называю «демократической». Это идеи о наличии в Древней Руси городов-государств (волостей, земель), о своего рода иерархии таких городов-государств, о главенстве в каждом таком «городе-государстве» непосредственной демократии, ярчайшим образом отражавшейся в деятельности вечевых собраний, о своеобразной, архаичной ещё роли князя, отсутствии такой химеры, как феодализм и т. д.

Такая концепция во второй половине XIX – начале XX вв. была господствующей в российской науке, оформившись в трудах историков и историков-юристов разных научных школ, направлений и центров имперской России². А дальше возникла парадоксальная ситуация: в работах немецких «остфоршеров» эта патриотическая русская идея продолжала жить, а в СССР под давлением большевизации исторической науки она стала уходить на задний план, пока истина не была восстановлена школой И. Я. Фроянова³. Конечно, в немецкой науке также не было единства. Были и противники такого подхода, среди которых выделяется К. Цернак. Интересовался он, в основном, древнерусским вечем и, вроде бы, ярко изобразил древнерусский волостной строй во всей его красе: здесь и вече, которое происходит в главном городе волости, здесь и сама эта волость, которая подчиняется главному городу, причём, волость и появляется, когда ей надлежит появиться – во второй половине XI в.⁴

Однако, объяснение этому строю даёт он весьма странное. Ему не нравится идея «дореволюционной» русской историографии о «вечевом быте» в Киевской Руси, который, как он почему-то считает, противопоставлялся княжескому строю. Хотя, не принимает он и утверждения марксистских историков о классовой борьбе в древности. И тогда он придумывает свою концепцию, исходя из того, что в древности у всех народов была такая терминологическая пара: «*princeps – populus*», отражавшая суть представлений о социальных отношениях. На Руси этому соответствует летописная формула «князь – люди», препарируя которую историк выходит на «мужей – бояр» и на стоящих ниже ступенькой – людей.

¹Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // «Былые годы». 2014. № 34 (4). С. 487–497. Стоит отметить, что эти идеи вошли и в англо-саксонскую науку и не давали ей зайти в тупик вплоть до последнего времени, когда, к величайшему сожалению, это русское влияние значительно ослабло.

²Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., Евразия; М., ИД КЛИО, 2014 (2-е издание – 2017).

³Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. См. работы учеников И. Я. Фроянова.

⁴Klaus Zernack. 1) Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. S. 112, 118, 131–133ff; 2) Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1973. S. 13ff.

Отсюда делался кардинальный вывод о том, что именно знать заседала в древних народных собраниях, а появившееся в середине XI в. вече никак не связано с древним славянским народовластием, в которое историк, кстати, и не очень-то верит¹. Вече родилось тогда, когда на авансцене истории появились «люди градские», которые могли возглавить народное собрание. Другой важнейшей предпосылкой его появления была победа отчинного принципа,² усиление власти князей над землями. Вече в этих условиях – это, с одной стороны, партнёр князя, а, с другой, орган власти, корректирующий действия князя в пользу знати и горожан. Интересно, что противостоя советской исторической науке, Цернак, фактически, постарался опереться на работы М. Н. Тихомирова, которые можно назвать «коммунальным» подходом к древнерусскому городу. Дескать, на Руси формировалось некое городское сословие, борющееся за свои права, здесь горожане сражались с сеньорами и т. д.³ Концепция эта не выдержала испытания временем...

Цернак пытался привлечь и сравнительно-исторический материал: древнерусское вече сравнивается с народными собраниями у западных славян. Более того, эти наблюдения вливаются в русло изучения парламентских форм⁴. Такой характер вече определяет и его дальнейшую судьбу. На Северо-Востоке (Владимирская Русь) оно отмирает ввиду усиления княжеской власти и монгольского вторжения. Галицкая Русь всё больше начинает походить на западные образцы, где не вече, а, по крайней мере, предпарламент⁵.

Своим путём идёт Новгород. Он не стал отчиной одной династии и привилегии княжеского «партнёра» необычайно развились, сформировалось вече *de facto* самоуправляющегося города-государства. Впрочем, это вече мало походило на остальные вечевые собрания домонгольской Руси⁶. Не случайно К. Цернаку так понравилась концепция В. Л. Янина об изначальном аристократизме, который расцвёл в волховской столице⁷.

Неисповедимы пути господне и научные! Идеи Цернака (весьма смутные и непонятные) были подхвачены некоторыми современными российскими историками, которые попытались дезавуировать наши идеи о социальном и политическом строе Древней Руси. Эта попытка оказалась неудачной⁸. Но Киевскую

¹Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 82, 257.

²Ibid. S. 133.

³Ibid. S. 144–145; 265–266.

⁴Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit... S. 23.

⁵Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 112.

⁶Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit... S. 15

⁷Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen ... S. 182. На защиту древнерусской демократии встал ни кто иной, как В.Т. Пашуто, который, вообще-то, активно выступал против идей И. Я. Фроянова. В своей рецензии на работу германского историка он писал: «Стремясь доказать ошибочность тезиса советской исторической науки о вече как отмирающем свидетельстве былого народовластия патриархально-общинных времён..., он (К. Цернак – А.Д.) отбрасывает целый ряд свидетельств о вече» (Пашуто В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече) // История СССР, 1968. № 5. Сентябрь – октябрь. С. 235).

⁸Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал / Санкт-Петербургская Духовная Академия, СПб: издательство СПбДА, выпуск №2 (10): Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 года. 2018. С. 6–23.

Русь я сейчас вспомнил потому, что для немецкой, как и для русской исторической науки, несомненен урбанистический континуитет Древней Руси и ВКЛ.

Древнерусские города, оказавшись в составе ВКЛ, стали играть там выдающуюся роль, тем более что земли «коренной» Литвы, как известно, городами были небогаты. Во всяком случае уже сформировавшимися городами. Идея «дореволюционной» российской науки и характере городского строя в славянских землях ВКЛ¹, также, как и в случае с Древней Русью оказались востребованными со стороны немецкоязычной науки. А идеи эти, если сказать сугубо кратко, сводятся к сохранению городами ВКЛ характера и черт древнерусских городов-государств.

Эти идеи нашли отражение в книге, которая вышла в середине 50-х гг. Принадлежит она перу интересного историка, который, похоже, мог бы написать и больше. Когда читаешь его биографию, всё время выплывают какие-то мешавшие ему «политические мотивы», что и неудивительно, поскольку жизнь его пришлась на время войн – горячих и холодных². Хорст Яблоновский посвятил свою книгу положению и политическим настроениям русского населения ВКЛ в XV столетии³, но труд его крайне интересен для изучения города, прежде всего, как центра той или иной земли. Изучение историографии показало ему, что историки давно уже делятся на противоборствующие группы как раз касательно настроений в западнорусском обществе⁴. Я бы мог сейчас придраться к историографическому обзору, но делать этого не буду – главное противоречие между историками Яблоновски уловил прекрасно.

Самостоятельно изучение территориального развития ВКЛ убедило его в весомости и значимости русских земель во главе с городами в этом государстве⁵. Рассмотрев кратко, но емко унияцкий (политический) процесс, историк подводит читателя к вопросу о его влиянии на отношения народов в государстве. Для этого он обращается к политическому положению русских областей с их русским населением. Оказалось, что политика «старинны» привела к сохранению многих черт прежних городов-государств: даже наместники наследовали функции древнерусских князей, а в ряде регионов в первозданном виде сохранилось вече⁶. Соответственно, и положение князей, бояр, горожан оставалось прежним, лишь начиная медленно меняться под воздействием привилегий, выдаваемых центральной литовской властью. На горожан особенно влияло немецкое (магдебургское право)⁷.

¹Дворниченко А. Ю. 1) Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 90–102; 2) Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. С. 99–106.

²См.: Rhode Gotthold. Horst Jablonowski, 1914–1970 // Rußland, Polen und Deutschland. Gesammelte aufsatze. Köln–Wien: Böhlau Verlag, 1972. S. 441–453. Был учеником выдающегося историка О. Хётча.

³Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische stellung und die politischen tendenyen der Russischen bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. Leiden: E. J. Brill, 1955. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Band 2.) В основе – диссертация, защищенная Яблоновским в Свободном университете Берлина.

⁴Ibid. S. 6

⁵Ibid. S. 11–22.

⁶Ibid. S. 35–36

⁷Ibid. S. 39, 46–48.

Рассмотрение положения православной церкви убедило историка в том, что гонениям она в это время не подвергалась. Его не убедило в обратном и рассмотрение драматической борьбы за митрополию.¹ С большим интересом исследователь рассмотрел политический «стандарт» летописей. Оказалось, что он непросто: общерусские тенденции совмещаются в них со своего рода «литуанизацией». Как бы то ни было, но враждебных традиций он в летописании не обнаружил².

Политические устремления в русских областях Яблоновски несколько схематично, но эмпирически умело свёл к трём ориентациям: на автономное положение, литовская ориентация и московская. Причём, надо отдать должное историку – он видел сложность выделения какого-либо одного вектора. Легче всего стремление к автономии ему было заметить на материалах Смоленска, Киева и Волыни. Да и здесь боролись разные силы. Наиболее чётко промосковские «симпатии» проявились в верховских княжествах и рядом, но не было ли это результатом сильного московского давления³ ? Литовская ориентация наблюдалась даже, как известно, и в Великом Новгороде, что же говорить о тех землях, которые вошли непосредственно в состав ВКЛ.

Тут я не могу не отметить, что немецкий историк тонко чувствует древнерусский материал. Примечателен спор, который возник у него с Р. Бёхтольдом, который утверждал, что Юрий Лунгвеньевич хотел учредить в Смоленске некое государство⁴. На это Яблоновски замечает, что речь тут идёт о земле (Смоленской), как о действующем политическом факторе, но всё-таки не об отдельном государстве⁵.

Конечные выводы историка уже ясны: борьба в ВКЛ разгорается в XVI в., а само ВКЛ – это культурная сфера между восточными и западными славянами и в то же время буферная зона между Польшей и Россией, а значит между Россией и Западом, в которой сохраняются яркие черты древнерусской урбанистической истории⁶. В рецензии подчёркивались разнообразные достоинства работы: методическая четкость, продуманность всей структуры работы и т. д.⁷.

К сожалению, в отличие от древнерусских сюжетов, в области истории ВКЛ влияние дореволюционной науки не проникло так глубоко и широко в немецкоязычные умы. Полагаю, что это обусловлено целым рядом факторов, анализ которых заслуживает отдельной работы. Ясно одно: слабость такого влияния ослабила и сами историографические подходы.

И это сказалось на изучении города, который привлекает немецкую науку. Работающий в Пассау швейцарец С. Родевальд написал содержательную книгу о

¹Ibid. S. 54–55, 74–100.

²Ibid. S. 61–73.

³Ibid. S. 132.

⁴Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau ... S. 191.

⁵Ibid. S. 108.

⁶Ibid. S. 154–155.

⁷Rudolf Bächtold. [Rec.:] Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 4. H. 1. 1956. P. 72–73.

Полоцке¹. Среди его заслуг и то, что он организовал конференцию, посвященную истории ВКЛ, материалы которой были изданы². Историю Полоцка он взял с X по XX в. Такие вычурные с нашей точки зрения труды стали в какой-то момент популярны на Западе. Но только не касательно Полоцка: его история входит в несколько эпох, каждая из которых порождает вопросы, требующие обширных ответов.

Швейцарский исследователь, когда речь идёт о древнерусской эпохе, полемически заострён против моего подхода. Причём, судя по всему, считает его некоторым отклонением от нормы. Тут можно было бы посоветовать ему расширить историографический горизонт – тогда бы он заметил, что «демократическая» концепция древнерусской истории – своего рода бренд русской историографии. Тут не мной, ни даже И. Я. Фрояновым дело не ограничивается³. Да и норма-то что? Подход, разработанный на материалах и методиках изучения немецких городов со времён славного Л. Ранке⁴. Как говорили в той же Одессе, Полоцк и германские города – «две большие разницы».

А что же сам Родевальд? Полемизируя, он не хочет видеть ни различий в древнерусских периодах, ни древнерусской городской общины⁵. Сам он последователь К. Цернака, который не хотел видеть в восточнославянском городе ни веча, ни общины, ни городской волости, чем, кстати, как уже было отмечено, возмутил даже В. Т. Пашуто, далекого от воспевания самодеятельности народа в средневековой нашей истории⁶. Ну, раз нет общины в Киевской Руси, то дальше легче вписать Полоцк в некую модель «северовосточноевропейской истории»⁷. Эх, господин Родевальд!

Такая модель в реальности никогда не существовала и существовать не может. И мне довелось бывать в разных городах и весях. Славянский Полоцк и немецкий Бремен и летто-немецкий Рига – это разные миры⁸! К сожалению, ослабление славянского влияния в научной сфере плохо действует на западную науку – она тогда временами заходит в тупик...

¹Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas. Band 70).

²Litauen und Ruthenien. Studien zu einer transkulturellen Kommunikationsregion (15. – 18. Jahrhundert) / Lithuania and Ruthenia. Studies of a Transcultural Communication Zone (15th–18th Centuries) / hg. v. Stefan Rohdewald, David Frick, Stefan Wiederkehr. (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 71). Wiesbaden, 2007.

³Интересно, что российские эмигранты «заразили», как я уже отметил, этой теорией даже немецких ученых – просто Родевальд этого не знает – он же швейцарец. См.: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры ... С. 406–415.

⁴На это обратил внимание и автор белорусской рецензии: Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ў выкладзе швейцарскага гісторыка // БГА. 2009. Том 16. Сп. 2 (31). Снежаны. С. 624–625. Примерно такую методику применяет и другой немецкий автор: Werdt Christophe von. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: Okzidentalisation der Ukraine und Weissrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 66). Wiesbaden, 2006.

⁵Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“ ... С. 42, 46–47, 51.

⁶Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры ... С. 410–411.

⁷Rohdewald Stefan. „Vom Polocker Venedig“ ... С. 108, 119–120 и др.

⁸М. Капрал считает, что такая «макрометодика» не позволяет разглядеть Родевальду уникальные особенности Полоцка (Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ... С. 630). Полагаю, что беда не в этом, а в том, чтобы не можем при такой методике адекватно понять историю славянского города.

Список используемых источников:

1. Дворниченко, А. Ю. Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 90–102.
2. Дворниченко, А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. – С. 99–106.
3. Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // «Былые годы». 2014. – № 34 (4). – С. 487–497.
4. Дворниченко, А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия; М.: ИД КЛИО, 2014. – 56 с.
5. Дворниченко, А. Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. – С. 6–23.
6. Капраль Мірон. Гісторыя Полацка ў выкладзе швейцарскага гісторыка // БГА. 2009. – Том 16. – Сш. 2 (31). Снежань. – С. 624–625.
7. Пашуто, В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече) // История СССР, 1968. – № 5. Сентябрь – октябрь. – С. 235.
8. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
9. Фроянов, И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
10. Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische stellung und die politischen tendenyen der Russischen bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. Leiden: E. J. Brill, 1955. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Band 2.) – 167 s.
11. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. S. 112, 118, 131–133ff.
12. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1973. – S. 13ff.
13. Rhode Gotthold. Horst Jablonowski, 1914–1970 // Rußland, Polen und Deutschland. Gesammelte aufsatze. Köln–Wien: Böhlau Verlag, 1972. – S. 441–453.
14. Rudolf Bächtold. [Rec.:] Jablonowski Horst. Westrussland zwischen Wilna und Moskau // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 4. H. 1. 1956. – P. 72–73.
15. Rohdewald Stefan. "Vom Polocker Venedig". Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost - und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas. Band 70). – 588 s.
16. Litauen und Ruthenien. Studien zu einer transkulturellen Kommunikationsregion (15–18 Jahrhundert) / Lithuania and Ruthenia. Studies of a Transcultural Communication Zone (15th–18th Centuries) / hg. v. Stefan Rohdewald, David Frick, Stefan Wiederkehr. (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 71). Wiesbaden, 2007. – 368 s.

17. Werdt Christophe von. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: Okzidentalisation der Ukraine und Weissrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 66). Wiesbaden, 2006. – 326s.

УДК 930.1

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ГОРОДА, ЗАМКИ, КРЕПОСТИ

**Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация**

Ключевые слова: Древняя Русь, типология укрепленных поселений, город, крепость, замок, славяне.

Реферат. В статье рассматриваются первые опыты разработки археологической классификации укрепленных поселений восточных славян в отечественной исторической науке. Типологии эти были разработаны П. А. Раппопортом и В. И. Довженком.

Главная теоретическая проблема, которую стремились решить оба исследователя заключалась в необходимости согласовать разнообразный фактический материал с марксистской формационной моделью, которая ранее была намечена в книге корифея отечественной науки акад. М. Н. Тихомирова. Тихомиров обозначил, что город – это центр ремесла и торговли, аккумулировавший прибавочный продукт прилегающей сельской округи. Раппопорт и Довженок должны были определить археологические маркеры, которые бы соответствовали этой магистральной идее.

Одно из первых обращений к теме археологической классификации древнерусских поселений было предпринято известным советским историком архитектуры и археологом П. А. Раппопортом в небольшой статье, опубликованной в 1967 г. Эта статья была посвящена скорее постановке вопросов, чем формулировке ответов. Раппорт исходил из того же понимания города, что и М. Н. Тихомиров. Город для него – это торгово-ремесленное поселение [3, с. 3]. Однако, взявшись за создание типологии, он двигался более последовательно, и поэтому неизбежно входил в противоречие с выводами академика.

Тихомиров, с одной стороны, утверждал, что не все города в древнерусском смысле слова могут быть признаны таковыми с позиции марксистской науки, с другой, по ходу повествования зачислял в число городов всё, что встречалось на страницах летописей. Между тем, Раппопорт указывал, что некоторые из упомянутых

Тихомировым города по своему археологическому облику до статуса городов не дотягивают. Причем речь шла не только об исключении из рассмотрения совсем маленьких (может быть, временных) укрепленных пунктов, имевших исключительно оборонительное значение. Их не брал во внимание и Тихомиров, называвший такие пункты «городками-твердыми» [4, с. 12]. Но даже и те укрепленные пункты, которые долго и вполне полноценно функционировали как настоящие поселения со стенами, по мнению Раппопорта, не всегда могут быть названы «городами» в социально-экономическом смысле слова. В данном случае, он критиковал академика с тех же ортодоксальных марксистских оснований, которые сам Тихомиров и заложил.

Раппопорт показал, что само по себе наличие следов ремесленного производства не делает укрепленное поселение городом, поскольку следы ремесла встречались повсеместно, даже в самых небольших неукрепленных селищах, а с точки зрения фундаментальной теории нужно было, чтобы ремесло не просто «было», а еще и было товарным. То есть город – не просто «населенный пункт с ремесленным производством», а «центр ремесла». Для этого предметы, произведенные в городе, должны были расходиться и, как минимум, по ближайшей сельской округе. Раппопорт приводит в пример описанную М. К. Каргером «мастерскую художника», открытую раскопками в Киеве. Сама по себе она не могла бы свидетельствовать о том, что Киев был центром ремесла, если бы изделия этой мастерской не были найдены на значительной древнерусской территории.

Точно так же наличие монет не свидетельствует о развитой торговле, поскольку монеты могли быть использованы как украшения или как сырье для их изготовления [3, с. 4]. Не свидетельствуют о торговле и дорогие импортные вещи, которые могли оказаться в культурном слое как дары или военные трофеи. Так резной стеклянный бокал, найденный при раскопках средневекового Новогрудка Ф. Д. Гуревич, попал туда, по мнению Раппопорта, именно таким образом и поэтому не может свидетельствовать сам по себе о развитой торговле. Такая трактовка, конечно, отличалась от мнения самой Ф. Д. Гуревич, которая считала объект своего археологического изучения значительным городом и – в самом деле – центром ремесла и торговли [1], но суть понятна. А вот найденная в Киеве амфора со стеклянными бусами, напротив, не может быть предметом личного престижного потребления, ибо такая уйма бусин одним человеком, конечно, по прямому назначению использоваться не могла. Это, несомненно, какой-то склад: ремесленный или торговый.

Меньше всего сомнений у Раппопорта вызывал так вроде бы внешний критерий как размер поселения. Действительно: у большого укрепленного поселения есть больше шансов оказаться «городом в научном смысле слова», чем у маленькой крепостицы. Однако и этим критерием, по мнению ученого, нужно пользоваться с осторожностью. Так некоторые древнерусские города (Белгород и Переяславль) имели значительную территорию уже в конце X в., но не были в тот момент еще «центрами ремесла и торговли», а значит и «городами» в том самом марксистском смысле слова.

Показав всю сложность «натягивания» социально-экономической теории на археологический материал, П. А. Раппопорт останавливается на очевидной

необходимости использования комплексного подхода к оценке памятников, что, конечно, в очень малой степени снимало проблему.

Похожую по замыслу и реализации работу написал украинский археолог В. И. Довженок. Он разделил древнерусские поселения на четыре типа, связав их археологический облик и предполагаемую социальную функцию:

1) неукреплённые села, где жили свободные общинники и феодально-зависимые земледельцы;

2) укрепленные дворы феодалов – «феодальные замки» – где обитали их владельцы, вотчинная администрация и челядь;

3) сторожевые оборонные пункты, для именования которых Довженок использовал термин «грады»;

4) собственно «города» («міста») – ремесленные, торговые и политические центры [2, с. 3].

Наибольший интерес украинского исследователя вызывал вопрос дифференциации пп. 2 и 3. Понятно, что и «замки», и «грады» – это относительно небольшие по территории поселения, площадь которых измеряется от нескольких сотен квадратных метров до нескольких гектар. Однако важно было понять отличия. Вопрос об этом рассматривался и Раппопортом [3, с. 7]. Однако Довженок посвятил ему гораздо больше внимания. По его мнению, существенной разницы и в функциях, и в археологическом облике между этими двумя типами памятников нет. И «грады», и «замки» служили как резиденциями знатных людей, так и пунктами обороны. Причем, Довженок специально обращает внимание, что источники не знают примеров, чтобы феодал на Руси прятался в замке от восставших крестьян (такие ситуации вполне допускал, например, Раппопорт). Если «замок» и связан с утверждением власти «феодала» над окружающим зависимым населением, то лишь как грозный символ его могущества, но не буквально как укрытие. «Замки» служили крепостями «феодалов» при междоусобных войнах. То есть, основная функция их была военной. Точно так же как у «градов». Единственное, что может служить четким критерием выделения пограничного сторожевого городка – это его положение, собственно, на границе. В остальном же фортификационные конструкции и планировка однотипны. Конечно, на территории «замков» найдены в большем количестве ценнейшие предметы престижного потребления. Довженок приводит яркие примеры таких находок, сделанных в дореволюционный период на городищах Княжая Гора и Девич-гора. Наиболее интересными и показательными среди богатого инвентаря этих городищ являются золотые диадемы, которые некоторое время принято было даже считать княжескими венцами [5, с. 154]. Конечно, статус этих диадем как княжеских инсигний был подвергнут обоснованному сомнению, но их обретение в культурном слое свидетельствует о том, что в стенах этих городов обитала самая пышная древнерусская знать.

В других городищах инвентарь поскромнее. Но делать из этого обстоятельства далеко идущие выводы нельзя, поскольку нет никакого обязательного правила, по которому какая-то часть наличных вещей обязательно должна была попадать в землю

и попадаться затем на лопату археологам. Многое зависело от случайных факторов, связанных с обстоятельствами гибели города, сохранности культурного слоя и пр. Отсутствие драгоценностей среди находок не означает, что их не было во времена, когда на территории этих небольших городков бурлила жизнь.

Поэтому Довженок не утверждает, что все пограничные городки – это только своего рода форты со сменным гарнизоном. Во многих пограничных городах также можно найти следы типичной для того времени бытовой повседневности (то есть, люди в них не только несли военный дозор, но и жили обычной семейной жизнью). Кроме того, представить себе гарнизон без хотя бы какого-то представителя знати, выполнявшего функции местного командира, тоже сложно. Конечно, столь блестящих находок, как в городище Княжая Гора или Девичья гора, Райковецкое или Колодяжинское городища не содержат. Но это может объясняться не социальными отличиями населения, а тем, что города эти существенно чаще подвергались разрушению со стороны кочевников и поэтому срок их существования и толщина культурного слоя была меньше.

Довженок описывает географическую систему размещения пограничных пунктов. Именно эта система, а не облик самих городков является основной классифицирующей чертой их выделения среди массы относительно небольших укрепленных поселений Древней Руси: «Городища, що утворювали систему оборони Київської Русі, росталися на підвищеннях берегів рік, зручних для оборони і спостереження за ворогом. Кожному з фортець-градів, що будувалися на цих городищах, належала своя ділянка оборони довжиною 10 км. Майже з кожного городища було видно два сусідніх, що давало змогу тримати постійний зв'язок між гарнізонами, які знаходилися у фортецях-градах, і координувати військові дії в разі ворожого нападу. Зв'язок між фортецями-градами здійснювалися шляхом світової сигналізації. Повідомлення про наближення ворога швидко поширювалися з будь-якого пункту по всій оборонній системі і досягали самого Києва. Завдяки цьому київські князі встигали, якщо це було потрібно, вислати допомогу сторожовим градам або вислати назустріч ворогові військові загони. За виразом літописця, піти «переки им». Сліди сигнального вогнища були виявлені під час розкопок на Вітачівському городищі, саме там, где стояла фортечна башта» [2, с. 10].

По археологическим материалам Довженок создал реконструкцию работы пограничного рубежа с описанием механизмов слежения, оповещения и пр. Причем, как видно из материала, сторожевой «фортецией» мог быть и очень древний, относительно крупный город, такой как Витичев, и небольшая крепостница Воинь, в материалах культурного которой были найдены лишь несколько кострищ, фрагменты древнерусской посуды, частичка железного ножа и наконечник стрелы [2, с. 11]. В маленьком Воине не было жилых помещений (кроме клеток в крепостной стене). Да и там, судя по всему, никто постоянно не жил, поскольку помещения в крепостной стене не имели печей [6, с. 328–334]. Впрочем, рядом с городом был расположен небольшой посад. То есть, постоянные жители в этом «укрепрайоне» все-таки были, но обитали они не внутри городских стен. Крепость стояла «для работы», а «для жизни» предназначался посад. Такая конструкция повторяла планировку более

ранних городов-убежищ догосударственного периода. Она, видимо, была вполне привычной для восточнославянского мира и воспроизводилась на протяжении долгого времени в виду её практического удобства.

В общем можно сказать, что оба опыта не были удачными в том смысле, что красиво увязать социально-экономическое и археологическое понимание города ученым не удалось. То большая часть древнерусских городов приходилось лишиться статуса «города», то «замки» по своей археологической «физиономии» сливались с пограничными крепостями, то пограничные крепостицы пусть и в минимальном объеме, но демонстрировали все необходимые элементы урбанистического ландшафта.

Такие ситуации при взаимодействии собственно исторической науки и археологии были и остаются нередки. И если историки часто не могут преодолеть возникающих затруднений, то у археологов всегда готова стандартная познавательная программа: развитие формальных классификаций находок. Именно в этом направлении пошло дальнейшее развитие археологической науки в области средневекового «городоведения». Однако это, как говорится, уже другая история.

Список используемых источников:

1. Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад – окольный город / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л. : Наука, 1981. – 160 с.
2. Довженок, В. Й. Про типи городищ Київської Русі // Археологія / Відп. ред. І. І. Артеменко. Вип. 16. Київ : Наукова думка, 1975. – С. 3–14.
3. Раппопорт, П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА, Вып. 110. 1967. – С. 3–9.
4. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города. М. : Изд-во политической литературы, 1956. – 477 с.
5. Толочко, П. П. Про приналежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Т. XV. 1963. – С. 145–164.
6. Юра, Р. А., Кучера, М. П. Воинь // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. – Т. 3. – С. 328–334.

УДК 908“1600/1900”

**ПОМНІКІ АРХІТЭКТУРЫ МАГІЛЁВА І МСЦІСЛАВА
XVII – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯЎ
НА ФОТАЗДЫМКАХ КРАЯЗНАЎЦЫ А. І. МЕМУСА**

**Карпекін Канстанцін Рыгоровіч, кандыдат гістарычных навук,
галоўны захавальнік фондаў
Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: асабісты архіў, Магілёў, Мсціслаў, помнік архітэктур, фотадакумент.

Рэфэрат. У артыкуле ахарактарызаваны фотаздымкі краязнаўцы А. І. Мемуса, як здадзеныя ў Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці, так і з яго асабістага архіва, на якіх адлюстраваны помнікі архітэктур г. Магілёва і г. Мсціслава XVII – пачатку XX стст.

У 2015 г. мастак і краязнаўца А. І. Мемус (нарадзіўся ў 1939 г., жыве ў г. Віцебску) здаў у Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці дакументы, узніклыя ў працэсе яго творчай дзейнасці. Да 2021 г. яны былі апісаны і ўвайшлі ў склад асобнага фонда № 474. Больш за 10 % адзінак захоўвання уяўляюць сабой фотаздымкі з адлюстраваннем забудовы гарадоў, мястэчак і вёсак Беларусі, зробленыя мастаком пад час краязнаўчых вандровак. Акрамя таго, у асабістым архіве А. І. Мемуса захоўваецца вялікая колькасць фотанегатываў – вынік тых жа падарожжаў.

Мэта дадзенага артыкула – ахарактарызаваць фотаматэрыялы з выявамі такіх старажытных беларускіх гарадоў, як Магілёў і Мсціслаў.

Што тычыцца фотаздымкаў, якія ўжо знаходзяцца на захаванні ў дзяржархіве, то яны ўтвараюць 2 справы: у адной сабраны фатаграфіі з выявамі г. Магілёва (3 дакументы) [3], у другой – з выявамі г. Мсціслава (8 дакументаў) [2]. Пад час наведвання згаданых гарадоў А. І. Мемусам была зроблена шмат большая колькасць здымкаў, пра што сведчыць наяўнасць у яго асабістым архіве 3 фотаплёнак (на 17, 28 і 26 кадраў). У сакавіку 2024 г. з дадзеных плёнак было раздрукавана адпаведна 6, 16 і 10 фатаграфій з улікам таго, што некаторыя кадры ўтрымліваюць цалкам альбо амаль цалкам ідэнтычныя выявы, а таксама, каб яны не дублявалі здымкі, раней прадастаўленыя А. І. Мемусам у дзяржархіў. У цяперашні момант раздрукавання фотаздымкі знаходзяцца ў неапісаным выглядзе, але ў бліжэйшай перспектыве іх плануецца ўключыць у склад фонда № 474.

Фотаздымкі, здадзеныя ў дзяржархіў, сам А. І. Мемус датаваў наступным чынам: па г. Магілёву – 1970-мі–1980-мі гг., па г. Мсціславу – 1970-мі гг. (адпаведныя надпісы зроблены асабістай рукой краязнаўцы на адваротах пераважнай большасці фотадакументаў). Больш дакладную даціроўку дазваляюць устанавіць адзнакі на фотаплёнках: «74 г.» (на дзвюх з іх) і «75 г.» (на адной). Адпаведна, даследуемыя фотаздымкі былі зроблены не раней за 1974–1975 гг.

Дзеля таго, каб ацаніць рэпрэзентатыўнасць фотадакументаў, створаных А. І. Мемусам і ступень адлюстраванасці на іх помнікаў архітэктуры, узведзеных да пачатку XX ст., варта вызначыць, колькі іх існавала ў адпаведных гарадах пад час наведвання іх краязнаўцам. Можна меркаваць, што найбольш поўны пералік падобных аб'ектаў утрымліваецца ў выданні «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць», якое пабачыла свет у 1986 г. У прыватнасці, па г. Магілёву ў згаданы пералік унесена 44 помнікі XI – пачатку XX стст., па г. Мсціславу – 19 помнікаў таго ж гістарычнага перыяду [4, с. 406].

Наведваючы г. Магілёў, А. І. Мемус зафіксаваў на фотаздымках наступныя помнікі архітэктуры, датаваныя перыядам да пачатку XX ст.:

1. Будынкі Свята-Мікольскага жаночага манастыра (мал. 1). Дадзены комплекс быў пабудаваны ў 1669–1672 гг. і складаўся з сабора ў імя свяціцеля Мікалая Цудатворца (мал. 2), царквы ў імя прападобнага Ануфрыя Вялікага (мал. 3), жылога корпуса, агароджы з брамай, званіцы [6, с. 242–244]. На фотаздымках А. І. Мемуса маюцца выявы агульнага выгляду манастыра (з рознай адлегласці), а таксама асобных будынкаў: званіцы, сабора Мікалая Цудатворца (з будаўнічымі рыштаваннямі), царква Ануфрыя Вялікага [1]. Адзначым, што А. І. Мемус наведаў манастыр у той час, калі тут як раз адбываліся рэстаўрацыйныя работы (этап знешняй рэстаўрацыі быў завершаны ў 1981 г. [4, с. 67]), што надае яго фатаграфіям эксклюзіўнасць і

каштоўнасць, бо дазваляе ацаніць гэты важны працэс, які нярэдка выклікае супярэчнасці паміж спецыялістамі.

2. Станіславаўскі касцёл (мал. 4). Будаўніцтва дадзенага храма доўжылася з канца 30-х гг. да пачатку 50-х гг. XVIII ст. [4, с. 77]. На фотаздымках краязнаўцы адлюстраваны галоўны

Малюнак 1 – Званіца Свята-Мікольскага жаночага манастыра ў г. Магілёве. Не раней за 1974 г. [1].

Малюнак 2 – Сабор Мікалая Цудатворца Свята-Мікольскага жаночага манастыра ў г. Магілёве. Не раней за 1974 г. [1].

Малюнак 3 – Царква Ануфрыя Вялікага Свята-Мікольскага жаночага манастыра ў г. Магілёве. Не раней за 1974 г. [1].

Малюнак 4 – Станіславаўскі касцёл у г. Магілёве. Галоўны фасад. Не раней за 1974 г. [1].

фасад культовага будынка, яго агульны выгляд сярод гарадской забудовы [1], а таксама асобныя элементы (у прыватнасці – дзверы (мал. 5), упрыгожаныя дэкаратыўнай разьбой) [3, арк. 3];

3. Будынак синагогі, размешчаны па вул. К. Лібкнехта (мал. 6). Дадзеная іўдзейская малітоўня была ўзведзена прыкладна ў канцы XIX – пачатку XX стст. [5, с. 102]. На фотаздымку А. І. Мемуса яна адлюстравана збоку, так што бачны як усе вокны асноўнага малітоўнага памяшкання, так і двухпавярховая частка будынка з жаночай галерэяй, якая дазваляе ідэнтыфікаваць гэты будынак менавіта як синагогу.

Малюнак 5 – Дзверы Станіславаўскага касцёла ў г. Магілёве. Не раней за 1974 г. [3, арк. 3].

4. Будынак гарадскога тэатра, пабудаванага ў 1886–1888 гг. [4, с. 63].

На фотаздымках А. І. Мемуса адлюстраваны галоўны фасад тэатра, які ў той час з’яўляўся дзеючай установай, таму знаходзіўся ў належным стане (мал. 7).

5. Дом № 37 па вул. Ленінскай (узведзены ў XVIII ст.) [4, с. 61]. На момант фатаграфавання гэты будынак знаходзіўся ў занябжаным стане: быў не жылы, часткова адсутнічала шкло ў вокнах, наколькі бачна на выяве, адсутнічаў дах, тынкоўка і вонкавая афарбоўка былі значна пашкоджаны, тэрыторыя вакол дома таксама была неўпарадкавана. З улікам таго, што дадзены будынак на працягу 1970-х гг. рэстаўраваўся, а з 1982 г. у ім быў адчынены філіял музея [4, с. 61], фотаздымак А. І. Мемуса, па-першае, зафіксаваў выгляд збудавання да рэстаўрацыі, а па-другое, засведчыў факт таго, што прыкладна ў 1974 г. рэстаўрацыйныя работы, калі і адбываліся, то на самым пачатковым, падрыхтоўчым этапе (мал. 8).

Што тычыцца г. Мсціслава, то на фатаграфіях краянаўцы А. І. Мемуса адлюстраваны такія архітэктурныя помнікі:

1. Кармеліцкі касцёл, будаўніцтва якога пачалося ў першай палове XVII ст. [4, с. 305]. У архіве А. І. Мемуса маюцца фотаздымкі, на якіх касцёл бачны з боку галоўнага фасада, з боку апсіды (у тым ліку з жылымі драўлянымі дамамі, якія знаходзіліся па суседству з ім). Акрамя таго, былі зроблены здымкі мураванай брамы каля касцёла (мал. 9). На фотаздымках А. І. Мемуса культавы будынак, брама і прылеглая тэрыторыя абнесены драўлянай агароджай, і значная частка самага будынка пакрыта рыштаваннямі, што сведчыць пра ажыццяўленне там пэўных рэстаўрацыйных работ, хаця ў спецыяльнай літаратуры звестак пра рэстаўрацыю дадзенага помніка не ўтрымліваецца [4, с. 305].

2. Касцёл Святога Міхаіла Архангела, пабудаваны ў 1730–1738 гг. і ў першай палове XIX ст. перабудаваны ў праваслаўны Мікалаеўскі сабор [4, с. 306]. На даследуемых фатаграфіях ёсць выявы галоўнага фасада касцёла, яго выгляд з боку апсіды, бакавога

Малюнак 6 – Будынак синагогі па вул.
К. Лібкнехта ў г. Магілёве.
Не раней за 1974 г. [1].

Малюнак 7 – Будынак гарадскога тэатра
ў г. Магілёве.
Не раней за 1974 г. [1].

Малюнак 8 – Дом № 37 па вул.
Ленінскай у г. Магілёве.
Не раней за 1974 г. [3, арк. 1].

Малюнак 9 – Кармеліцкі касцёл ў г.
Мсціславе. Бакавы фасад.
Не раней за 1974 г. [1]

фасада (са значнай адлегласці). Разам з касцёлам у некаторыя кадры патрапілі калішнія аптэка, семінарыя, што ўяўлялі з ім адзіны комплекс, а таксама драўляная гарадская забудова савецкага перыяду (мал. 10).

3. Аляксандра-Неўская царква, узведзеная ў 1870 г. [4, с. 309]. У асабістым фондзе А. І. Мемуса ўтрымліваецца дастаткова вялікая колькасць фотаздымкаў з выявамі гэтага праваслаўнага храма і прылеглай тэрыторыі: у прыватнасці, мураванай брамы з прыбудовамі на ўваходзе ў царкоўны двор, агульнага выгляду царквы са згаданай брамай на яе фоне, непасрэдна храма з розных бакоў, гарадской забудовы з царквой на заднім плане і інш. (мал. 11).

4. Капліца Мікалаеўскага сабора (мал. 12). На фотаздымку А. І. Мемуса адлюстраваны рэшткі дадзенай капліцы (без верхняй часткі, у мінулым жа капліца мела купал з крыжам [7, с. 256]) і мур, які акружаў двор сабора. Заўважым, што ў пералік будынкаў комплексу Мікалаеўскага сабора, змешчаны ў зборы помнікаў

Малюнак 10 – Касцёл Святога Міхаіла
Архангела сярод забудовы г. Мсціслава.
Не раней за 1974 г. [1]

Малюнак 11 – Аляксандра-Неўская
царква ў г. Мсціславе.
Не раней за 1975 г. [1]

архітэктурны па Магілёўскай вобласці, дадзеная капліца па нейкіх прычынах унесена не была [4, с. 306–307].

5. Мужчынская гімназія, пабудаваная ў 1908 г. [4, с. 303]. А. І. Мемус сфатаграфавану гэты будынак толькі з галоўнага фасаду, і паколькі гімназія займала дастаткова вялікі корпус, яна змясцілася ў кадр толькі часткова (мал. 13).

Малюнак 12 – Рэшткі капліцы
Мікалаеўскага сабора ў г. Мсціславе.
Не раней за 1975 г. [1].

Малюнак 13 – Будынак мужчынскай
гімназіі ў г. Мсціславе.
Не раней за 1974 г. [1].

Атрымліваецца, што па г. Магілёву зафіксаваны стан 7 мураваных помнікаў архітэктурны (5 прыкладаў культавага дойлідства, 2 – грамадзянскага), па г. Мсціславу – 5 (4 культавых і 1 грамадзянскі). Іншымі словамі, даследуемыя фотадакументы дазваляюць меркаваць прыкладна пра 15 % найбольш адметных помнікаў г. Магілёва і 25 % г. Мсціслава.

Аналізуючы комплексы фотаздымкаў, прысвечаныя г. Магілёву і г. Мсціславу, прасочваецца зацікаўлены падыход А. І. Мемуса да фатаграфавання помнікаў архітэктурны. Многія будынкі сфатаграфаваны з розных ракурсаў, як цалкам, так і іх найбольш адметныя з гістарычна-мастацкага пункту погляду элементы, як паасобку, так і сярод гарадской забудовы. Пры гэтым, як правіла, кожнаму збудаванню прысвечана цэлая серыя фотаздымкаў. Адзначым, што па згаданым двум гарадам зроблены здымкі толькі вонкавага выгляду помнікаў архітэктурны (прымаючы на ўвагу неабякавасць краязнаўцы, можна меркаваць, што патрапіць унутр агледжаных будынкаў не было аб'ектыўнай магчымасці). З улікам таго, што на фотаздымках А. І. Мемуса адлюстраваны помнікі архітэктурны ў тым стане, у якім яны знаходзіліся каля 50 гадоў таму назад, дадзеныя дакументы з'яўляюцца важнай крыніцай для вывучэння не толькі гісторыі архітэктурны ўсходнебеларускіх гарадоў XVII – пачатку XX стст., але і іх лёсу ў больш позні перыяд.

Спіс выкарыстоўваемых крыніц:

1. Асабісты архіў А. І. Мемуса.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 474. Воп. 1. Спр. 112.

3. ДАВц. – Ф. 474. Воп. 1. Спр. 117.
4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / рэд. кал. С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БСЭ, 1986. – 408 с.
5. История Могилевского еврейства: Документы и люди: Науч.-популяр. очерки и жизнеописания. В 2 кн. Кн. 1 / сост. А. Литин. – Минск : Юнипак, 2002. – 254 с.
6. Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы Беларусі: Энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мінск : БелЭН, 2007. – 656 с.
7. Целеш, В. М. Гарады Беларусі на старых паштоўках / В. М. Целеш. – Мінск : Беларусь, 2014. – 335 с.

УДК 94(476.5-25)«1623»

ВИТЕБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1623 ГОДА: ПРИЧИНЫ, МОТИВЫ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

**Космач Вениамин Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры психологии
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: Витебск, восстание, горожане, мещане, ратуша, уния, православие, католицизм, Иосафат Кунцевич, казачество, Россия, Польша, Ватикан.

Реферат. Статья посвящена известному в белорусской, и не только, истории восстанию 1623 г. в Витебске, в ходе которого был убит униатский архиепископ Иосафат Кунцевич. Акцент сделан на причинах, мотивах и обстоятельствах этого восстания. Его ход и последствия изучены более обстоятельно и хорошо известны.

Витебское восстание 1623 г. было однодневным. Оно случилось 12 ноября 1623 г. В его ходе восставшими был убит униатский архиепископ Иосафат Кунцевич. Это было народное восстание, антиуниатское и антикатолическое по своей сути. Оно явилось наиболее решительным выступлением православных против униатов и католиков с глубоко справедливыми, вполне оправданными требованиями и претензиями к униатам и тем, кто стоял за ними и поддерживал – католическому костелу и светским властям Речи Посполитой. Это был самый громкий и грозный протест православных Западной Руси (России) против Брестской церковной унии 1596 г., которая «подобно Флорентийской, не имела корней в православном народном сознании, была делом государственной политики Польши, а не церковного тяготения к Риму, и если распространялась, то только исключительно в силу насильственного ее насаждения» [1, с. 7].

Подобное обстоятельство объясняло не только восстание 1623 г. в Витебске, но и в других городах Западной России, в том числе в Полоцке, Могилеве и Орше, а также по всей Украине. Это одна из основных и первая причина восстания 1623 г. Можно сказать, что протестовало все православное население Великого княжества Литовского, включая шляхту и ее наиболее состоятельную часть – магнатов ВКЛ. Насильственное и ускоренное насаждение, в том числе с применением грубой силы со стороны костела и властей, унии 1596 г. среди православных ВКЛ – основная причина многих городских восстаний и мятежей, в том числе в православном городе Витебске в 1623 г. Его ход и последствия известны благодаря работам А. П. Сапунова и других авторов.

В Витебск и Витебское воеводство униатский архиепископ Иосафат Кунцевич прибыл в 1622 г. и до этого уже имел богатый опыт по организации и осуществлению гонений на православных. Как отмечал протоиерей К. Зноско, «Кунцевич не оставлял в покое даже мертвых. Так, в Полоцке он приказывал вырывать из могил тела недавно умерших православных и отдавать их на съедение собакам, что и было засвидетельствовано православными послами на сейме. Естественно, все это вызывало среди православных ненависть к Кунцевичу» [1, с. 150].

Уже 6 февраля 1621 г. канцлер Лев Сапега писал к униатскому митрополиту Рутскому: «Не один я, но и другие весьма осуждают то, что ксендз владыка Полоцкий слишком жестоко начал поступать в делах веры и очень надоел, и омерзел народу как в Полоцке, так и везде. Давно я предостерегал его, просил и увещевал, чтобы он так жестоко не действовал; но он, имея свои соображения, более упрямые, нежели основательные, не хотел слушать наших советов. Дай Бог, чтобы последствия его распоряжений и суровых действий не повредили Речи Посполитой. Ради Бога прошу Вашу милость, вразумите его, чтобы он прекратил и оставил такую суровость в этих делах и скорее уступил могилевцам добровольно их церкви, не дожидаясь того, чтобы они сами и без просьбы отобрали их у него... Пожалуйста, Ваша милость, держи его на вожжах». Не остался к этому письму глух митрополит Рутский и в том же тоне наставлял Кунцевича, однако последний не оставлял своих безумств. Не помогли и послания к Кунцевичу Льва Сапег, возненавидевшего унию из-за смут по всему государству и писавшего к нему увещательные письма – удержаться от чинимых им жестокостей. В одном из таких писем Сапега напоминал Кунцевичу, что насилие в делах веры противно Евангелию, противно учению Церкви Христовой, не имеет оправдания в примере ни одного святого отца, противно гражданским законам Польши, губительно для нее и по именному повелению короля запрещено [1, с. 151–152].

В насаждении униатства И. Кунцевич выступил как фанатик, не боявшийся смерти, что еще более усугубляло ситуацию. Так, в 1623 г. православными жителями г. Витебска были устроены на краю города два шалаша, в которых они собирались по ночам для молитвы, и оттуда неслись их грозные вопли против гонителя их веры. Но Кунцевич не оставлял их в покое и здесь, занимаясь доносами, будто там составляются мятежные сходки. В особенности он злобно был настроен против жителей г. Витебска, упорно противившихся унии, и решил во что бы то ни стало утвердить ее там. Он

знал враждебные настроения против него жителей этого города и угрожающую ему от них опасность, но, как фанатик, потерявший здравый рассудок, не только не старался избежать ее, но, возмечтав о мученичестве, как бы сам напрашивался на смерть, являясь там, где она могла угрожать ему. Три раза уже подвергался он покушениям на свою жизнь: в Могилеве, Полоцке, Мстиславле, – но не боялся смерти [1, 153–154].

Во всем этом скрывалась и стала очевидной к 1623 г. вторая причина витебского восстания, как и в других белорусских городах того времени.

Третья причина восстания православных в Витебске сводилась к тому, что Иосафат Кунцевич был незаконно рукоположенным архиепископом и его православные Витебщины и Могилевщины таковым не признавали. «Православные, доведенные до отчаяния его безбожными гонениями, стали выказывать ему сопротивление, каковое еще более усилилось по следующим причинам. Пребывавший в то время в Киеве Иерусалимский патриарх Феофан, восстанавливая высшую иерархию в Западнорусской Церкви, посвятил Мелетия Смотрицкого на Полоцкую архиепископию. Когда последний оповестил об этом своими архипастырскими посланиями полочан, последние решительно отказались повиноваться Иосафату Кунцевичу и признали своим владыкой Мелетия. Кунцевич, в то время пребывавший в Варшаве на сейме, выпросил у короля увещательные грамоты к непокорным. Возвратившись из Варшавы в Полоцк, Кунцевич созвал народ в городскую ратушу и, сознавшись, что он униат, спросил полочан, согласны ли они последовать за ним и стать униатами? Народ не только ответил отрицательно, но с криком «Смерть обманщику! Смерть гонителю веры! Смерть душехвату!» поднял настоящий бунт, так что присутствовавшие в ратуше власти едва могли спастись и спасти Кунцевича» [1, с. 150–154].

С этого времени начались открытые гонения Кунцевича против православных в Полоцке, подобные тем, какие разыгрались ранее в Могилеве, Орше и др. городах епархии. То же самое повторилось и в Витебске. Когда жители г. Витебска получили грамоту Смотрицкого, в которой он объявлял себя законно поставленным Полоцким архиепископом и обвинял Кунцевича в вероотступничестве, граждане витебские категорически отказались от повиновения Кунцевичу, составили акт, передававший церкви и духовенство власти Смотрицкого, которого признали своим законным пастырем. Решение это было так единодушно, что в Витебске оставалось едва несколько униатов. Витебский воевода, видя в таком акте возмущение против королевской власти, поспешил в город, чтобы восстановить порядок, и когда собрал в ратуше суд над мятежными жителями, то последние с воплем и угрозами бросили свои шапки в кучу перед ратушей в знак непослушания, а вслед за этим обнаружили и явное восстание. Хотя восстание это и было подавлено энергичными мерами, хотя церкви снова были возвращены Кунцевичу, однако неповиновение ему православного народа не прекращалось, а вместе с ним усилились и гонения Кунцевича. Напрасно лица, стоявшие у власти и видевшие, какой вред наносится Польскому государству безумными действиями Кунцевича, старались умерить его ревность, – ничто не могло удержать фанатизма Кунцевича [1, с. 151].

Кроме того, до приезда в Витебск в 1622 г. И. Кунцевич имел за собой такой набор характеристик (имидж, реноме), что они ни к какому другому варианту, кроме восстания православных, привести не могли. Конкретно:

1. Он родился в православной семье, но изменил православной вере своих предков и своей семье, связался в начале XVII в. в Вильно с иезуитами, то есть католиками.

2. С 1604 г. стал горячим и фанатичным сторонником греко-католической церкви в духе унии 1596 г.

Кроме Поцея и Рутского, отмечал известный белорусский православный историк Г. Я. Киприанович, наиболее ревновал о насильственном распространении унии Иосафат Кунцевич, сын сапожника, потом униатский иеромонах Виленского Троицкого монастыря, а с 1618 г. – униатский архиепископ полоцкий. Он выпросил у Сигизмунда III грамоту, на основании которой подчинялись его власти все православные церкви и монастыри в пределах Полоцкой епархии. После этого он разослал по всей Полоцкой епархии грамоты, возвещавшие о соединении (унии) Православной Церкви с Католической, и потребовал, чтобы священники со своими прихожанами немедленно приняли унию. В случае непринятия ими унии Кунцевич угрожал лишить непокорных священников приходов и передать приходы вместе с церквями униатам. Пользуясь содействием польских властей, Кунцевич отнимал у православных храмы, не позволял им совершать свое богослужение в домах, даже в шалашах за городом, изгонял из епархии православных священников, силою принуждал всех принимать унию и не оставлял в покое даже мертвых. Он приказывал вырывать из могил трупы православных и отдавал их на съедение собакам [2, с. 125–126].

Этот факт указан был в жалобе волынских депутатов Варшавскому сейму и сенату Речи Посполитой в 1622 г., о чем уже сказано нами и что подтверждено документами.

«Такие жестокие меры, подчеркивал далее Г. Я. Киприанович, вызвали сильное народное волнение. Само польское правительство старалось удерживать ревность Кунцевича. Литовский канцлер Лев Сапега, хотя и католик, писал ему, между прочим: «Вместо радости, пресловутая ваша уния наделала нам только хлопот, беспокойств, раздоров и так нам (латинянам) опротивела, что мы желали бы лучше остаться без нее». Далее Сапега именем короля приказывает Кунцевичу распечатать и отдать церковь православным в Могилеве. «Жидам и татарам позволено иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви», – писал ему, между прочим, Лев Сапега. Но никакие увещания не могли образумить изувера. Он до тех пор неистовствовал, пока не был убит за свои жестокости и насилия раздраженными жителями Витебска в 1623 г.».

3. Также фанатично работал на унию, обращая в нее православных, часто обманом, прикидываясь православным, и использовал иезуитские методы обольщения и обращения иноверцев в униатскую церковь.

4. Был готов умереть за унию, но это была поза фанатика, и постоянно говорил об этом.

5. Активно боролся с православием любыми, в том числе бесчеловечными и

недозволенными методами, о недопустимости которых в отношении православных и православной церкви его лично предупредил канцлер ВКЛ Лев Сапега [3, с. 581–582; 4, с. 370–371].

6. В своей активной и фанатичной деятельности на благо унии и костела поддерживался властями Речи Посполитой, лично королем Сигизмундом III и католическим костелом.

7. Он хорошо знал, понимал и чувствовал на себе враждебное отношение православных Витебска, Орши и Могилёва к унии и себе лично и, тем не менее, решил поехать в 1622 г. в Витебск, чтобы утвердить там униатскую церковь во что бы то ни стало [2, с. 125–126].

И вот час настал. В 1622 г. во время церковной службы негодующие жители Витебска напали на Кунцевича и на униатское духовенство и избили их. Наиболее активные участники нападения были арестованы, но горожане, ворвавшиеся в ратушу, освободили их. Едва спаслись от расправы архиепископ и войт. После этого Кунцевич усилил гонения на православных. Жители Витебска стали готовиться к уничтожению ненавистного «паписта». 12 ноября 1623 г. в Витебске началось восстание, во главе которого стояли витебчанин Степан Пасиора, полочанин Пётр Василевич с сыном Василием и др. В подготовке восстания принимали участие также православные жители Могилёва, Орши, Полоцка и Вильно, крестьяне деревень, прилегающих к Витебску. Несколько тысяч повстанцев направились к резиденции Кунцевича, убили его, а труп выбросили в Западную Двину. Были убиты и наиболее ненавистные униатские священники [5, с. 123; 6, с. 60–62].

В 1624 г. преемник И. Кунцевича униатский архиепископ Антоний (Антон) Селява писал витебскому воеводе, что в Полоцке, Витебске, Вильно и Могилеве восстание может вспыхнуть снова и «следующее дело будет хуже первого» [7].

В заключение отметим, что причины, мотивы и обстоятельства восстания 1623 г. в Витебске связаны также с борьбой казачества против властей и костёла Речи Посполитой, и союзническими, правда временными, отношениями с Москвой [8, с. 87–103].

Список используемых источников:

1. Зноско, К., протоиерей. Исторический очерк церковной унии, ее происхождение и характер / прот. К. Зноско. – М. : Отдел по благотворительности Московского Патриархата, изд-во «Мартис», 1993. – 230 с.
2. Киприанович, Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г. Я. Киприанович. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 351 с.
3. Толстой, М. В. История русской церкви / М. В. Толстой. – М. : ООО «ФИРМА СТД», 2008. – 768 с.
4. Чистович, И. А. Очерк истории западно-русской церкви / И. А. Чистович. – Минск : Белорусский экзархат МП, 2014. – 911 с.
5. Витебск: энциклопедический справочник. – Минск : БелСЭ, 1988. – 408 с.

6. Сапунов, А. Историко-статистический очерк Витебска / А. Сапунов. – Витебск : Издательский отдел Витебской епархии, 2007. – 108 с.
7. Витебск // Хронос. – Режим доступа: <https://hrono.ru/land/russ/vitebsk.php>. – Дата доступа: 23.11.2024.
8. Медведев, А. А. Подлинная история русского и украинского народа / А. А. Медведев. М. : Эксмо, 2015. – 512 с.

УДК 94(470)"1944/1946"

Г. П. ГОЛЬЦ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕНОГО ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИ СМОЛЕНСКА В 1944–1946 ГОДАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

**Красильников Игорь Борисович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Российская Федерация**

Ключевые слова: Смоленск, план восстановления города, проблемы и перспективы.

Реферат. Смоленск был очень сильно разрушен в годы Великой Отечественной войны. Первоначально в основе генплана восстановления был положен ещё довоенный генплан развития города, но уже к 1946 году был составлен новый генплан города разработанный под руководством Г. П. Гольца. Им был предложен ряд революционных идей – радикальное изменение планировки центра города, создание новых районов, создание целого ряда новых городских объектов. К сожалению, данный проект был осуществлён только частично.

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) находится целый ряд документов, касающиеся первого послевоенного плана восстановления Смоленска: руководящие материалы, протокол и стенограммы совещаний, Справки о генеральном плане восстановления, Переписка с академиком Гольцем о восстановлении города и даже Текстовая часть схемы генерального плана восстановления. Эти материалы и служат основой для написания данной статьи. Данная тема уже становилась предметом исследования, в том числе и автора, но сравнения идей Г. П. Гольца и их реального воплощения до сих пор не было.

В предвоенные годы Смоленск превратился в достаточно крупный город. Городская черта включала в себя площадь в 6263 га, хотя застроено было всего 979 га. Жилой фонд включал в себя 5562 дома общей площадью 550 тыс. кв. м. Среди зданий большую часть составляли одноэтажные – 4563 или 82 %, 925 двухэтажных или 16 %, и только 74 здания или 1,4 % имели три и более этажей [5, с. 219]. Правда, согласно

другим сведениям (Сообщение Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецких захватчиков) [5, с. 221], в довоенном Смоленске насчитывалось 8000 домов общей площадью 650 тысяч м². Послевоенная статистика, как правило, использует цифру 672 тысяч м² жилья в городе в предвоенный период. «Подавляющую часть домов» в предвоенном Смоленске «составляли деревянные. В 1937 году из общего количества строений деревянных было 36,6 процента. Значительный рост коммунально-жилищного строительства в 1937–1941 годах не смог существенно изменить это соотношение, но доля каменных строений по величине жилой площади в общем жилом фонде города повысилась до 60 процентов по сравнению с 39 процентами в 1937 году» [6, с. 7]. Основой для строительства города выступали генеральные планы развития города 1935 года, и его корректировка 1940 года.

В годы Великой Отечественной войны Смоленск был очень сильно разрушен. В целом Смоленск можно считать одним из самых пострадавших городов России, всего в городе было разрушено 92 % зданий. Фактически на старом месте пришлось строить новый город. С другой стороны, большие разрушения открывали возможность внести значительные изменения в планировку городских улиц, проложить новые улицы и создать новые площади.

Первоначально для восстановления города попытались использовать довоенный план города, однако очень быстро в него стали вносить корректировки с учётом новых реалий. Главным руководителем проекта планировки и застройки центра города, согласно приложению к постановлению Совнаркома РСФСР № 101 от 11 февраля 1945 года был назначен академик архитектуры Георгий Павлович Гольц [2, л. 6.]. Это бы достаточно титулованный (лауреат Сталинской премии 1941 года) и квалифицированный специалист. Достаточно сказать, что к этому времени он был автором около 20 объектов в Москве, проектировал здания для Новосибирска, Минска, Иванова, Ярославля, Киева, Владимира, Сталинграда и других городов. Можно сказать, что Смоленску повезло, что Гольц должен был принять участие в составлении его генерального плана.

Поскольку уже существовал генеральный план 1939 года, который собирались использовать и после войны, то и мы обратимся к нему. Поскольку численность населения города по переписи 1939 года составляла 157 тысяч человек, а на 1 января 1941 года уже 185 тысяч, то перспективы населения оценивались в 200–220 тысяч жителей.

Поскольку должен был формироваться новый промышленный район на юго-восточной окраине города, то генплан предусматривал проектирование новой железнодорожной ветки и строительство здесь разгрузочной товарной станции. Также согласно генплану, сюда предусматривался перенос и главного железнодорожного вокзала [1, л. 11].

Поскольку Смоленск был очень сильно разрушен, то на первый план выходило восстановление, а не развитие города. К тому же строительство новых промышленных предприятий было поставлено под вопрос.

Уже в марте 1944 года под руководством Г. П. Гольца составляется генсхема

восстановления города. В ходе её обсуждения был высказан ряд предложений по улучшению проекта. Так, численность населения города должна была составлять 220–250 тысяч [1, л. 2]. Напомним, что реально тогда в городе проживало менее 50 тысяч, а данной численности Смоленск достигнет только через три десятилетия. Фактически новый генплан определял судьбу города на весь послевоенный период. Для развития города предлагалось создать вторую магистраль, параллельную Советской улице от Днепра с выходом в центр. Необходимым считалось строительство южной железнодорожной ветки, соединяющей новые промрайоны города с его центром. Иначе чем сейчас, должен был выглядеть и вокзал. Его островное положение считалось создающим транспортные затруднения, и неудобства [1, л. 3]. Предлагалось перенести вокзал ближе к Колхозной площади. Это требовало значительного числа рабочих рук. Всего потребность в строителях определялась в 30 тысяч. По мнению Г. П. Гольца, необходимо было учесть уже имеющихся строительных рабочих; организовать курсы по подготовке специалистов; форсировать восстановление разрушенных заводов – трёх кирпичных, керамического производства, известкового и деревообделочного, карьеров.

Проведённая экспертиза довоенного проекта пришла к выводу, что он может быть использован только как материал и частичная основа [1, л. 18].

Для правильного строительства города, необходимо срочно приступить к решению в полном объёме генерального плана города.

Этим и занялась группа Г. П. Гольца. Одновременно нужно было вести восстановление города. В отношении разработки нового генерального плана Смоленска исходить из расчётной численности населения в 220 тысяч, принимая во внимание, что население по переписи 1939 года составляло 157 тысяч жителей и что в целях обеспечения города территориальными резервами целесообразно исходить из большей численности населения [1, л. 37–38].

В тоже время в довоенной генеральной схеме целый ряд решений был вынужденным, так как это определялось уже сложившейся обстановкой и нецелесообразностью производства значительной ломки в существовавшем хозяйстве. Разрушения дали возможность улучшить план города в ряде районов и, особенно в центральной части [3, л. 9].

Изложенные обстоятельства сделали целесообразной корректировку генеральной схемы планировки Смоленска. Корректировка осуществлялась в два приёма:

1. Путём разработки форпроекта (схемы генплана), решающей принципиальные вопросы.
2. Составление самого корректированного генплана.

В процессе разработки генплан были составлены «Основные положения форпроекта восстановления Смоленска», имевшие своей задачей поставить на рассмотрение Государственной Плановой Комиссии при СНК СССР исходные технико-экономические положения, на которых будет строиться схема.

Эти положения поставили следующие вопросы восстановления и развития города:

- а) масштабы и направление развития промышленности;

б) численность населения, на которую должно проектироваться восстановление и развитие города;

в) характер и состав застройки города;

г) размер территорий, необходимых для развития города.

Указанные положения рассмотрены и одобрены Госпланом СССР. В соответствии с ними разработана и схема генплана.

Оценивая перспективы восстановления и развития промышленности исходили из того, что промышленность была почти полностью разрушена и первоочередной задачей является её полное восстановление. При условии исключения из плана строительство целого ряда крупных предприятий общая численность трудящихся занятых в промышленности принималась на перспективу в 25 тысяч человек. (До войны было 13, а предвоенный план устанавливал её в 35 тысяч). Таким образом, по сравнению с довоенным планом численность трудящихся уменьшалась, а вот с учётом реального количества – наоборот возрастала.

Самым интересным было следующее положение – «На случай возникновения в далёкой перспективе (за пределами расчётных сроков) новых промышленных предприятий сверх учитываемых форпроектом, намечаются резервные территории к востоку от города, южнее прежней площадки завода синтетического каучука, в непосредственной близости от реки и трассы железнодорожной ветки на Рославль. Здесь же, к востоку от существующего города, может быть создан и дополнительный жилой район» [3, л. 11]. Фактически здесь речь идёт о крупном районе Смоленска Поповка-Киселёвка, развитие которого будет происходить только уже с 1960-х годов, но удивительно, что первые намётки для его создания относятся еще к первому послевоенному плану.

Многоэтажное строительство (в 5–6 этажей) фактически должно было вестись только в центре, оформляя наиболее важные ансамбли города: площадь имени Смирнова (ныне Победы) и обе стороны нового широкого проспекта. Плотным кольцом вокруг многоэтажного центра должны были окружать деревянные и каменные двухэтажные дома, в которых должно будет жить около половины населения города. Под двухэтажным строительством будет занято около 250 гектар или 23 % от всей селитебной территории.

Обширные периферийные окраинные районы отводились под индивидуальную застройку. Каждый застройщик получал участок от 300 до 600 м², что позволяло не только поставить дом и хозяйственные постройки, но для небольшого сада и огорода. Под индивидуальную застройку отводилось 740 гектар или 67 % всей селитьбы [4, с. 11].

Размер необходимых территорий для размещения данного объёма жилищного строительства определяется количеством жилой площади, которая может быть размещена на гектар строительного жилого квартала.

На первой стадии работ, для определения размера необходимых для городского строительства территорий, принимается следующий характер застройки:

– многоэтажная застройка размещается в среднем в количестве 3600 м²

жилой площади на гектар жилого квартала, что даёт среднюю плотность населения 600 человек на гектар на первом этапе и 400 человек на втором. Процент застройки территории жилыми зданиями при этом составит 15–21 %, в зависимости от преобладающей этажности (3–4–5 этажей). На квартале, кроме жилых зданий, размещаются детские учреждения и создаются зелёные массив и площадки общего пользования;

– двухэтажная застройка осуществляется двух типов:

1. Блочная (секционная) с водопроводом и канализацией, размещаемая в количестве 2500–2700 м² на гектар жилого квартала. На квартале, кроме жилых зданий, размещаются детские учреждения и зелёные массивы, и площадки общего пользования. На ближайшем этапе последние могут быть использованы под индивидуальные огороды.

2. Отдельно стоящими домами (на 8–10 квартир), без водопровода и канализации на первом этапе строительства с большими дворовыми участками, используемыми под индивидуальные огороды. На гектар жилого квартала размещается 1350–1500 м² жилой площади.

Принимая площадь жилых кварталов в 60 % от всей площади селитебных районов, получаем потребность в территории для жилых районов (вместе с улицами и площадями, зелёными насаждениями и участками культурно-бытовых учреждений) в 1500 га на первом этапе строительства и 2000 га на весь расчётный срок [3, л. 14].

Генеральный план Смоленска был утверждён Постановлением Совета Министров РСФСР от 18 мая 1946 года № 333. Но тогда же в мае 1946 года Гольц трагически погиб, поэтому заканчивал проект и вносил дальнейшие изменения член-корреспондент Академии Архитектуры СССР Н. П. Былинкин.

Вскоре после гибели Гольца в проект начали вносить изменения. В соответствии с правилами застройки центральной части города было установлено, что «территорию центра города установить согласно генплана, а именно сохранить общегородской центр с центральной городской площадью в исторически сложившемся месте, у здания театра и Городского Совета, с развитием его до парка «Блонье». Проложить новую бульварную магистраль – от центра города на юг, до Киевского шоссе (ныне улица Октябрьской революции). На продолжении магистрали, на бровке верхнего плато, развить площадь, открытую к Днепру. При пересечении магистрали с Краснинским шоссе, создать новую площадь. От новой площади до стадиона, вдоль Киевского шоссе предусмотреть устройство бульвара» [3, л. 14]. (Заметим, что обе площади так и не создали). Новую бульварную магистраль считать главной магистралью города. Поэтому её разрешалось застроить 4–5 этажными жилыми и общественными зданиями с торговыми и общественно-обслуживающими помещениями на первых этажах. Соседние улицы должны были быть в основном 3–4 этажными, с сохранением отдельных 5-этажных зданий.

Одной из особенностей Смоленска является наличие холмов, а, следовательно, значительно числа оврагов и балок. «В старом Смоленске склоны оврагов были беспорядочно и бессистемно застроены что создавало ряд трудностей в части

обеспечения дорогами и другими видами коммуникаций, что приводило к недоступности этих районов для благоустройства и, как следствие, к понижению общих санитарно-бытовых условий. В настоящее время склоны оврагов обнажены, и, следовательно, нет причин, препятствующих правильной архитектурно-планировочной организации этих районов» [3, л. 18]. Достойно сожаления, что эта идея Гольца не получила своего развития. Ведь во многих местах овраги застраивались по-прежнему хаотично.

Согласно генеральному плану 1946 года в Смоленске должны были восстановить и создать заново: 9 вузов, 9 техникумов, 9 специальных училищ, ряд научно-исследовательских институтов, в том числе филиал Академии Наук. В числе крупных культурно-просветительных учреждений предусматривались: театр оперы и балета, театр драмы, центральная библиотека, краеведческий музей, детский театр, музей Великой Отечественной войны, Дом пионеров, 4 кинотеатра, 6 клубов, дом физкультуры. В городе обещали 5 больниц, 6 поликлиник, 3 родильных дома и станцию скорой помощи. Предполагалось довести число школ до 50, детских садов до 40 и детских яслей до 35. Также предполагалось строительство трёх рынков, четырёх универсальных магазинов и трёх гостиниц. Смолянам обещали два больших стадиона, реорганизацию городского парка культуры и отдыха и создание трёх пригородных парков со всевозможными аттракционами и помещениями для культурно-массовой работы [4, с. 9–10].

Как можно видеть ряд предложений Г. П. Гольца был реализован только в последующие десятилетия (новые микрорайоны, музей войны, НИИ), а многие его идеи так, к сожалению, остались только на бумаге.

Список используемых источников:

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО), Ф. 3414. Оп. 1. Д. 15. Руководящие материалы по генеральному проекту города Смоленска.
2. ГАСО, Ф. 3414. Оп. 1. Д. 22. Руководящие материалы и переписка с Главным Управлением по делам Архитектуры, областными, городскими и районными организациями по вопросам планировки городов и посёлков Смоленской области.
3. ГАСО, Ф. 2758. Оп. 1. Д. 15. Планы восстановления и развития народного хозяйства Смоленской области после освобождения от немецко-фашистских оккупантов. Текстовая часть схемы генерального плана восстановления Смоленска.
4. Белогорцев, И. Д. Генеральный план восстановления Смоленска. Смоленск, 1949. – 446 с.
5. Возрожденный из руин. Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии города Смоленска 1943–1962 годов. Смоленск, 1963.
6. Коваленко, Д. П. Смоленск завтра. Смоленск, 1961. – 46 с.

УДК 94(476):2

ПОЯВЛЕНИЕ В ВИТЕБСКЕ БАПТИЗМА: РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

**Кривицкий Михаил Александрович,
магистр исторических наук, научный сотрудник отдела рукописей ЦИСИР
Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: баптизм, «штундисты», государственно-конфессиональные отношения, неопит, православное духовенство.

Реферат. Статья посвящена одной из малоизученных страниц конфессиональной истории Беларуси: появлению в последней четверти XIX в. в Витебске баптизма. Приводятся сведения о первых последователях данного учения, отражены меры местных чиновников и православного духовенства по борьбе с распространения «секты».

В последней четверти XIX в. на территории Беларуси появляется новое для наших земель направление протестантского христианства – баптизм. Деятельность проповедников и образование первых общин, реакция на данный процесс власти и православного духовенства лишь фрагментарно отражены в публикациях отечественных исследователей П. Асененко [1], А. Верещагиной (Гурко) [2], В. Линкевича [3], Т. Лисовской [4], В. Яновской [5–6]; в коллективных трудах «Канфесіі на Беларусі» [7] и «Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі» [8]. При этом работы, специально посвященные общинам отдельных городов, и вовсе отсутствуют. Цель данной статьи – историческая реконструкция появления баптизма в г. Витебск.

Судя по всему, первым проповедником баптизма в Витебской губернии стал уроженец Витебска, мещанин Кузьма Яковлев. Отставной солдат, после долгих скитаний (во время которых в Одессе и познакомился с баптистским учением) в 1883 г. он вернулся на родину и сумел привлечь в свою веру семью проживавшего в Витебске крестьянина, уроженца деревни Куряки Ловожской волости Полоцкого уезда, Ефима Кореневского: самого Ефима, его жену, сына Василия и дочь Матрену. Впоследствии к Кореневским присоединились Анастасия Бовтуто (в ее доме на Сенной площадке проходили молитвенные собрания), Иван Довгялло, Михаил Буянов, Парфен Нагибов (принял баптизм в Петербурге, служа у некой графини) и служащий вокзала Леонтий Куковенко, прибывший из Могилевской губернии [9, с. 956, 957, 959, 1026–1028, 1030]. Все неопиты до принятия баптистского учения являлись православными.

До издания 17 апреля 1905 г. Высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости (далее – указ о веротерпимости) российское законодательство запрещало выход из православия. Для отделения русских, украинских и белорусских общин баптистов от легально действовавших объединений немецких колонистов

православное духовенство и чиновники использовали термины «штундизм», «штунда» (от нем. Die Stunde – час, длительность собраний для изучения Библии у немецких колонистов-меннонитов). Так называлось религиозное движение, возникшее на юге Украины в середине XIX в., большинство участников которого к началу 80-х гг. приняли баптизм. Около 1881 г. было составлено первое вероучение украинских баптистов [10, с. 128].

С 1880 г., когда пост обер-прокурора Синода занял К. Победоносцев, правительство постепенно берет курс на борьбу со «штундизмом», что нашло отражение в законодательстве. В 1882 г. вышло разъяснение Министерства внутренних дел, согласно которому предоставленное в 1879 г. баптистам право исповедовать свое учение распространялось на иностранных (или бывших иностранных) подданных, а также перешедших в баптизм из неправославного вероисповедания, но не на «русских (то есть, в прошлом православных – М. К.) сектантов-баптистов» [11, с. 278]. 3 мая 1883 г. было Высочайше утверждено «Мнение государственного Совета о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Закон действовал в отношении «раскольников всех сект» (за исключением скопцов) – то есть, и «штундистов». С одной стороны, разрешались их молитвенные собрания. С другой, статья 10 гласила, что «...наставники и другие лица, исполняющие духовные требы у раскольников, не подвергаются за сие преследованию, за исключением случаев, когда они окажутся виновными в распространении своих заблуждений между православными (курсив наш – М. К.) или в иных преступных действиях» [12, с. 220]. Именно «распространение заблуждений среди православных» стало главным поводом для преследования «русских баптистов». С середины 80-х гг. XIX в. оно приняло систематический характер по всей Российской империи [13, с. 183].

В это время местные чиновники и православное духовенство обращают пристальное внимание на витебских баптистов. В 1886 г. в Закавказье был сослан К. Яковлев [13, с. 192]. 21 августа 1888 г. полиция прервала молитвенное собрание в доме А. Бовтуто. У верующих изъяли 12 религиозных брошюр, изданных «Обществом духовно-нравственного чтения» в Петербурге: «Истинная радость», «Звание христианина и его значение», «Исполняете ли вы волю Божию?», «Выгода от потери», «Путь к спасению», «Брачная одежда», «Благодаришь ли ты Бога?», «Христос, грешную душу к себе призывающий...», «Пастух и овцы», «Благая весть», «Иисус Назарей идет», «Два слова о святой Библии». Православное духовенство пыталось убедить «сектантов» оставить «заблуждения», однако те отказывались или избегали бесед [9, с. 1029; 14, с. 18].

В отчете о состоянии Витебской губернии за 1888 г. губернатор В. Долгоруков выражал надежду, «что при совокупных твердых мерах, своевременно предпринятых духовными и гражданскими властями... пропаганда сектантства скоро исчезнет бесследно». В этом месте отчета император Александр III сделал пометку: «Необходимо принять все меры к этому» [15, с. 2]. Вскоре воля монаршей особы была исполнена.

К 1889 г. обнаружилось достаточно доказательств, что семья Кореневских,

Л. Куковенко и И. Довгялло «...не только сами исповедуют неправославное учение, но и стараются пропагандировать его среди православного населения г. Витебска...». Собранные материалы «духовная власть» передала власти гражданской – в окружной суд. С 15 июля 1889 г. «сектантами» занялся следователь по особо важным делам. 16 мая 1890 г. состоялось судебное заседание, на котором в качестве ответчиков выступили практически все витебские баптисты: Е., В. и М. Кореневские, И. Довгялло, М. Буянов, П. Нагибов и Л. Куковенко. Суд оправдал лишь М. Кореневскую и Л. Куковенко. М. Буянова и П. Нагибова приговорили к шести месяцам тюремного заключения. Е. и В. Кореневские, И. Довгялло были сосланы в Закавказье – как и многие «сектанты» того времени, согласно статьям 189 и 196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных как виновные в «соблазнении православных и богохульстве» [9, с. 1030–1031].

Сохранились некоторые сведения о политических и социально-экономических взглядах первых витебских баптистов. К. Яковлев говорил: «Его Величество государя императора признаем и молимся за него, равным образом признаем и все правительственные власти, а также и все их предписания» В то же время он отрицал присягу: «Господь не велит присягать» [9, с. 1098].

Устами К. Яковлева баптисты критиковали украшение храмов и дворцов, проведение торжественных церемоний. Из-за ненужных трат народ беднеет, считали они. Последняя деталь свидетельствует о традиционно присущей протестантизму бережливости. Однако священник П. Зубовский (автор статьи о «штундистах» в «Полоцких епархиальных ведомостях» – главном периодическом издании Полоцкой православной епархии) пришел к иному выводу: заподозрил «сектантов» в требовании имущественного равенства. В совокупности все вышеперечисленное позволило П. Зубовскому заключить, что «штундизм» в корне подрывает не только религиозные, но и государственные основы [9, с. 1099]. Подобные обвинения являются типичными для православных миссионеров, боровшихся с распространением «штунды» [16, с. 128–129; 17, с. 52].

Таким образом, зародившееся в 80-х гг. XIX в. сообщество витебских баптистов не устояло под натиском административно-полицейской машины, сведения для которой собирало православное духовенство. Тем не менее, отдельные последователи баптизма в городе остались. Впоследствии, уже после издания в 1905 г. указа о веротерпимости, будут созданы предпосылки для легального распространения баптистского учения.

Список используемых источников:

1. Асененка, П. Пачаткі евангельскага прабуджэння на Гомельшчыне (канец XIX – пачатак XX стст.) / П. Асененка // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. 3. (да 500-годдзя Рэфармацыі і 500-годдзя беларускай Бібліі): зборнік матэрыялаў III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 9 снежня 2017 г. / уклад. : А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2018. – С. 126–130.
2. Верещагина, А. В. Зарождение и развитие протестантских сект на территории

Белоруссии во второй половине XIX – начале XX в. / А. В. Верещагина // Матэрыялы міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX ст.ст.», Гродна, 28 верасня – 1 кастрыч. 1993 г. – Гродна, 1993. – С. 659–671.

3. Линкевич, В. Н. Новые течения протестантизма в Белоруссии во II пол. XIX – нач. XX вв. / В. Н. Линкевич // Новая экономика. – 2016. – № 1. – С. 198–205.

4. Лисовская, Т. В. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. / Т. В. Лисовская // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 9, № 1 (33). – С. 7–18.

5. Яноўская, В. Евангельскія дэнамінацыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. / В. Яноўская // Евангельская царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Вып. II: (да 500-годдзя Мікалая Радзівіла Чорнага): зборнік матэрыялаў II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 5 сн. 2015 г.) / уклад. : А. І. Бокун [і інш.] ; рэдкал.: П. І. Асененка [і інш.]. – Мінск : Пазітыў-цэнтр, 2016. – С. 103–125.

6. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск : Бел. дзярж. унів.-т, 2002. – 199 с.

7. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX стст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. Л. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск : Выд. прадпрыемства «Экаперспектыва», 1998. – 337 с.

8. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX стст.) / В. В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 496 с.

9. Зубовский, П. Штундизм в Полоцкой епархии / П. Зубовский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 22 (часть неофициальная). – С. 952–962; № 23 (часть неофициальная). – С. 1023–1031; № 24 (часть неофициальная). – С. 1079–1099.

10. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М. : ВСЕХБ, 1989. – 645 с.

11. Дородницын, А. Я. Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX-го столетия: исследование еп. Алексия, ректора Казанск. духовной акад. / А. Я. Дородницын. – Казань : Центр. тип., 1909. – 510 с.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е : [с 1-го марта 1881 г.]. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Тип. Т. 7 не указана. – Т. 3 : 1883 : от № 1293–1933 и дополнения. – 1886. – 979 с.

13. Савинский, С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867 – 1917) / С. Н. Савинский. – СПб : Библия для всех, 1999. – 425 с.

14. Баптизм и баптисты: Социолог. очерк / АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1969. – 316 с.

15. Указ Его Императорского Величества, самодержца всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода. По высочайшему повелению. О мерах по предупреждению распространения штундизма и других еретических лжеучений // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 1 (официальная часть). – С. 2–7.

16. Дородницын, А. Я. Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды / А. Я. Дородницын. – Ставрополь–Кавказский : Тип. Т. М. Тимофеева, 1903. – 268 с.

17. Стрельбицкий, И. Краткий очерк штундизма и свод текстов, направленных к его обличению / И. Стрельбицкий. – Одесса : тип. Е. И. Фесенко, 1899. – [1], II. – 227 с.

УДК 94(476.5)

**ПОЖАЛОВАНИЕ КНЯГИНИ УЛЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ
НА ЗЕМЛЮ ФЕДОРОВЩИНА ДЛЯ ВИТЕБСКОЙ ЦЕРКВИ
СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА (XIV В.)**

**Лицкевич Олег Владимирович, редактор издательства
Свято-Елизаветинский монастырь,
г. Минск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: Витебск, Ульяна, Церковь, Ольгерд, грамота.

Реферат. В статье анализируется недатированное пожалование княгини Ульяны Александровны, супруги великого князя литовского Ольгерда, для витебской церкви святого Иоанна Богослова. Установлено, что пожалованная этой церкви земля Федоровщина находилась к востоку от Витебска, в районе позднейшей д. Пологи. Пожалование предложено датировать периодом со второй половины 1377 г. по 17 марта 1392 г.

Древних витебских грамот сохранилось так мало, что каждая из них буквально на вес золота для отечественной истории. Неоценимыми являются даже короткие упоминания в поздних источниках о тех грамотах, которые не сохранились до нашего времени. Одно из таких упоминаний – о пожаловании княгини Ульяны Александровны (†1392) на землю Федоровщина для витебской церкви святого Иоанна Богослова – было в свое время выявлено в материалах из витебской актовой книги XVI в. Это второе по счету известное нам пожалование княгини Ульяны Александровны, супруги великого князя литовского Ольгерда, для витебских церквей¹.

Древняя церковь святого Иоанна Богослова располагалась в Витебске на так называемой Плоской горе [1, с. 156–159], возле пересечения позднейших улиц Дворцовая (ныне Советская) и Богословская (ныне Коммунистическая) [2, с. 199]. Первоначально она находилась вне города: еще в 1522 г. в одном из документов сказано, что «тая церковь Божая на поли стоит за местом» [3, с. 43]. В 1706 г. в церкви случился пожар, но впоследствии она была восстановлена в

¹Еще одно пожалование княгини Ульяны Александровны 1377–1392 гг. – на темьянщину (подать для покупки ладана) – долгое время ошибочно связывалось с Езерищами (ныне городским поселком Городокского района Витебской области), хотя предназначалось для витебской соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы. Новая трактовка этой грамоты представлена нами в отдельной статье, которая находится в печати.

виде деревянного пятикупольного храма на каменном фундаменте. Этот новый храм вновь сгорел от удара молнии в 1855 г. [1, с. 158].

В 1863 г. в церковном архиве была обнаружена официальная выписка из гродской книги Витебского воеводства, сделанная в 1591 г. В этом документе был записан текст еще более раннего решения витебского наместника Михаила Сокула по делу между священником витебской церкви святого Иоанна Богослова иереем Иваном, с одной стороны, и господарской боярыней Витебского повета Томилой Марковой и ее сыновьями Михном, Юхном и Богданом, с другой стороны, о спорной земле Федоровщина (Витебск, 20 июля 1546 г.). В акте, в частности, сказано: «И мы пытали того священника, естли бы он мел на тую землю якие листы. Он перед нами въказывал Евангелие, **в котором же Евангелии описует кнегиня Оуляна Олкгирдовая, иж тую землю Федоровщину зуполну службу надала на церковь Божю светого Иоана Богослова, и в рочища, покуль мають священники тую землю на церковь Божю держати.** И тот священник над то поставлял перед нами двадцати и трох светков людей добрых обополных, которые дей тое земли Федоровщины ест добре сведоми с давних часов, иж то церковная земля...» [4, с. 17, № 1; 3, с. 45, № 23].

На основе скурых известий из процитированного акта можно сделать, по крайней мере, два важных вывода. Во-первых, в XVI в. текст пожалования существовал не в виде отдельной бумажной или пергаменной грамоты, а в виде вкладной записи в Евангелии, которое, к сожалению, не сохранилось до наших дней¹. А во-вторых, даже в таком формате пожалование княгини Ульяны Александровны в ходе судебного разбирательства было признано аутентичным и юридически действительным.

Но где же находилась земля Федоровщина, которую княгиня пожаловала церкви святого Иоанна Богослова? Удовлетворительного ответа на этот вопрос в историографии еще не получено. В научно-популярной книге Ю. А. Якимовича [5, с. 20] и двух монографиях О. Н. Левко [6, с. 14; 7, с. 184] земля Федоровщина безо всяких на то оснований отождествлена с земельным участком возле Плоской горы в Витебске², который был пожалован церкви святого Иоанна Богослова в 1522 г. Такая локализация земли Федоровщина совершенно не соотнобразуется с данными других источников – актов и инвентарей XVI–XVII вв., в которых говорится о землях витебской Иоанно-Богословской церкви и о ее тяжбах с соседними землевладельцами. Рассмотрим эти источники подробнее.

Впервые о земельном споре между священником витебской церкви святого Иоанна Богослова Иваном Раком и боярином Витебского повета Марком Ивановичем упоминается в 228-й книге Литовской Метрики под 1 августа 1539 г. Священник Иван Рак пожаловался в витебский суд, что боярин Марк Иванович «держит землю мою церковную на Полозех звечную, и ляда посек и ее вживаеь, а мне ее боронить». Боярин Марк Иванович, в свою очередь, сообщил: «Я земли его церковное не

¹Возможно, именно это «Евангелие в богатом окладе» вместе с «многими церковными книгами» было уничтожено пожаром 1855 г. [1, с. 158].

²Между Ярковым рвом и р. Витьба, в районе современной ул. Баумана [3, с. 43; 5, с. 20].

держу и ляд есми не сек, ни жили держу я свою землю на имя Санькову, которую мне господар его милость дал от дворища Бубнова» [8, с. 244, 367]. Очевидно, этот иск был прямо связан с последующей тяжбой по поводу земли Федоровщина, которая, как мы видели выше, велась в 1546 г. между священником той же церкви Иваном и вдовой боярина Марка Ивановича.

Итак, появляется первый важный ориентир – местность «на Полозех», которой владела витебская церковь святого Иоанна Богослова. Выяснить ее местонахождение помогает другой документ за 15 августа 1530 г. из 16-й книги записей Литовской Метрики. В соответствии с ним витебский боярин Марк Иванович держал в Илемницкой волости Витебского повета «два человека на Полозех, найма Бубеникова а Жибендяева» и «тры земли пустовьских» – «Саловича», «Шарейкову» и «Быковскую» [9, с. 15–16]. Эти данные свидетельствуют о том, что местность «на Полозех» находилась к востоку от Витебска – там, где на плане генерального межевания Суражского уезда начала XIX в. и на довоенных картах обозначена д. Пологи [10, 28:38] – к югу от нынешней д. Косово Витебского района. Рядом мы видим деревни Жебентяи [10, 32:38] и Санькова [11, 32:42], а чуть западнее – Саловичи, Шерейково и Марковщина [12]. На плане генерального межевания Суражского уезда на месте д. Санькова обозначено село Марково. Еще один топоним Марковщина мы видим поблизости – возле д. Казанова [13]. Таким образом примерно определяется район, в котором находились владения боярина Марка Ивановича в первой половине XVI в. Рядом с этими владениями, а именно к югу от них, лежали Пологи, и там же следует искать и землю Федоровщина.

В упомянутом выше судебном решении 1546 г. границы земли Федоровщина описаны следующим образом: «И я посылал <...> мещан Витебских Ивана Кузнецова а Стефана Лускину. Они за росказаньем нашим с тыми светками кругом тое земли ездили и нам приехавшы отказали в тот способ, кгдаж дей повели нас тьи светки, почон от Колыбелищ да в поточыну, а тою поточыною против сеножати и чрез великую дорогу, которая дорога идет от Витебска к Глазомышом и до Илемницы, а от тое дороги старосельскою дорогою, а отъ старосельское дороги межою да в можчалину, а от можчелины межою од дуб ново поле, а от того поля на дороги, которая через дворище попово церковное идет, с тое ж дороги межою в хмелинец, а хмельница межою, а тою межою на дорогу городовую до тые ж пяты Колыбелищ, откуль почали завожати» [4, с. 18].

В этом описании появляется еще один важный ориентир – дорога, которая вела из Витебска в Глазомичи (теперь деревня Яновичского поселкового совета Витебского района) и Илемницу (теперь поселок Лемница Витебского района). По условиям местности «великая городовая дорога» из Витебска в Илемницу в XVI в. должна была проходить примерно там же, где на довоенных картах обозначена дорога, следовавшая из Витебска непосредственно к северу от д. Пологи и далее вдоль северного побережья оз. Яновичское в Яновичи, затем в Глазомичи и Лемницу [11]. Поскольку в описании сказано, что граница церковной земли Федоровщина проходила «чрез великую дорогу», следовательно эта земля находилась по обе стороны от указанной дороги.

Стоит также обратить внимание на имена свидетелей, которых выставил со своей стороны священник церкви святого Иоанна Богослова в 1546 г. Например, «Федора Мяких <...>, Павла а Кузму Мяких», «Лукьяна Латыгольских», «Полуйка Татарских а Юрка Ботынич». Здесь прозвища свидетелей совпадают с названиями деревень, примыкавших с восточной стороны к району, где находились владения витебского боярина Марка Ивановича и церковная земля Федоровщина. Это д. Мяккия [11, 34:44], д. Латыгово [13], д. Татарские и д. Старые Ботаничи [12] возле Марковщины и дороги из Витебска в Глазомичи.

В инвентаре витебских церквей 1552 г. указано: «Церковь светого Ивана Богослова, к той церкви земля также з давных часов наданая, на которой тепер человек один дает на церковь с пашни свое всякого збожя пятый сноп к празднику светого Ивана Богослова, тры куры, десеть яец, порося и тры зайцы» [3, с. 342]. Учитывая помету «з давных часов наданая», речь здесь идет все о том же древнем пожаловании княгини Ульяны Александровны.

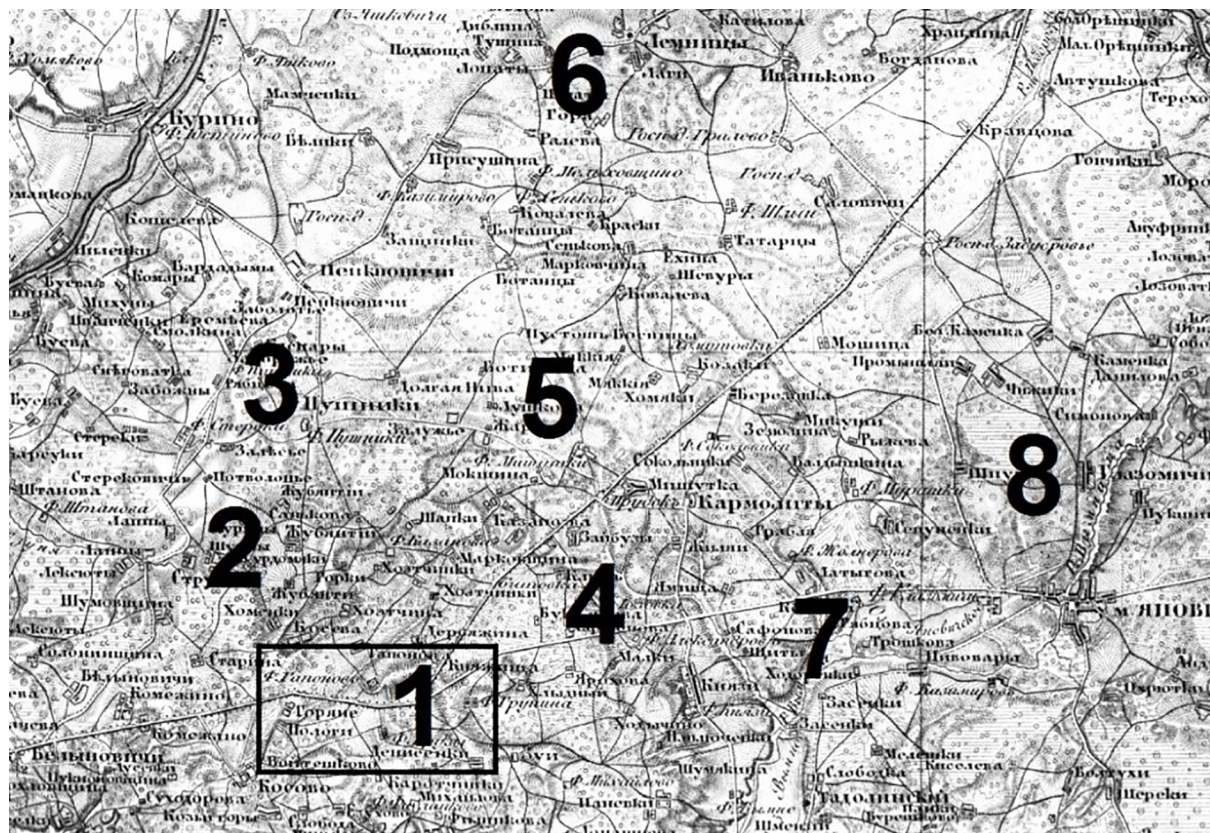
В инвентаре имущества Полоцкой архиепископии 1618 г. читаем: «На церковь светого Иоанна Богослова, за посадом великим за Витебским, на разных местцах около дороги Илемницкое, полянок три. На тую ж церковь в Пологах: Юрко, дым 1. Граница с паны Пышницкими и с Жебентаями» [3, с. 351; 14, с. 10–11]. По всей видимости, земля «в Пологах: Юрко, дым 1» здесь идентична той «з давных часов наданой», что упоминается в инвентаре 1552 г., так как в обоих документах речь идет всего об одном домохозяйстве. При этом она граничила с именьями, которые локализуются на месте позднейших деревень Жебентяи и Пышники к северу от Пологов [10, 32:38 и 34:40].

Наконец, согласно документу 1637 г., «подле сеножати церковное zaloжена Светого Иоана Богослова» находилась «сеножать з лядом Прудницкая, лежащая на Следницы под липами за светым колодезем, водле дороги великое, што идет з Витебска Илемницкое, и водле земли Слотиницкое Локтевщины» [15, с. 346]. Здесь имеются новые важные детали. «Сеножать Прудницкая», видимо, связана с р. Прудовец, правым притоком р. Сильница (на левом берегу р. Прудовец располагалась д. Пологи, о которой говорилось выше). Примечательно также упоминание о некоем «святом колодезе» (почитавшемся в народе источнике), находившемся недалеко от земли церкви святого Иоанна Богослова или непосредственно на ней.

Совокупность приведенных данных позволяет локализовать землю Федоровщина, которую великая княгиня Ульяна Александровна пожаловала витебской церкви святого Иоанна Богослова, в районе к востоку от д. Пологи, в среднем течении р. Прудовец, по обе стороны от старинной дороги из Витебска в Глазомичи и Лемницу (рис. 1).

А. М. Сементовский в свое время написал, что витебскую церковь святого Иоанна Богослова построили по поручению княгини Ульяны Александровны якобы «в первой половине XIV века, именно около 1345 г.» [1, с. 157]. Несмотря на всю несуразность этой датировки, она по сей день перепечатывается в научно-популярных и краеведческих сочинениях [например: 5, с. 140]. Около 1345 г. княгини Ульяны

Александровны еще не было в Витебске, так как согласно летописям Ольгерд посватался за нее, прислав свое посольство в Москву, не ранее 1349–1350 гг. [16, s. 53–54].

прямоугольником выделен наиболее вероятный район локализации, в окрестностях д. Пологи, «на Полозах» (1); цифрами обозначены некоторые основные ориентиры – д. Жебентяи и д. Санькова (2), д. Пышники (3), д. Марковщина (4), д. Ботаничи и д. Мяккия (5), местечко Лемница (6), д. Латыгово (7), д. Глазомичи (8)

Рисунок 1 – Район, в котором находилась земля Федоровщина, пожалованная витебской церкви святого Иоанна Богослова княгиней Ульяной Александровной, на трехверстной Военно-топографической карте Российской империи (1846–1863 гг., лист XII-9)

По мнению автора литовского и белорусского тома «Живописной России» А. И. Киркора, княгиня Ульяна Александровна основала церковь святого Иоанна Богослова уже после смерти Ольгерда [17, с. 382]. К такому же выводу пришли публикаторы 228-й книги Литовской Метрики [8, с. 367].

Заслуживает внимания то единодушие, с которым авторы XIX в. утверждали о том, что княгиня Ульяна Александровна была основательницей этой церкви (хотя прямых доказательств этому нет). Однако все же необходимо различать дату основания витебской церкви святого Иоанна Богослова и собственно дату выдачи

пожалования на землю Федоровщина. Эти даты могли и не совпадать.

В судебном решении 1546 г. сказано, что в тексте пожалования, записанном в древнем Евангелии, княгиня Ульяна Александровна была названа «кнегиней Оуляной Олкгирдовой». Примечательно, что это дословно совпадает с формулировкой из другой грамоты княгини Ульяны Александровны – на темьянщину: «Се я, кн(я)гина СГльгкирдовая Оуляниа» [18, с. 21; 19, л. 61 об.]. Определение жены по имени мужа («княгиня Олькгирдовая»), по-видимому, указывает на вдовый статус княгини. Такая практика именованья вдов часто встречается в документах ВКЛ начиная с конца XIV в. Поэтому нижней хронологической рамкой для выдачи пожалования княгини Ульяны Александровны витебской церкви святого Иоанна Богослова правомерно считать вторую половину 1377 г., когда великого князя Ольгерда уже не было в живых. Как известно, в Витебске Ольгерд княжил с 30-х гг. XIV в. [20, с. 31], и после его смерти Витебск стал пожизненным владением его вдовы. Верхней хронологической рамкой является 17 марта 1392 г. – дата смерти княгини Ульяны Александровны («на память святого Олексея, человека Божия»), указанная в недавно открытом граффито из Полоцкой Спасо-Преображенской церкви [21, с. 34–35].

Таким образом, наиболее высока вероятность, что пожалование княгини Ульяны Александровны на землю Федоровщина для витебской церкви святого Иоанна Богослова датируется периодом со второй половины 1377 г. по 17 марта 1392 г. Сама же эта земля находилась к востоку от Витебска, в районе позднейшей д. Пологи.

Список используемых источников:

1. Сементовский, А. М. Витебск. Статистический очерк / А. М. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – СПб. : В Тип. К. Вульфа, 1865. – С. 93–274.
2. Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Монография / Т. С. Бубенько. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 276 с.
3. Витебская старина / Изд. А. П. Сапунов. – Т. 1. – Витебск: В Тип. губ. правления, 1883. – XXII, 668 с.
4. Материалы для истории белорусской церкви // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. Июль. – Год второй. – Т. 1. – Отдел I. – С. 14–20.
5. Якімовіч, Ю. А. Сілуэты старога Віцебска: гісторыка-краязнаўчая экскурсія / Ю. А. Якімовіч / Рэд. і падрыхт. да друку: Л. У. Хмяльніцкая. – Мн., 2019. – 240 с.
6. Левко, О. Н. Витебск XIV–XVIII вв. (стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств) / О. Н. Левко / Науч. ред. В. А. Булкин. – Мн.: Наука и техника, 1984. – 120 с.
7. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко. – Мн.: Бел. навука, 2010. – 335 с.
8. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9) / Подг. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина,

А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 2008. – 525 с.

9. Беларускі архіў. – Т. 2 (XV–XVI ст.). – Мн.: Друкарня Інбелкульту, 1928. – Л, 343 с.

10. Топографическая карта СССР, масштаб 1:100 000. – Лист N-36-025. – 1939 г.

11. Топографическая карта СССР, масштаб 1:100 000. – Лист N-36-026. – 1941 г.

12. Топографическая карта СССР, масштаб 1:50 000. – Лист N-36-014-B. – 1926 г.

13. Топографическая карта СССР, масштаб 1:50 000. – Лист N-36-026-A. – 1929 г.

14. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Вып. 29. – Витебск: Губ. Типо-Литография, 1901. – IV, 472, 68, XXXI с.

15. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Вып. 27. – Витебск: Губ. Типо-Литография, 1898. – XL, 461 с.

16. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań etc.: Wydawnictwo Historyczne, 1999. – 321 s.

17. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – Т. 3. Ч. 1. Литовское Полесье; ч. 2. Белорусское Полесье. – М. – СПб.: Товарищество М. О. Вольф, 1882. – 490 с.

18. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Т. 1. 1340–1506. – СПб.: В Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – V, 375, 25, 15 с.

19. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Q.п.I.2. – Евангелие тетр (XIV в.). – 196 + III л. – Режим доступа: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog>. – Дата доступа: 2023.10.12.

20. Воронин, В. А. Княжение Ольгерда в Витебске / В. А. Воронин // *Ukraina Lithuanica. Студії з історії Великого князівства Литовського*. – Т. 2. – Київ, 2013. – С. 21–38.

21. Калечиц, И. Л. Исторические личности в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви / И. Л. Калечиц // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–3 лістапада 2012 г.): у 2 ч. – Ч. 2*. – Полацк: НППКМЗ, 2013. – С. 30–35.

УДК 902/904

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОДВИНЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

**Лученкова Елена Степановна, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: город, городская жизнь, детинец, посадские поселения, князь, купцы.

Реферат. В статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения городов на территории Подвинья и Верхнего Поднепровья и дается их анализ на основании данных археологических раскопок и информации из древнерусских летописей.

Возникновение городской жизни было важным переломным моментом в развитии общества.

Историческими предпосылками возникновения средневековых городов было увеличение сельскохозяйственной продукции и улучшение техники обработки земли; отделение ремесла от сельского хозяйства; развитие классовых отношений.

В период раннего феодализма городская жизнь возникла в наиболее развитых и густонаселенных сельскохозяйственных районах, местах пересечения важных путей сообщения.

Зародыши наиболее древних городов на территории Северной Беларуси появляются в IX–XIII вв. Незаменимым источником о начальной истории этих городов являются древнерусские летописи («Повесть временных лет», её продолжение по Лаврентьевскому, Ипатьевскому и другим летописным сводам). При описании событий IX–XIII вв. летописи, хроники и другие памятники называют на территории Северной Беларуси Полоцк (862 г.), Витебск (974 г., 1021 г.), Браслав (≈1065 г.), Орша (1067 г.), Лукомль (1078 г.) и др.

В «Повести временных лет» названы: Полоцк – 9 раз, Минск – 4 раза, Друцк – 2 раза, Орша – 2 раза, Копысь и Голотическ – 1 раз.

В «Поучении» Владимира Маномаха: Полоцк – 9 раз, Минск – 4 раза, Друцк – 2 раза, Минск – 2 раза, Лукомль, Логойск – 1 раз. В Ипатьевской летописи: Полоцк – 10 раз, Минск – 8 раз, Друцк – 9 раз, Витебск – 6 раз, Изяславль – 3 раза, Логойск – 2 раза, Стражев – 2 раза, Городец – 1 раз, Борисов – 1 раз.

В вопросах о датах первого упоминания городов в летописях усложняется тем, что в Древней Руси применялось несколько систем летоисчисления (мартовский, сентябрьский, ультрамартовский стили). Во всех этих городах произведены археологические раскопки, которые подтверждали их существование в данный

промежуток времени.

Укрепленным центром города, его ядром является детинец, обычно расположенный на возвышенном месте на берегу реки и окруженный оборонительными сооружениями. Подле детинца посад часто обносился второй линией укрепления, образуя окольный город. Неукрепленные посадские поселения тянулись вдоль берегов рек.

Примером происхождения городов, могут быть города Полоцкой земли. Это происходило следующим образом, предвестниками городов были укрепленные пункты славян, которые возникали при их расселении на территории Подвинья примерно в IX в. Среди них выделяется Полоцк как главный племенной центр полоцких кривичей, в котором с началом развития феодальных отношений обосновался князь с дружиной. В связи с колонизацией и установлением даней в Подвинье почти одновременно с Полоцком создавались другие укрепленные пункты (Витебск, Лукомль), зависимые от Полоцка в административном и военном отношениях.

Города могли возникать на основе укрепленных пунктов, построенных для обороны рубежей формировавшегося княжества. Появление городов содействовало ассимиляции местного неславянского населения, намного ускоряя этот процесс.

Древние источники знают различие между «градом» (городом) и селами. Например, в «Повести временных лет» сказано: «опустела села наша и города наши». В скандинавских сагах говорится о деревнях и городах, находившихся во владениях полоцкого князя Брячислава.

«Градом» в древности часто называли даже такое укрепление, которое не имело отношения к городу как к постоянному поселению. Древнерусское название «град» происходит от «ограда», «городить», «огораживать». Известны случаи, когда летописцы называют «градами» укрепления, сооружавшиеся в ладьях или построенные при использовании телег, или возведенные на церкви, вероятно, на её крыше. Однако, проанализировав сообщения летописей и других письменных источников, можно установить, где речь идёт действительно об укрепленных населенных пунктах – городах (в понимании того времени).

Иногда «градами» именовались также дворы феодалов – центры феодальных владений (вотчин).

Размещение городов находилось в соответствии с заселенностью земель. Например, население на территории Полоцкого княжества жило отдельными сгустками среди огромных безлюдных пространств лесных массивов и болот [1].

Осваивались в первую очередь более благоприятные в сельскохозяйственном отношении районы. Важное значение имело наличие рек и озёр, используемых как транспортные магистрали. Водоемы, которых насчитывалось огромное количество на территории Северной Беларуси давали возможность заниматься рыболовством. Реки и озёра кормили и поили население городов.

Города на территории Северной Беларуси появлялись на важнейших торговых путях. Сравнительно раннее возникновение и интенсивное развитие Полоцкая земля получила благодаря торговым путям, связывающим Южную Русь, Византию и

арабский Восток с Северной Русью, Прибалтикой и Скандинавией.

Выгодное географическое положение занимал Витебск. Здесь в Западную Двину впадает Лучёса, близко подходят верховья Ловати и недалеко лежит устье Каспли. Такое расположение обеспечивает бесперебойный сбыт товаров и наличие укрепленного пункта, гарантирующее его безопасность.

Город являлся центром сельскохозяйственной округи, тяготевшей к нему. На территории Северной Беларуси почвы в естественном виде не отличаются высоким плодородием, но вполне пригодны для земледелия. Об этом свидетельствуют археологические находки озимой ржи на городище у д. Свила [2]. Озимая рожь наименее прихотливая, самая морозоустойчивая среди зерновых культур, хорошо противостоит сорнякам. Её возделывание оказало огромное влияние на весь строй земледельческого производства, положив начало паровой системы земледелия [3].

К XII веку в Северной Беларуси уже находилось много старопахотных участков, очищенных от леса, о чём можно судить на основании изучения семенного материала из раскопок городов.

С распространением паровой системы земледелия росла производительность труда в сельском хозяйстве. Увеличивалось количество его продуктов, сокращалось время их производства, становится более высоким прибавочный продукт, производимый крестьянами. Появилась возможность обмена части продуктов сельского хозяйства на изделия ремесленников.

Главной предпосылкой возникновения городов было отделение ремесла от сельского хозяйства. Ремесло все более концентрировалось в отдельных населенных пунктах, имевших выгодное географическое расположение. Производство ремесленных изделий превращалось в особую сферу трудовой деятельности, которая отличалась от сельскохозяйственных занятий – земледелия и скотоводства.

Многочисленные находки из раскопок дают возможность представить ремесленное производство городов X–XIII вв. Получили развитие кузнечное, гончарное, кожевенно-сапожное, ювелирное, косторезное, бондарное и другие виды ремёсел. Подтверждается это многими образцами готовых изделий, полуфабрикатами и отходами разнообразных ремёсел, обнаруженных при раскопках городов. В Полоцке было налажено производство стеклянных браслетов, бус и перстней, тонкостенной посуды.

Новым шагом в общественном разделении труда было появление в городах купцов как нового общественного слоя, сферой деятельности которого являлся обмен товаров.

Города – центры обмена, торговли. Свободные городские ремесленники производили изделия для торга. Для проведения торгов отводился рынок. Так рынок в Могилеве занимал площадь более 2-х гектаров. В городах торги собирались 1–2 раза в неделю.

Купцы, как и ремесленники, создавали свои объединения – братства, или гильдии. Членом их мог стать человек, который был внесен в список купцов и выплатил денежный взнос. Купцы приобретали за границей сукно, железо, олово, бумагу, гвозди, ножницы и т. д. Из белорусских земель вывозили продукты сельского и лесного хозяйства.

Торговля этого периода развивалась в условиях ограниченной потребности в привозных товарах. Основная часть продуктов производства не вступала в процесс обмена. Натуральное хозяйство преобладало в экономической части жизни города.

Исходя из изложенного можно сделать следующие выводы, что на территории Северной Беларуси (Подвинье и Верхнее Поднепровье) развитие получили замедление и различные виды скотоводства. Большие перемены происходили в развитии торговли и ремесла. Важное значение для торговли и ремесла приобрел путь «из варяг в греки». С ростом производительных сил усилилось общественное разделение труда, что привело к отделению ремесла от сельского хозяйства и к возникновению городов.

Наиболее древние города в Подвинье размещены друг от друга на расстоянии более 100 км (Полоцк, Витебск, Лукомль, Браслав, Усвяты).

Древнейшие центры кривичей сооружены на важных водных магистралях. Предвестники древних городов появились в IX – X вв. Эти «грады» отличались от других типов поселений своими укреплениями, тем что они были постоянно населены, являлись административными центрами, резиденциями знати. При дальнейшем развитии раннефеодального общества укрепленные населенные пункты, обрастая торгово-ремесленными посадами, превращались в города в социально-экономическом понимании.

Список используемых источников:

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля. – М., 1975, – С. 207 – 212.
2. Возникновение и развитие земледелия / отв. ред. В. Д. Блаватский и А. В. Никитин ; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1967. – 230 с.
3. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города – М. : Государственное издательство Политической литературы, 1956. – 477 с.
4. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX – XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Мн : Наука и техника, 1978. – 160 с.

УДК 94 (47).02 “08/12”

ВИТЕБСКОЕ ПОДВИНЬЕ (ПООЗЕРЬЕ) И ВЕРХНЕОЧЬЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ

**Майоров Анатолий Александрович, доктор исторических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка
Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина»,
г. Орёл, Российская Федерация**

Ключевые слова: Витебск, Подвинье, Верхнеокский регион, торгово-транспортные маршруты, этнический субстрат, присоединение к Древней Руси.

Реферат. Сопоставление исторических судеб восточнославянских регионов (Подвинья и Верхнеокского региона), находившихся на разных участках трансконтинентальных транспортных маршрутов конца I тысячелетия н.э., позволяет выявить ряд черт, указывающих на их общие и особенные черты, проследить различные последствия сходных в своей основе внешних воздействий, обозначить различия их последующих исторических судеб. Сходства и различия внутренних условий и внешних воздействий, наблюдаемые в процессах формирования и развития регионов, привели к принципиально разным результатам в административном устройстве и урбанистических процессах.

Витебск, выступающий фокусом внимания настоящей конференции, судя по всему, сумел последовательно пройти большинство известных стадий развития восточноевропейских поселений, на каждом из которых мог называться городом: населённый пункт на важном транспортном маршруте, укреплённое место дислокации вооруженной группировки, контролировавшей округу, центр самостоятельной административно-управленческой структуры, столица княжества и т. д. Определяющим в судьбе поселения следует полагать физико-географическое расположение Витебска (вернее, «протоВитебска») на месте впадения р. Витьбы в Западную Двину. Согласно существующим воззрениям, подкреплённым данными археологических исследований, зарождение Витебска произошло в IX–X вв. вследствие объединения нескольких поселений, размещавшихся на возвышенностях (Замковая гора и холмы) у устья Витьбы. Трактовки причин формирования именно здесь гнезда поселений весьма различны, так же как характер их связей с дославянским населением и выяснение специфики их взаимодействия с иными ближайшими соседями [1, с. 60–63, 122–131; 3, с. 148; 21, с. 6–7, 41; 8, с. 27; 9, с. 110 и др.]. Судя по всему, местные речные пути, как и в других местностях Восточно-Европейской равнины стали важнейшим фактором становления здесь постоянных поселений ещё в дославянские времена.

При изменении системы военно-политического контроля на восточно-европейских землях, превратившихся из прежнего «Гардара» в Русь, во множестве мест

произошло «смещение» прежних центров, приведшее, фактически, к строительству новых поселений в некотором удалении, чему яркими примерами служат Гнездово и Смоленск, Сарское городище и Ростов, Шестовица и Чернигов, Любша и Старая Ладога, Тимерёво и Ярославль и т. д. Витебск, наряду с Полоцком, Изборском, Псковом и Киевом, по-видимому, избежал такой судьбы. Судя по всему, возникновение Витебска было «запрограммировано» географически: та часть кривичей, которая поселилась и укрепилась здесь, обязательно бы постаралась создать собственный сервисный и административный пункт на значимом отроге знаменитого Austerverga.

Две основные гипотезы по-разному трактуют роль местных жителей на трансконтинентальных коммуникациях. Согласно одной из них, «... роль Западной Двины... в контактах между Северной и Западной Европой, с одной стороны, и Восточной Европой – с другой, до X в. была довольно незначительной. ...с середины девятого столетия Полотчина участвовала в серебряной торговле не в качестве транзитного региона, а как тупиковая периферия «восточного пути». ...О сравнительно ранней (не позднее второй половины – конца IX вв.) дате появления норманнов в Витебске и в области к востоку от него говорят единичные находки... Ранняя дата появления варягов в районе Витебска объясняется, видимо, их стремлением контролировать один из путей поступления куфического серебра на север – с верховьев Днепра к истокам Западной Двины и далее – в Приильмень» [5, с. 277, 279, 287; 6, с. 118–120]. Соседствующие латгалы и селы рассматриваются в качестве труднопреодолимого барьера для движения товара по двинскому маршруту в VIII – начале X в. «ПротоВитебск», в данной трактовке, был богаче и значительнее Полоцка, который представлял собой невыдающийся архаичный славянский городок [6, с. 93].

Согласно же другой точке зрения, скандинавы были осведомлены о местных территориях, а Западная Двина, напротив, была востребованным торгово-транспортным маршрутом, что в значительной мере способствовало заселению здешних мест и началу формирования здесь городских поселений [18, с. 60–68; 19, с. 69–75; 20, с. 11, 12–13, 17 и др.]. Легенда об участии княгини Ольги в росте и развитии Витебска, в значительной мере отражает тот факт, что город, после утраты кривичами самостоятельности, достаточно органично был встроен в финансово-административную систему Древней Руси. Справедливо утверждение, что в случае применения любого из указанных выше подходов Витебск очевидно имел связи (прямые либо косвенные) с днепровским и волго-окским транспортными маршрутами. Последующая его история, невзирая на все драматические повороты, демонстрирует поступательный прогрессирующий рост вплоть до развитого Средневековья, несмотря на смену правящих династий и государственной принадлежности. Витебск продемонстрировал прохождение практически всех этапов городского развития, которые отмечались исследователями, придерживавшимися различных концепций становления древнерусского города [3, с. 148-152]. Интерес в настоящем тексте далее сфокусирован на втором маршруте – волго-окском – в его окской части.

В недавней статье с профессором Е. А. Шинаковым автору настоящего текста удалось обосновать совместную гипотезу о том, что «совокупность имеющихся в настоящее время источников и результатов исследований позволяет утверждать, что в IX–X веках существовала реальная возможность функционирования северо-западного маршрута Окского торгово-транспортного пути, проходившего по течению р. Угры («угровский переход») и выходившего в верховья Днепра» [15, с. 132]. Согласно ей, путь по Западной Двине являлся началом и продолжением маршрута, далее, через верховья Днепра, проходившего по р. Угра, а уже оттуда, по Оке, открывалась возможность перемещаться на Волгу либо Дон [15, с. 128–132]. Это даёт правомерный предлог для сопоставления исторических путей Витебска и его партнёров на окском отрезке стороне трансконтинентального транспортного маршрута конца I тысячелетия н.э.

Окский транспортный маршрут, как синтетическая результирующая донского и волжского маршрутов, большую часть времени своего существования контролировался этнополитическим объединением вятичей и был составной частью последовательно хазарской, северянской, самостоятельной и черниговской транспортно-торговой систем [14, с. 120–121]. Судя по всему, он служил одним из важных источников поступления монетного серебра не только в Восточную, но и в Северную Европу.

Интересной деталью, дающей исследователю гипотетическую возможность немного «удревнить» связи между Верхнеокским регионом и витебским Подвиньем является вероятное лингвистическое и культурное родство дославянских обитателей этих мест, по всей видимости ставших (более или менее) важной субстратной частью известных нам этнополитических славянских группировок – вятичей и кривичей (полочан) соответственно [11; 12]. Исходя из этих данных, следует допустить вероятность наличия не только этнокультурных, но также торговых, религиозных и политических контактов между регионами в то и в последующее время. Наличие «дославянских» контактов, а также вероятная этно-культурная и лингвистическая близость могли стать фактором, упростившим поддержание торгового взаимодействия регионов, населённых в ранние периоды вероятными балтскими этносами, почти синхронно ставшими составными частями новообразованных восточнославянских группировок.

Первоначальный ход развития верхнеокских земель был весьма схож с ситуацией вдоль Западной Двины: славяне пришли на относительно обжитые территории, ранее заселённые балтами. Относительно хорошо изученным источником сведений об этом этапе является Супрутское городище, бывшее, по всей видимости, значимым региональным транспортно-административным центром, находки с которого составили уникальную коллекцию, сочетающую предметы «славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения», а также большое количество балтских и «поволжско-финских древностей» [16; 2, с. 236–240]. На базе «супрутских образцов», по всей видимости, возникли некоторые этноопределяющие черты роменско-боршевской археологической культуры [13, с. 93].

Прохождение восточного монетного серебра через окский маршрут, по Угре, затем – через верховья Днепра и далее, вероятно, на Западную Двину и Балтику

отмечается ещё с первых десятилетий IX в. [13, с. 90; 7, с. 385]. В отличие от придвинских земель, Верхнеочье сразу же находилось в сфере влияния и контроля неместной структуры в лице Хазарского каганата, а затем, по мере его постепенного ослабления – северянского протогосударственного объединения и вятичского этнополитического формирования, медленно подчиняемого первоначально киевскими, а затем черниговскими Рюриковичами [13, с. 90–91; 21]. Движение по «угранскому» пути шло явно в обе стороны, о чем четко говорит разнообразный характер находок, носивших как выраженный южный и восточный характер, так и отчетливо североевропейский и скандинавский [4, с. 156].

Последующая история покорения Верхней Оки Рюриковичами растянулась почти до второй половины XII в. и очевидно сопровождалась многочисленными компромиссами и договорённостями между внешними номинальными правителями и местными реальными лидерами [13, с. 106–115, 124, 131]. Наряду с разгромленными Супрутами, в источниках упоминаются вероятно местные Вантит, Корьдно (Окоредно) и Дедославль, не ставшие в итоге основой формирования местных центров. Сохранившиеся Мценск (Меченск), Кром и Новосиль, основанные, по археологическим данным, ещё в вятичские времена, превратились в опорные административные пункты древнерусской государственности, но очевидно потеряли в значении сервисно-транспортном. Количество населённых пунктов, уходящих своими корнями в «дорусские» времена, на Верхней Оке явно сократилось не менее чем на 20 % [13, с. 174; 17, с. 63–64].

Прослеживается сходство в первоначально экономических причинах интереса киевских Рюриковичей к указанным регионам – наличие маршрутов древних транспортных систем. В случае Подвинья – двинской и днепровской, в случае Верхнеочья – окско-волжской и окско-донской, имевших зоны соприкосновения в землях, прилежавших (если оценивать крупномасштабно) к Смоленску и Карачеву соответственно. Определённый «параллелизм» наблюдается в последующем длительном периоде политической ассимиляции обеих территорий державой киевских Рюриковичей. Несмотря на ранние попытки киевских князей привести обе территории к полному подчинению – в случае Подвинья Ольгой (и её вероятными потомками), а в Верхнеокском регионе Святославом – процессы эти затянулись. В отличие от придвинских территорий, сохранивших вероятный статус территорий, окружающих важный торгово-транспортный маршрут, вятичские земли на Верхней Оке, по всей видимости, потеряли свое прежнее значение источника финансовых ресурсов и перешли в позицию покоряемой Рюриковичами обычной славянской земли.

В дальнейшем, наблюдаются очевидные различия в исторических судьбах регионов. К их числу относится проблема «нефиксирования» единого регионального центра Верхнеочья: Супрутское городище времён позднего хазарского протектората было в первых десятилетиях X в. разрушено некой «северной дружиной» и более в качестве военно-административного и экономического центра не восстанавливалось. Претендующие на некую вятичскую «столичность» Корьдно (Окоредно) X в. и Дедославль XII в. до настоящего времени надёжно не локализованы: на верхнеокских

землях прослеживается последовательное исчезновение различных самостоятельных региональных центров (Корьдно, Дедославль) и постепенное усиление административных центров, изначально внедрявшихся на эти земли внешними относительно территории властями (киевской, а позднее – черниговской и новгород-северской). Это вело к очевидному отсутствию административной преемственности с «дорусскими» временами. В противоположность тому в Подвинье известны Полоцк и Витебск с богатой археологической и письменной историей.

Различны политические судьбы территорий. Верхнеочье стало составной и, во многом, окраинной частью обширного Черниговского княжества, соединившего под своей властью как часть территории днепровской Руси, так и земли северян, верхнеокских и среднеокских вятичей, радимичей, муромы. Витебская же земля относительно длительное время (вплоть до конца XIV в.) сохраняла свою особость под властью собственной княжеской династии. Витебск, пребывающий на западной части старых транспортных маршрутов Древней Руси, в своей истории прошел фактически все возможные стадии возникновения и становления древнерусского города, став в итоге самостоятельным административным территориальным центром, и может быть указан в качестве близкого к теоретическому «эталону» примера городского развития на землях восточных славян.

Список используемых источников:

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн.; Ин-т археологии РАН. М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 290 с.
2. Археологическая карта России / под ред. Ю. А.Краснова. – М. : Институт археологии РАН, 1999. – ч. 1. – 304 с.
3. Бубенько, Т. С. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВИТЕБСК. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.): Монография. Витебск : Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 276 с.
4. Григорьев, Г. А. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. – 207 с.
5. Еремеев, И. И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. – Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. – 496 с.
6. Еремеев, И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 696 с. (Труды ИИМК; т. XLIV).
7. Зорин, А. В., Шпилев, А. Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции)// Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 384–410.
8. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска в XI–XVII вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук; АН Белорусской ССР, Институт истории. – Минск, 1991. – 35 с.

9. Колединский, Л. В. К вопросу о планировке и застройке городов XI–XVII вв. на территории Беларуси (по данным раскопок Верхнего замка Витебска и Слуцка) // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загоруйского, Минск, 6–7 декабря 2018 г./ Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Егорейченко (науч. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. – 211 с.
10. Коновалова, И. Г. Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения / Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. – С.111–120.
11. Кулаков, В. И. Козельский микрорегион в 1–7 вв. н.э. Ранняя миграция западных балтов// *Slavia Antiqua*. Т.XLIII, 2002. – С. 9–33.
12. Майоров, А. А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историкогеографической провинции в VII–VIII веках// Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. – № 3(72). – С. 55–62.
13. Майоров, А. А. Верхнеокские вятичи: научная монография. Орел : Издательство Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС, 2023. – 164 с.
14. Майоров, А. А. Вятчское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX–X вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). – С. 119–130.
15. Майоров, А. А., Шинаков, Е. А. Днепро-Окский путь («угровский переход») конца IX – начала XI века // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). – С. 125–139.
16. Мурашева, В. В. Городище у с. Супруты (IX – начало X вв.) в системе этнокультурных связей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб – М – Великий Новгород, 2001. – С. 72.
17. Прошкин, О. Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. дис.... канд. ист. наук. – М., 2001. – 374 с.
18. Самонова, М. Н. Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2012. – Т. 13. – С. 60–68.
19. Самонова, М. Н. Полоцк в русско-скандинавских связях IX–XIII вв. (по материалам древнескандинавских источников) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 4 (91). – С.69–75.
20. Смокотина, Д. В. Балтийско-Каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): опыт исторической реконструкции. автореф. дис.... к.и.н. Томск, 2012. – 22 с.
21. Шинаков, Е. А. О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)//Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. – С.239–240.
22. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.

УДК 72(470.44) |18|

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК УЕЗДНОГО ГОРОДА ВОЛЬСКА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

**Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России и археологии**

**Институт истории и международных отношений Саратовского национального
исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация**

Ключевые слова: вольские купцы, купеческие особняки, архитектурный стиль классицизм, В. А. Злобин, откупные операции.

Реферат. В 2010 г. Вольск включен в перечень исторических городов России. В городе в конце XVIII – начале XIX вв. были сооружены частные дома, которые демонстрировали признаки классицизма. Инициатором их постройки был именитый гражданин В. А. Злобин, который длительное время проживал в Петербурге.

В ходе областной реформы 1775–1780 гг. в России была законодательно утверждена такая административная единица как уездный город. Основным формальным признаком города в XIX в. было наличие административных учреждений. Особое место среди городов Саратовской губернии в начале XIX в. занимал Вольск. Столичный чиновник В. И. Беккер, посетивший его в 1842 г., был поражен его масштабами, необычными для уездного города: «Жителей в Вольске 16 тысяч, следовательно, больше, чем в иных губернских городах; домов до двух тысяч, и в том числе, полтораста каменных» [1, с. 42]. Особое место среди городов Саратовской области принадлежит Вольску и ныне – в 2010 г. он включен в перечень исторических городов России [3, с. 9]. Городской статус он получил в 1780 г., когда была создана губерния, и несколько дворцовых сел были преобразованы в уездные города. В их числе было село Малыковка, переименованное в Вольск [8, с. 31].

Город расположен на берегу Волги напротив устья ее левого притока реки Иргиз. Это предопределило успешность торговли местных купцов. В «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г. о них сказано следующее: «Промышленность волских купцов возникла с открытия города. Удобность местоположения города, выгодная водяная коммуникация по Волге, избыток граждан по землям и наипаче отличное рачение их к торговле и промыслам привели город в самое цветущее состояние» [11 с. 54]. Ни в одном городе губернии, как видно из содержания названного источника, в начале XIX в. не было такого количества состоятельных купцов, как в Вольске. Наиболее прибыльной для них являлась хлебная торговля. В окрестностях города было множество водяных мельниц [3, с. 8].

По мнению современного исследователя В. В. Кузнецова, в конце XVIII – первой половине XIX вв. Вольск был самым крупным и известным уездным городом не

только в губернии, но и во всем Среднем и Нижнем Поволжье [8, с. 31]. Он славился не только богатством, но и красотой. Живописный вид ему придавали рельеф местности, на которой город расположен, обилие водоемов и зелени. Вольск отличался также и своей застройкой, которая демонстрировала благосостояние жителей – уже в начале XIX в. в нем было 23 каменных дома, что по тем временам было редкостью для уездного города [8, с. 42]. Русские статистики уже с середины XVIII в. при составлении описаний городов обязательно фиксировали количество каменных построек в них. Справедливо наблюдение Л. В. Кошман о том, что «идея каменного города была одной из основ градостроительной политики нового времени. Каменный дом воспринимался не только как символ регулярного города, но и как признак городского образа жизни» [7, с. 76].

В Вольске, как известно из многих источников, уже в начале XIX в. были сооружены частные дома, которые поражали приезжих гостей. Беккер писал о городской застройке Вольска: «Передо мною масса домов, в числе которых много огромных» и далее: «<...>Фасады многих домов носят на себе печать оригинальности» [1. с. 42, 44]. Особенностью Вольска является стилистическое единство его архитектурного облика. Специалисты считают, что во второй четверти XIX в. в городе было построено большинство зданий, которые и ныне украшают его центр.

Вольск всегда привлекал внимание путешественников, местных статистиков и историков. Особенности его архитектуры были отмечены историками, однако исследования, авторы которых уделяют специальное внимание этому вопросу, появились сравнительно недавно. С. О. Терехин в своей монографии рассматривает, в основном, памятники Саратова, однако в ней имеется характеристика архитектурного облика Вольска. Он пишет, что сооружения, которые были созданы во второй четверти XIX в., являются украшением города, и все они обладают явными признаками классицизма. [10, с. 18]. Каменным зданиям «вторили» деревянные особняки.

В диссертации М. А. Лукояновой имеется раздел, посвященный планировке и застройке уездных городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. [9, с. 132–154]. Исследовательница указывает, что Вольск значительно отличался по характеру застройки от других уездных городов губернии [9, с. 140]. Лукоянова приводит сведения о количестве каменных и деревянных зданий в Вольске в разные годы в период с 1792 до 1864 гг. и цитирует высказывания путешественников, которые писали об особенностях архитектурного облика города.

М. В. Воробьев в своих работах рассматривает достоинства гражданских и культовых сооружений Вольска, построенных на протяжении XIX – начала XX вв. Он подчеркивает, что по численности и красоте особняков в перв. четв. XIX в. Вольск превосходил Саратов. Воробьев приводит местное предание о том, что «рассматривался вопрос о перенесении центра губернии в Вольск» [3. с. 9]. Подтверждения этому преданию нет в письменных источниках. Однако архитектурные памятники Вольска первой половины XIX в. показывают несомненное превосходство перед сооружениями губернского центра этого периода. Воробьевым отмечены факты перестроек, которым подвергались здания, возведенные в то время в Вольске. Он

приводит сведения и о тех сооружениях, которые не сохранились до наших дней [3].

Каменные особняки Вольска, архитектурный облик которых, по словам С. О. Терехина, обладает «явными признаками классицизма», по его мнению, были построены в первой половине XIX в. Однако указать даты их сооружения историки обычно затрудняются. Следует учитывать, что до нашего времени сохранились не все постройки, которые удивляли приезжих людей. В городе происходили пожары, особняки переходили из рук в руки, новые владельцы перестраивали дома, их внешний облик менялся.

Некоторые сведения о количестве каменных зданий в стиле классицизма, служивших украшением Вольска в первой половине XIX в., о чем писали путешественники, можно выяснить на основании архивных материалов. Опубликованные документы городских учреждений Вольска позволяют уточнить, в какие годы особняки были построены, и назвать фамилии их владельцев [5]. Эти документы представляют собой сообщения из городского магистрата в Вольскую градскую думу об освидетельствовании каменных домов. (Владельцы вновь построенных домов подавали прошения на получение свидетельства на дом с указанием его оценки.) Городовой магистрат в своих сообщениях указывал местоположение домов, время их постройки, количество этажей, размеры, наличие помещений для торговли (лавок) и «дворовых служб», наличие участков «дворовой земли». Здесь же назывались имена оценщиков и сумма оценки. Для нас важно то, что иногда в документах указывались стилистические особенности особняка.

Если обратить внимание на сообщения городского магистрата, в которых названы архитектурные особенности зданий, то видим, что некоторые из них были выстроены в традициях классицизма. В 1806 г. в Вольске «при Торговой площади» вольский именитый гражданин В. А. Злобин построил трехэтажный особняк, «окруженный весь из белого дикого камня колоннами коринфского ордера...» [5, с. 106]. В том же 1806 г. был построен купцом И. Ф. Курсаковым трехэтажный дом «ионической архитектуры», очевидно, поблизости от дома Злобина — «при Торговой площади» [5, с. 120]. Несколько позже в 1807 г. городничий Н. Н. Струков на Московской улице возле соборной Троицкой церкви построил трехэтажный особняк «с колоннами, столбами и фронтонами» [5, с. 135].

Еще три документа сообщают о сооружении зданий подобного облика в 1810 г. «При главной базарной площади» (очевидно, Торговая площадь) появился дом купца А. С. Новоженова «с фронтонами» [5, с. 121]. Он имел два этажа, так же, как и дом купца Е. П. Котлова, при описании которого назван «бельведер на четырех колоннах». Котлов возвел свое строение «близ церкви Покрова Божьей матери в Дворянской улице» [5, с. 126]. Выгодным и престижным местом для купеческих особняков была именно Торговая площадь. На эту площадь выходил построенный в том же 1810 г. трехэтажный особняк В. М. Мясникова «архитектуры ионического ордера в сочетании с коринфским стилем» [5, с. 127].

Из названных домов, о постройке которых сохранились документы городского магистрата, как свидетельствуют изыскания историков Вольска, сохранился только

дом В. М. Мясникова (его хозяина называют племянником В. А. Злобина). Особняк был перестроен в 1830-е гг. В настоящее время в нем размещается исторический отдел Вольского краеведческого музея [3, с. 64]. Конечно, опубликованные документы не дают полного представления о размахе «каменного» строительства в Вольске с конца XVIII до середины XIX в.

Саратовские историки называют и другие сооружения, выстроенные в стиле классицизма в конце XVIII – начале XIX вв., сохранившиеся до наших дней. Сведения о них не нашли отражения в опубликованных документах. Это особняки купцов И. В. Расторгуева и П. С. Сапожникова, здание гостиного двора [3, с. 28, 42, 54.]. По мнению местного исследователя XIX в. В. Г. Еланского, на которого ссылается М. В. Воробьев, «Злобин и его компаньоны выстроили в Вольске около сотни великолепных зданий в стиле позднего классицизма» [3, с. 54].

14 августа 1812 г. в городе произошел пожар. В результате пожара сгорели каменные дома – «до двадцати», и деревянные – «до двухсот». Сгорели хлебные амбары, несколько речных судов и амбар с казенной солью («до 1000 пуд»). Это было страшное бедствие для жителей. В документе, который содержит информацию о пожаре, имена владельцев «погоревших» домов не названы [5, с. 145–146]. Возможно, каменные дома, выстроенные в 1806–1810 гг. сильно пострадали от пожара.

На основании опубликованных материалов городского магистрата можно сказать, что позднее, в 1813–1814 гг. в Вольске снова строились каменные дома. Однако сведения относительно особенностей их архитектурного облика в сообщениях магистрата не встречаются. Можно предположить, что владельцы домов, отстроенных после пожара, не стремились к созданию особняков, которые претендовали на сходство с образцами столичной архитектуры.

Сооружение каменных домов в Вольске, как считают исследователи, началось уже в конце XVIII в., и было связано с финансовыми операциями их хозяина В. А. Злобина, которые он осуществлял в 80-е гг. XVIII в. Построенные дома использовались им в качестве залога под обеспечение взятых откупов. О Злобине знаменитый историк Н. И. Костомаров писал, что после своего быстрого обогащения он «перестал быть лицом исключительно своей провинции, он сделался историческим лицом целой России» [6, с. 90]. Причинами его успехов современники считали личные способности – как в области коммерческой деятельности, так и в умении находить себе покровителей. Н. И. Костомаров подчеркивает, что участие в торгах по винным откупам В. А. Злобин смог осуществить благодаря «милости и покровительству» генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, который дал за него поручительство [6, с. 89, 90].

Местный историк М. М. Владимиров на основании документов вольской городской думы выяснил, что в 1781 г. после преобразования Малыковки в город Вольск В. А. Злобин был избран в число ратманов, а его брат И. А. Злобин – одним из бургомистров. Три года спустя в 1784 г. В. А. Злобин стал городским головой, затем в 1787 г. был вторично избран на эту должность. Через два года он уже просил не выдвигать его на этот пост, поскольку у него открывались новые перспективы [2, с. 23, 27, 29]. В 1789 или 1790 гг. В. А. Злобин получил звание именитого

гражданина Вольска [2, с. 30–31]. Но еще до этого он постоянно не жил в городе, часто отлучаясь в Петербург. Саратовские исследователи отмечают, что построенные в Вольске по инициативе Злобина особняки возводились по проектам «достаточно известных архитекторов» [3, с. 8].

С начала 90-х гг. деятельность Злобина приобрела широкие масштабы. Он держал откупа на вино в нескольких губерниях, на соль из Эльтонского и близлежащих соляных озер, а также на производство игральные карты (совместно с компаньоном) – по всей империи. Как свидетельствуют все источники, успех в делах сопутствовал ему в течение двадцати лет. В этот период его ежегодный доход, по словам информатора Н. И. Костомарова, достигал 500 тыс. руб. [6, с. 92].

Крупные операции по откупам были весьма рискованными предприятиями. В конце концов, В. А. Злобин разорился, его имущество было продано с торгов, и на жителях Вольска остался огромный долг – 1 млн 353 тыс. руб. (городское общество выступало в качестве поручителя за Злобина). Разорение постигло его после 1812 года. Война отрицательно сказалась на экономике России, пострадали от нее и торговые круги, и откупщики, подобные Злобину. Информатор Н. И. Костомарова называл и другие причины разорения Злобина – недобросовестность деловых агентов и неосторожное проявление им враждебности по отношению к влиятельным лицам [6, с. 94]. Возможно также, что пожар, который произошел в Вольске в 1812 г., стал едва ли не главной причиной разорения откупщика. Однако о нем не упоминали историки XIX и XX вв. Умер В. А. Злобин в 1814 году [4, л. 113].

Память о его деятельности сохранилась в устных преданиях, которые были зафиксированы исследователями уже во второй половине XIX в. Представительные особняки в стиле классицизма (вероятно, далеко не все) сохранились до наших дней. Возведение этих сооружений было непосредственно связано с пребыванием Злобина в Петербурге. В столице он имел возможность заказать проекты, по которым строились в Вольске дома состоятельных горожан. Таким образом, не только богатство откупщика, но и обстоятельства его жизни имели последствия для формирования особого архитектурного облика Вольска.

Список используемых источников:

1. Беккер, В. И. Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера / В. И. Беккер, – М., 1852. – 76 с.
2. Владимиров М. М. Первое столетие Вольска 1780 – 7 ноября 1880 г.: материалы для исторического очерка / М. М. Владимиров // Саратовский сборник: материалы для изучения Саратовской губернии. – Саратов, 1881. – Т.1. – С.17–64..
3. Воробьев М. В. Вольск: село Малыковка – город Вольск / М. В. Воробьев. – Саратов : ООО Волга, 2014. –136 с.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО) Ф.12. Оп.1. Д. 506а.
5. Гущикина, Л. С. «Каменный» расцвет города Вольска и история сел Вольского уезда (начало XIX века, конец XIX века). Научный сборник архивных документов / Л. С. Гущикина – Саратов : полиграфич. Компания «Эль-Принт», 2012. / отв. ред.

Булычев М. В. – 320 с.

6. Костомаров, Н. И. Поездка в г. Волгск. / Н. И. Костомаров // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. – Саратов, 1859. – С. 87–111.

7. Кошман, Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. – М. : РОССПЭН, 2008. — 448 с.

8. Кузнецов, В. В. Купечество малых волжских городов в конце XVIII – первой половине XIX веков / диссертация на соискан...канд. ист. наук / В. В. Кузнецов. – Саратов, 2007. – 214 с.

9. Лукоянова, М. А. Социально-экономическое развитие уездных городов России в конце XVIII– середине XIX вв. (На материале Саратовской губернии) Диссертация на соискан...канд. ист. наук / М. А. Лукоянова. – Саратов, 2018. – 210 с.

10. Терехин С. О. Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области) / С. О. Терехин. – Саратов : Привож. кн. изд-во, 1990. – 152 с.

11. Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. – Волгоград : Издатель, 2011. – 240 с.

УДК 247.3

КАК ВЫГЛЯДЕЛА В ОРИГИНАЛЕ ГРОДНЕНСКАЯ ИКОНА МАТЕРИ БОЖИЕЙ КОЛОЖСКАЯ И ЕЕ ОКЛАД

**Малишевский Николай Николаевич, кандидат политических наук, доцент,
докторант кафедры истории России
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация**

Ключевые слова: икона Божией Матери Коложская, оклад иконы Матери Божией Коложская, Борисоглебская Коложская церковь в Гродно.

Реферат. Впервые проанализированы три известных на данный момент и зафиксированных (литографическим либо фотографическим способом) в печатных изданиях XIX – начала XX вв. образа Коложской иконы Божией Матери, принадлежавшей одному из древнейших белорусских храмов, – построенной в XII веке Коложской церкви во имя Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба в Гродно. Подробно рассмотрены как внешний вид древнего оригинала самой иконы, так и ее оклада.

Согласно изданию Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь «Святыни и чудотворные реликвии Беларуси», гродненская икона Матери Божией Коложская, наряду с иконой Матери Божией Будславской, входит в число двух

(из 19) основных белорусских христианских чудотворных реликвий подобного рода¹. В настоящее время в Коложской церкви в честь Святых страстотерпцев Бориса и Глеба в Гродно находится единственный сохранившийся, из известных на сегодняшний день, исторический список иконы, написанный на рубеже XIX–XX вв. Древний оригинал иконы был утерян во время Первой мировой войны в 1915 году, во время эвакуации на восток ценностей древнейшего православного храма Гродненщины.

Тем не менее, благодаря изданиям о Коложской церкви (Гродно), увидевшим свет во второй половине XIX – начале XX вв., в настоящий момент известны три сравнительно детально зафиксированных (литографическим либо фотографическим способом) образа Коложской иконы Божией Матери, два из которых показывают ее в окладе. Эти изображения чаще всего используются в литературе справочного и подобного плана, посвященной русским Православным иконам и самому гродненскому Борисоглебскому храму на Коложе, главной святыней которого чудотворная икона Божией Матери Коложская была на протяжении нескольких веков (рис. 1).

Первый образ (существующий в настоящее время в нескольких вариациях, имеющих некоторые не очень большие, но заметные отличия) был приведен в разделе «Развалины Коложской Борисоглебской церкви в Гродно» увидевшей свет в 1890 году книги «Белоруссия и Литва. Историческая судьба Северо-Западного края»². Она вышла под редакцией попечителя Виленского учебного округа, вице-губернатора г. Ковно П. Н. Батюшкова (1811–1892). Позже неоднократно переиздавалась и некоторое время считалась одной из фундаментальных работ, посвященных церковной и иной истории белорусских земель с древнейших времен до XIX века³.

Рисунок 1 – Три образа Коложской иконы Божией Матери

¹Святыни и чудотворные реликвии Беларуси. – Мн.: Белкартография, 2023. – С. 2.

²Белоруссия и Литва. Историческая судьба Северо-Западного края. - СПб.: Тип. Тов. "Общественная польза", 1890. – С. 114-116

³Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. – Перепеч. с изд. 1898 г. – Минск: изд. центр БГУ, 2004. – С. 2.

Издатели дают изображение оклада, но не приводят его описания. В сопровождающем образ тексте о иконе сообщается только, что она «почитается всем окрестным населением», а также что: «Написана она на полотне наклеенном на доску, и может быть отнесена к XVII веку. По характеру живописи предполагают, что икона представляет собой не вполне точную копию с Виленской Одигитрии, принесенной в Вильно великой княгиней Еленой Иоанновной и находящейся ныне в храме Виленского Троицкого монастыря».

Этот же образ приводится в первом 1891 года (на с. 329) и втором 1898 года (на с. 324) изданиях книги-справочника С. И. Снеессоревой (1877–1943 гг.) «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ея икон, чтимых Православною церковью на основании священного писания и церковных преданий. С изображениями в тексте праздников и икон Божьей матери»¹. Означенный труд многократно (более десяти раз) издавался и в последующем. Во всех этих переизданиях изображение иконы и оклада в разделе, посвященном Коложской иконе, оставалось неизменным. Также во всех этих книгах, включая первое и второе издание конца XIX века, автор и издатели приводят такое же как на фото выше (только черно-белое) изображение оклада, но не приводят его текстового описания. В сопровождающем изображение тексте об иконе сообщается фактически то же самое, что и в книге «Белоруссия и Литва» 1890 года, изданной под редакцией П. Н. Батюшкова.

В некоторых, на данный момент неverified, современных источниках, автор этих строк встречал информацию, что означенный образ – это «рисунок С. Кудрявцева 1867 года», на котором изображена «Чудотворная икона Коложской Богоматери в позолоченном окладе, украшенном гранатами, сердоликом и агатами, утраченная в 1915 году». Для сравнения: очевидцы XIX века, одними из первых оставившие письменное описание оклада Коложской иконы – авторы издания «Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 год»² – в описывающей храм до обрушения и его внутреннее убранство публикации «Коложская церковь», сообщают: «В иконостасе с левой стороны находится образ Богоматери в серебряной ризе, замечательный по следующему преданию: какой-то нищий, всегда носивший с собою этот образ, получил в сновидении повеление отнести и поставить его в Коложанской церкви; нищий исполнил повеление, и сам здесь же умер».

В то же время, если информация относительно автора этого, не совсем точного изображения как оклада, так и самой иконы, соответствует действительности, то означенным человеком мог быть Кудрявцев Сергей Иванович (1843 – после 1916 гг.) – художник-акварелист, занимавшийся также литографией и фотографией. Либо другой художник и литограф, носивший эту же фамилию – Кудрявцев Роман Семёнович (1820–1879 гг.), с которым у С. И. Кудрявцева были совместные художественно-литографические работы в Православных храмах западных губерний Российской

¹Снеессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ея икон, чтимых Православною церковью на основании священного писания и церковных преданий. С изображениями в тексте праздников и икон Божьей матери. 2-е изд. – СПб.: Изд. книгопрод. И.Л. Тузова, 1898. – 648 с.

²Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 год. – Гродно: в типографии губернского правления, 1866. – С. 29–34.

империи (например, плафон в Соборе Супрасльского монастыря и дарохранительница в виде голубя)¹. Кроме того, Р. С. Кудрявцев имел, как литограф и художник, прямое отношение к гродненскому храму на Коложе. В частности, рисунки белорусского краеведа, исследователя архитектуры и художника-пейзажиста XIX века В. В. Грязнова (ок. 1840–1909 гг.), первым в 1850-е гг. исследовавшего и описавшего² Борисоглебскую (Коложскую) церковь были изданы в литографии А. И. Парли в Вильно в литографских копиях 1867 года именно Р. С. Кудрявцева³. Возможно, что созданная одним из этих художников-литографов икона является либо неточным списком с старинного оригинала, либо иной иконой, изображающей Богородицу с Младенцем, также принадлежавшей Коложской церкви и исчезнувшей после эвакуации из Гродно на восток в годы Первой мировой войны (1915 г.) вместе с оригиналом (рис. 2).

Этот образ старинного оригинала иконы (с подписью в верхнем правом углу листа «фототипический оттиск иконы при странице 27») опубликован на специальной вклейке – как иллюстрация для текста о иконе на стр. 27 первой книги увидевшего свет в Воронеже в 1899 году двухтомника «Гродненский Православно-церковный

Рисунок 2 – Икона Богородицы с Младенцем

¹Плафон в Соборе Супрасльского монастыря и дарохранительница в виде голубя // Сайт Национальная электронная библиотека. – 2024. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012146174/. – Дата доступа: 7.03.2024.

²Грязнов В.В. Коложская Борисоглебская церковь в г. Гродне. - Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1893. – 11 с.

³Воронин Н.Н. Архитектурные памятники XII века: церковь Бориса и Глеба на Коложе // Древнее Гродно. М., 1954. – С. 82.

календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века»¹. Это второе издание работы епископа Брестского (с резиденцией в Гродно) и второго викария Литовской епархии Иосифа (в миру Никодим Андреевич Соколов, 1835–1902 гг.), намного более объемное и, как специально указано в выходных данных «значительно дополненное» – в сравнении с первым однотомным изданием, напечатанным в Гродно в 1893 году.

Автор книги приводит изображение иконы без оклада, но при этом описывает икону и ее оклад таким образом: «Историческое происхождение этой св. иконы неизвестно – относят же ее по характеру ее живописи к XVII веку. Она писана на медной доске, вышиною 5, шириною 4 вершка, – вложена в кипарисовую доску вышиною 9, шириною 8 вершков, – риза на ней серебропозлащенная 84 пробы, венцы украшены 14 гранатами, вставленными в серебряные гнезда, венцы и поля чеканные, – на полях искусно тонким резцом вырезаны ветхозаветные преобразовательные изображения, относящиеся к Богородице, и между ними 8 камней, 2 граната, 5 сердоликов и агат – в серебряных же гнездах, – на св. иконе и около нее по полю множество разных привесок, – вся она обрамлена гранатами с золотыми крупными зернами – до 45 на цепочке. Все вставлено в деревянные с резными украшениями озолоченные рамы и помещается в медный озолоченный киот за стеклом и внутренним замком, – дверка киота для богомольцев отворяется. Киот сиздавна, еще при бытности на Коложе, вставлен в покрытую малиновым бархатом доску, вышиною 2 аршина 6 вершков, шириною аршин с вершком, в озолоченных рамах. Доска по бархату украшена золоченою резьбой и множеством привесок: фигур разных частей человеческого тела – до 50. Лик Пресвятой Богородицы представляет замечательно умиленно, сердечно-сострадающий вид, какой едва ли на какой иной иконе можно встретить, как и воспроизвести живописью, – равно и лик Спасителя, держащего Ею на левой руке Ея, – оба лика оттенены румянцем, жизненно радеющим»².

Епископ Иосиф (Соколов) является также автором наиболее объемной и обстоятельной работы о гродненской святыне на Коложе и ее иконе. Она увидела свет также в 1899 году и называется «Коложская в г. Гродно церковь, с бывшим при ней Борисо-Глебским монастырем, в подробном изложении положения ее прежнего и за последнее время, – с фототипическим изображением Коложской иконы Богородицы и 5 видов церкви»³. В этой книге автор приводит то же самое изображение иконы

¹Гродненский православно-церковный календарь, или Современное состояние православной церкви в Гродненской губернии: с изображением святых сей губернии: св. преподобномученика Афанасия Брестского и св. мученика Гавриила Заблудовского – ныне Слуцкого – и с Православно-церковною картой Гродненской губернии, с означением на оной всех городов, местечек, селений и вообще мест, где есть православные церкви / Иосифа епископа Брестского, второго викария Литовской епархии. Гродно: Типография Губернского правления, 1893. – 326 с. Изображение Коложской иконы в этом издании отсутствует.

²Гродненский православно-церковный календарь или Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века / [Соч.] Еп. Иосифа. Т. 1–2. – 2-е изд., знач. доп. ист. ст. о мест. святынях, новыми стат. данными библиогр. указаниями и личными наблюдениями. – Воронеж: тип. В.И. Исаева. – Т. 1. – С. 27–28.

³Коложская в г. Гродно церковь, с бывшим при ней Борисо-Глебским монастырем, в подробном изложении положения ее прежнего и за последнее время, – с фототипическим изображением Коложской иконы Богородицы и 5 видов церкви. Сост. Иосиф (Соколов), епископ. – Воронеж: Типография В.И.Исаева, 1899. – 101 с.

(без оклада), что и в первом томе своего «Гродненского Православно-церковного календаря». Причем дается полностью идентичная (скорее всего, та же самая) вклейка с образом, вплоть до сохранения ссылки на стр. 27, хотя в этой книге, в отличие от двухтомника, речь об иконе идет на совсем других страницах. Так же на этот раз автор дает два, текстуально отличающихся от вышеприведенного, описания иконы и ее оклада.

Первое приводится на стр. 12 (икона так же продолжает упоминаться на с. 13) – по дословно цитируемому им тексту инвентарной описи, составленной в 1738 году униатским аббатом-настоятелем Коложского храма и монастыря И. Кульчинским: «Главный большой алтарь с двумя колоннами, столярной, частью резной работы, с позолотою в капителях. В алтаре в резной озолоченной раме с резными украшениями золочеными и осеребренными небольшой образ Пресвятыя Богородицы, величиной в четверку обыкновенной писчей бумаги, писанный на холсте, наклеенном на деревянную доску, – на нем риза серебряная, местами вызолоченная, две маленькие короны на венцах серебряные вызолоченные, с двенадцатью чешскими драгоценными камнями в оправе. Все это обрамлено разноцветными бисерными узорами очень красиво. При образе две разноцветные завесы с розовою вокруг опушкой и большая завеса, закрывающая образ, из тафты кармазинного цвета».

Второе описание епископ Иосиф (Соколов) приводит на стр. 83 непосредственно от себя, как очевидец (по состоянию на вторую половину 1890-х гг.): «Над царскими вратами спускающийся на шнурах образ Пресвятыя Богородицы Коложский, в парчевой, золотой ризе, обильно украшенный разноцветными украшениями от благочестиваго усердия Марии Викторовны Зенькович самолично, бывший прежде

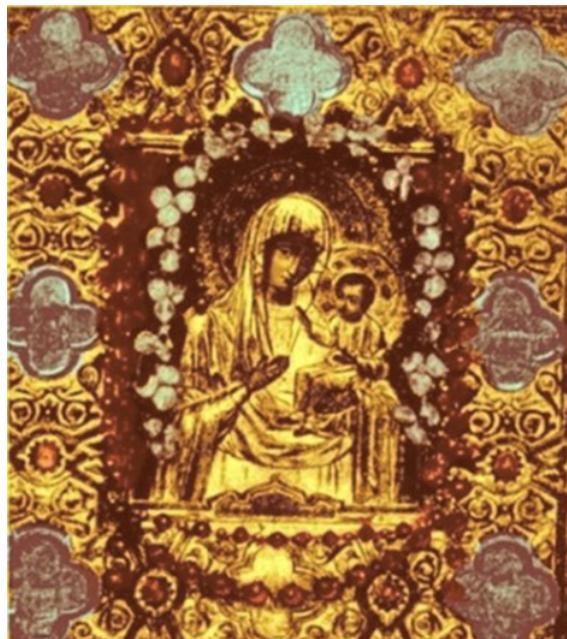

Рисунок 3 – Коложская икона Богородицы

над храмовым большим образом святых Бориса и Глеба при существовании часовни 1872 год [существовала в развалинах храма, после обрушения части его стен в р. Неман – прим. Н. М.]. Он в круге и около него в перевязь Слова Святого Писания, соответственные месту: «На мя шептах вси врази мои, на мя помышляху злая мне и иотцы беззакония»¹.

Этот образ иконы и оклада приведен (на с. 22) в увидевшей свет в Гродно в 1908 году книге митрофорного протоиерея, церковного историка и краеведа Гродненщины Иоанна Владимировича Корчинского (1864–1935 гг.) «Древняя Коложская церковь во имя Святых князей Бориса и Глеба в городе Гродне»². Экземпляр именно этой книги о Коложской церкви, вместе со списком с оригинала Коложской иконы, были преподнесены (в составе делегации и от имени православного духовенства Гродненской губернии в Софийском соборе г. Гродно) гродненским епископом Михаилом (Ермаковым) и автором книги в дар императору Николаю II при посещении им города Гродно в 1914 году.

Как и епископ Иосиф (Соколов), протоиерей И. Корчинский приводит на стр. 21 своей книги описание иконы и ее оклада из дословно цитируемого им текста инвентарной описи 1738 года, составленной униатским аббатом-настоятелем Коложского храма и монастыря И. Кульчинским. Однако этот текст по форме в каждом предложении отличается от цитируемого епископом Иосифом (суть и детали при этом сохраняются): «В алтаре, в золоченных резных рамах находится небольшой образ Пресвятыя Богородицы. Образ величиной не больше четверки листа бумаги. На образе риза из серебра, по местам вызолоченная. Две маленькие серебрянные короны с позолотою; двенадцать чешских камней в оправе...»³.

Примечательный и важный момент: в издании книги С. Снеессоревой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ея икон», увидевшем свет в 2006 году⁴, привычное для предыдущих многочисленных переизданий этой книги изображение Коложской иконы в разделе посвященном Гродненской святыне заменено на образ, идентичный приведенному в книге И. Корчинского. Это сделано без ссылки на означенный факт и саму книгу 1908 года. Возможно издатели работы С. Снеессоревой в версии 2006 года (Храм Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках) не знакомы с работой И. Корчинского. В то же время они подчеркивают, что их издание книги «3-е» и существенно «исправленное и дополненное». И специально акцентируют внимание читателей в первом же абзаце раздела «От издателей» на том, что: «Настоящая книга является третьим переизданием

¹Коложская в г. Гродно церковь, с бывым при ней Борисо-Глебским монастырем, в подробном изложении положения ее прежнего и за последнее время, – с фототипическим изображением Коложской иконы Богородицы и 5 видов церкви. Сост. Иосиф (Соколов), епископ. – Воронеж : Типография В. И. Исаева, 1899. – С. 83.

²Корчинский И.В. (протоиерей). Древняя Коложская церковь во имя Святых князей Бориса и Глеба в городе Гродне. – Гродно : Губерн. тип., 1908. – 24 с.

³Корчинский И.В. (протоиерей). Древняя Коложская церковь во имя Святых князей Бориса и Глеба в городе Гродне. – Гродно : Губерн. тип., 1908. – С. 21.

⁴Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон. / Сост. София Снеессорева. – М. : Храм Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках, 2006. – 640 с.

замечательного труда Софии Снессоровой, столь известного и любимого, как среди широкой аудитории читателей, так и среди специалистов. Оно отличается от предыдущих изданий тем, что издатели, ни в коем случае не меняя текст... внесли некоторые коррективы в изобразительный ряд, собранный автором» [в XIX веке].

На самом деле издание книги 2006 года не является третьим по счету после прижизненных изданий С. Снессаровой, опубликованных в конце XIX века. Эта книга к тому моменту была уже переиздана около десяти раз, но во всех этих случаях изображения Коложской иконы и сопровождающий их текст оставались неизменными. По всей вероятности, издатели подчеркивают, что книга является «третьим» переизданием работы С. Снессаровой не по формальному счету, а по сути. И делает ее таковым именно уточнение визуального ряда, напрямую относящееся и к Коложской иконе, и к ее окладу. В случае если издатели не знакомы с книгой И. Корчинского, изданной в 1908 году, и не заимствовали из нее уточненное, как они утверждают, изображение Коложской иконы и ее оклада, они могут быть знакомы с неким неизвестным до сих пор белорусским исследователем изображением либо оригиналом образа чудотворной святой чудотворной Коложской иконы Божией матери.

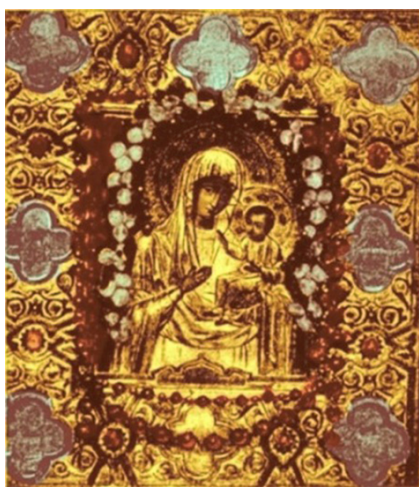
Таким образом, исходя из вышеприведенного, можно сделать следующие выводы. На данный момент существуют два основных верифицируемых текстовых описания и одно визуальное изображение оклада Коложской иконы. (Второе изображение требует специального более детального исследования. Возможно, оно является довольно произвольным изображением-списком древнего оригинала, созданным «на слух». Либо иной иконой Богородицы с Младенцем, принадлежавшей Борисоглебской обители на Коложе).

Первое (из известных и верифицируемых на данный момент) текстовое описание принадлежит униатскому архимандриту И.Кульчинскому и является частью инвентарной описи, датируемой 1738 годом. Это описание существует в нескольких вариантах. Отличающихся по форме, но не сути. Что, наряду с имеющимися еще более явными огрехами, несколько снижает степень и достоверности, и аутентичности текстов. Пример: гродненский краевед, историк и археолог польского происхождения И. И. Иодковский (1890–1950 гг.) приводя размеры иконы 22x17,6 см, отмечает, что униатский архимандрит Игнатий (Кульчинский) ошибочно указал в своем «Инвентаре», что икона была изображена на полотне, наклеенном на доску¹. Тексты И. Кульчинского, либо приписываемые его авторству, содержат и другие неточности и даже явные исторические подтасовки и ложь, направленную на ассоциацию православных с «Москвой», агрессией и разрушением. В то же время на данный момент эти тексты считаются наиболее древними из исторических источников, а неточности и текстуальные расхождения, относящиеся к Коложской иконе, могут являться следствием не совсем качественных переводов с польскоязычного текста, считающегося оригиналом документа.

¹Jodkowski J. Swiatynia warowna na Kolozy w Grodnie: w swietle badan archiwalnych i archeologicznych, dokonanych w 1935 r. – Grodno, 1936. – S. 62.

Второе текстовое описание дано непосредственно очевидцем, имевшим опыт исторических исследований, церковным деятелем Православной церкви, жившим и трудившимся в Гродно, епископом Иосифом (Соколовым). В данном случае нет никаких сомнений в точности и достоверности информации, а также неангажированности ее источника. В то же время, это описание почти на полтора столетия «моложе» того, которое приписывают И. Кульчинскому. Тем не менее, именно оно является на данный момент наиболее точным и достоверным описанием оклада оригинала Коложской иконы исчезнувшего в годы Первой мировой войны.

Даже если оклад иконы выглядел в первой половине XVIII века так, как это описывается в инвентаре Кульчинского, то события последовавшего более чем полуторавекового периода, включившие в т. ч. документально зафиксированное

мародерство наполеоновских солдат в гродненских храмах в 1812 году, три польских мятежа и несколько предшествовавших им гражданских войн и военных конфликтов, обусловленных в т. ч. официально религиозными причинами («преследование диссидентов православного вероисповедания» и прочих некаатоликов, к которым формально относились и униаты, в ведении которых находились храм и монастырь на Коложе), а также обрушение в р. Неман части церкви, которой принадлежала икона, могли оказать на оклад самое непосредственное, в т. ч. негативное, воздействие, существенно видоизменить его и лишить части элементов, описанных в инвентаре 1738 года. Кроме того, внешний облик оклада мог видоизменяться и по иным, более мирным причинам, связанным с возрождением и восстановлением храма. Что могло найти отражение, например, в превращении «серебряной ризы» Богоматери (письменно фиксируемой на данный момент с 1866 года) в «серебропозлащенную» (1899 г.) и «по местам вызолоченную» (1908 г.) к концу XIX – началу XX вв. Таким образом к моменту, когда его описал в конце XIX века епископ Иосиф (Соколов), оклад мог существенно изменить свой облик. Наиболее вероятным и верифицируемым на данный момент представляется образ на риунке 4.

Рисунок 4 – Образ
Богоматери
в окладе и без оного

УДК 81'373.211:27:726(476.5-25)"15/20"

НОВОЕ ВРЕМЯ И СОВРЕМЕННАЯ УРБАНОНИМИЯ ВИТЕБСКА: СУДЬБА ЦЕРКОВНЫХ НАЗВАНИЙ

**Мезенко Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор,
почетный профессор ВГУ им. П.М. Машерова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: годоним, Новейшее время, Новое время, урбаноним, ценности христианства, церковный урбанонимикон, еkkлeзионим.

Реферат. Статья посвящена исследованию судьбы названий внутригородских линейных и территориальных объектов Витебска, восходящих к наименованиям храмов, церквей, костелов, монастырей и других мест совершения обряда, в периоды Нового и Новейшего времени, места и роли их в истории восточнославянского города. Устанавливаются группы урбанонимов, особенности репрезентации ценностей христианства, способствующих духовному совершенствованию человека.

Урбанонимия любого современного города включает в себя ряд составляющих – социальную, аксиологическую, или ценностную, эмоционально-характерологическую, культурно-историческую, в том числе церковно-религиозную, и др.

В данном исследовании нас будет интересовать судьба названий внутригородских линейных и территориальных объектов, восходящих к наименованиям храмов, церквей, костелов, монастырей и других мест совершения обряда, одного из восточнославянских городов – Витебска, – двух последних периодов истории – Нового и Новейшего времени. Выбор для изучения именно этого города продиктован несколькими причинами, прежде всего тем, что это один из древнейших городов на территории современной Беларуси, отмечающий в текущем году своё 1050-летие (первое летописное упоминание о нем относится к 974 г.). Что касается избранных для анализа периодов времени, то Новое время – это период всемирной истории, который предшествует нашему – Новейшему времени, – а без знания прошлого плохо видится настоящее и неопределенно будущее.

Урбанонимия церковно-религиозного содержания в последние годы привлекает все больше внимания.

Ряд авторов проводили исследования в области западнославянской [7; 9] и южнославянской урбанонимики [8].

Известны исследования, в которых объектом анализа выступают внутригородские наименования восточнославянских стран. Так, изучению российской урбанонимии посвящены исследования Р. В. Разумова [4]. Проблемы, связанные с потенциалом белорусских отекклeзионимных урбанонимов, находили отражение в публикациях О. А. Лукиной [2], а также наших [3]. При этом судьба церковных названий

внутригородских объектов г. Витебска Нового и Новейшего времени специально не рассматривалась.

Целью статьи является определение судьбы названий внутригородских линейных и территориальных объектов Витебска, восходящих к наименованиям храмов, церквей, костелов, монастырей и других мест совершения обряда, в периоды Нового и Новейшего времени, места и роли их в истории восточнославянского города.

Актуальность исследования определяется его соответствием лингвокультурологической и культурно-исторической составляющим антропоцентрической парадигмы языкознания, недостаточной изученностью церковных урбанонимов.

Материалом для работы послужили данные Российского государственного архива древних актов [6] и Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, представляющие собой полные списки названий линейных объектов Витебска 1783 и 2018 гг.

Использованы методы инвентаризации и систематизации ономастического материала, дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, элементы количественно-качественного анализа.

Приступая к исследованию урбанонимов, следует отметить, что на плане города 1783 г. обозначены 48 линейных объектов, 11 переулков из которых безымянны. Остальные 37 подразделены на две группы:

- главные (их 5: Замковая ул., Подвинская ул., Полоцкая ул., Санкт-Петербургская ул., Семинарская ул.);
- боковые и поперечные (их 32).

На названия улиц, восходящих к экклезионимам, в исследуемом урбанонимиконе приходилось 18 из 37, что составляет 48,7 % от общего числа номинированных линейных объектов.

По данным Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, в своде названий улиц Витебска 2018 г. насчитывается 987 урбанонимов, лишь один из которых (0,1 %) включает лексему церковно-религиозного содержания.

Анализ урбанонимикона 1783 г. с точки зрения способа номинации культовой постройки, давшей название улице, позволяет утверждать, что в конце XVIII в. он включал довольно разнообразные урбанонимы церковно-религиозного содержания, которые можно подразделить на четыре группы, получившие свои названия от имен: 1) небесных сил и святых, 2) церковных праздников, 3) церковных строений, 4) религиозных орденов католичества.

Первая из них наиболее многочисленная, представлена семью названиями улиц, образованными от наименования церквей, восходящих к именам небесных сил и святых, в соответствии с небесной иерархией включающей урбанонимы, возникшие от наименования церквей, освященных во имя *Святого Духа* (ул. *Духовская*), *ветхозаветных пророков*: ул. *Долгая Ильинская*, ул. *Поперечная Ильинская*, получившие название от наименования церкви, освященной во имя Ильи, библейского пророка IX в. до н.э., одного из самых почитаемых святых

Ветхого Завета; *апостолов*: ул. *Богословская*, получившая название от наименования церкви, освещенной во имя Иоанна, одного из двенадцати апостолов, единственного из них, умершего естественной смертью, сына Заведя, прозванного «Богословом», евангелиста, брата апостола Иакова [1]; ул. *Петропавловская*, ул. *Почтовая Петровская*, названные по наименованию церкви, освященной во имя святых, славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла; *архиепископов и епископов*: ул. *Николаевская*, получившая название от наименования церкви, освященной во имя Святого Николая Чудотворца, известного также как Николай Мирликийский Чудотворец, Николай Угодник, святитель Николай.

В Новое время перечисленные топонимы нередки и в урбанонимиконах других восточнославянских городов. В частности, *Ulica Duchowska* (здесь и далее названия приводятся в орфографии источника) известна в 1777 г. в Дисне; *Ulica Świętoduska*, *Ulica z rynku ku kostiołowi Świętego Ducha*, *Zaulek z ulicy Świętoduskiej* в 1635 г. в Ошмянах; ул. *Ильинская* – в Бобруйске (1639 г.), Городце (*Улица мимо церковь Ильинскую* – 1563 г.), Минске (1870 г.), Могилеве (1578 г.), Полоцке (1552 г.); ул. *Николаевская* / ул. *Микольская* / ул. *Никольская* – в Гродно (1903 г.), Логойске (1840 г.), Слониме (1662 г.) и др.

Что касается Новейшего времени, то из трех славянских народов – белорусов, поляков и болгар – названия улиц, мотивированные наименованиями церквей, костелов, монастырей и других культовых объектов, наиболее широко представлены в болгарских урбанонимиконах, где топонимы и агоронимы, восходящие к именам небесных сил и святых, превосходят польские показатели в 1,7 раза, а белорусские даже в 2,6 раза. Например, если из трех урбанонимиконов, анализируемых у каждого из названных народов, названия внутригородских линейных и территориальных объектов, соотносимые с именами апостолов, равноапостольных и просветителей, у белорусов представлены 2-мя единицами (ул. *Владимирская* – г. Брест, ул. *Кирилла и Мефодия* – г. Минск), у поляков – 10-ю (ул. *Św. Jana Chryzyciela* – г. Белосток, г. Гожув В., ал. *Jana Pawła II* – г. Варшава, г. Белосток, ул. *Św. Marii Magdaleny* – г. Варшава и др.), то у болгар – 14-ю: ул. *Архиеп. Прохор Охридски*, – г. София, *Св.Св. Кирил и Методий*, ул. – г. София, г. Бургас, г. Пловдив, *Свети Климент Охридски*, ул. – г. София и др.

Вторую группу составили урбанонимы, возникшие от наименований культовых объектов, освященных во имя церковных праздников. В исследуемый период в названиях улиц города нашли отражение наименования шести церквей, носящих имена четырех христианских праздников:

1. Рождества Христова – одного из главных христианских праздников, установленного в честь рождения во плоти Иисуса Христа – ул. *Рождественская*.

2. Светлого Христова Воскресения (ул. *Воскресенская*) – самого древнего христианского праздника (Пасхи), называемого торжеством из торжеств и символизирующего победу жизни над смертью. Кстати, стоит отметить, что в 1783 г. в Витебске существовали две Воскресенские церкви в разных частях города и как результат – две Воскресенские улицы. Недопустимая в настоящее время, одноименность линейных внутригородских объектов в XVIII в. была, вероятно,

обычным делом. В разных частях города существовали две одноименные Воскресенские улицы.

3. Покрова Пресвятой Богородицы. Две Покровские улицы, названия которых соотносимы с наименованиями церквей, освященных в честь праздника, посвященного защите, предоставляемой верующим через заступничество Богородицы;

4. Преображения Господня (Преображенская ул.), праздника христианской церкви в честь описанного в Евангелиях явления Божественного величия и славы Иисуса Христа перед тремя ближайшими учениками Петром, Иаковом и Иоанном во время молитвы на горе.

Показательно, что и названия данной группы в Новое время значительно чаще одухотворяли урбанонимиконы восточнославянских городов. Так, перечисленные топонимы нередки и в урбанонимиконах других восточнославянских городов. В частности, ул. *Воскресенская* / пер. *Воскресенский* зафиксированы в Каменце (1777 г.), Минске (1866 г.), Новогрудке (1866 г.), Речице (1866 г.), Бельске (1913 г.), Брест-Литовске (1919 г.).

В Новейшее же время исследуемые урбанонимиконы трех славянских народов – белорусов, поляков и болгар – в частности, урбанонимы, производные от именований церковных праздников, соотносятся по-иному: при отсутствии таких названий в урбанонимных системах Варшавы, Белостока и Гожува Великопольского белорусские показатели в 2,8 раза превышают болгарские (17 топонимов и агоронимов в белорусских урбанонимиконах: *Покровская ул.*, *Покровский пер.*, *Рождественская ул.*, *Рождественский пер.*, *1-й Рождественский пер.*, *2-й Рождественский пер.*, *Колядная ул.*, *Спаская ул.*, *Спасо-Преображенская ул.*, *Спасский пер.*, *Троицкая ул.*, *Троицкая набережная*, *сквер Троицкая Гора*, *Успенская ул.*, отдельные из которых повторяются в нескольких городах, против 6 в болгарских: *Великден, ул.*, *Рождество, ул.* – г. *София*, *Преображение, пл.* – г. *София*, г. *Бургас*, *Свето Преображение, ул.* – г. *София*).

Третью группу витебских урбанонимов 1783 г. формируют три единицы, основами для образования которых послужили названия архитектурного церковного строения, комплекса принадлежащих религиозной общине богослужебных, жилых и хозяйственных построек и здания образовательного учреждения: ул. *Соборная*, ул. *Монастырская*, ул. *Семинарская*.

Четвертая группа, составляющие которой получили свои наименования от имен католических орденов, ограничена лишь двумя названиями: ул. *Эзуитская* *Задуновская* и ул. *Тринитарская*. Первая из них напоминает современным витеблянам о самом могущественном ордене иезуитов, выступавших за реформу католической церкви. Монахами этого ордена в Витебске был создан коллегиум. Кроме иезуитского коллегиума, в пределах города XVIII в. существовала еще обитель, принадлежавшая католическому нищенствующему монашескому ордену – тринитариям, – что подтверждает название ул. *Тринитарская*.

Новейшее время, начавшее свой отсчет после Первой мировой войны и принесшее неоднократные кардинальные изменения политических вех, к началу

XXI в. в Витебске привело по сути дела к разрушению урбанонимии церковно-религиозного содержания. Как ни горько, приходится свидетельствовать, что в настоящее время в городе функционирует только одно название улицы, образованное от наименования несуществующей ныне церкви, в конце XVIII в. освященной во имя церковного праздника Покрова Пресвятой Богородицы, – *ул. Покровская*. Урбаноним восстановлен благодаря тому, что в доме под номером 11, где провёл свои юношеские годы Марк Шагал, в 1997 г. был открыт дом-музей художника.

Нельзя не отметить, что в 20-е гг. XXI в. отношение к религии начало меняться. Данной стороне жизни общества уделяется заметно больше внимания, что позволяет говорить об определенных изменениях моральных ценностей общества. Появляются названия улиц, переулков, площадей, образованные от имен наиболее почитаемых белорусами деятелей церкви (ср.: *ул. Митрополита Филарета* – г. Слоним, 2023 г.), ранее отсутствовавшие в белорусском церковном урбанонимиконе.

Кстати, если говорить не об отдельном городе, а о республике в целом, то в настоящее время урбанонимы, образованные от названий культовых объектов, составляет важную часть национального ономастикона. Так, в наименованиях улиц Беларуси нашли отражение основные конфессии христианства – православие (77 названий), католицизм (5 названий), протестантизм (1 урбаноним), что полностью согласуется с количеством населения по принадлежности к конфессиям христианства: на 01.01.2024 г. в Республике Беларусь зарегистрированы 1737 общин православной церкви, 500 общин римско-католической церкви, 16 общин греко-католической церкви, 24 общины лютеранской церкви) [5].

Таким образом, сопоставление урбанонимиконов Витебска конца XVIII и начала XXI вв. с точки зрения особенностей репрезентации церковных наименований позволяет констатировать наличие особенностей и на уровне качественного наполнения, и на уровне количественных показателей системы урбанонимов.

Из четырех групп названий улиц, функционировавших в конце XVIII в., лишь одна – восходящие к наименованию внутригородских объектов, освященных во имя церковных праздников – оказалась актуальной для современных витебских номинаторов.

Отсутствие в витебском списке XXI в. групп урбанонимов, восходящих к именам небесных сил и святых, церковных строений, религиозных орденов католичества, лишает урбанонимное пространство современных витеблян уникальных образов святости, способных участвовать в духовном совершенствовании человека.

Изложенное позволяет заключить: культовые сооружения и образованные от них названия улиц и других внутригородских объектов являются хранителями религиозных ценностей, культуры, истории. Поэтому возвращение их в белорусские урбанонимиконы – это один из путей восстановления отечественного исторического наследия. Проведенное исследование еще раз подчеркивает, что мир, где активизируются процессы информатизации и технологизации, все более нуждается в оздоровлении духовной жизни и повышении значимости требований к ценностным основам общества.

Список используемых источников:

1. Иоанн Богослов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%BD_%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2. – Дата доступа: 12.04.2024.
2. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси : монография. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 110 с.
3. Мезенко, А. Духовность и пути ее репрезентации в белорусской урбанонимии и виконимии / А. Мезенко // *Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich. Język. Literatura. Kultura. Historia*, ред. Z. Abramowicz, K. Korotkich, t. 1. – Białystok, 2016. – С. 325–332.
4. Разумов, Р. В. Урбанонимы, мотивированные экклезионимами, в системе городских названий / Р. В. Разумов // *Русское народное слово в языке и речи: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Арзамасского гос. пед. института им. А. П. Гайдара (22–24 октября 2009 года)*. – Арзамас–Саров, 2009. – С. 310–315.
5. Религиозные общины в Республики Беларусь (на 1 января 2024 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznych-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g>. – Дата доступа: 29.02.2024.
6. РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 123.
7. Handke, K. *Polskie nazewnictwo miejskie* / K. Handke. – Warszawa: PAN, 1992. – 153 s.
8. Ковачев, Н. П. За названия на улиците в България / Н. П. Ковачев // *Тр. на Высшия пед. инст. «Братя Кирил и Мефодий»*. – В. Търново, 1970. – Т. 6. – № 1. – 51 с.
9. Walkowiak, J. Female street namesakes in selected Polish cities / J. Walkowiak // *Mitteilungen der Österreichischen Geographischen Gesellschaft*. – 2018. – P. 331–350.

УДК 93/94+930.1

ЗАРАЙСК В СИСТЕМЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

**Морова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент,
проректор по учебно-методической работе
Государственный гуманитарно-технологический университет,
г. Орехово-Зуево, Российская Федерация**

Ключевые слова: внутренняя и внешняя торговля, торговые обороты, оптовая торговля, всероссийский рынок, сельскохозяйственная специализация.

Реферат. Статья посвящена торговым связям древнего города Зарайска с Москвой и городами Московского края во второй половине XVII в. В предшествующий период

Зарайск переживал хозяйственный кризис, но благодаря природно-географическим условиям определилась его сельскохозяйственная специализация, и город активно включился в торговые связи с городами Московского края и других частей страны.

Первоначально Зарайск возник в XIII веке и развивался на северо-западной части территории Рязанского княжества, граничащей с Московским краем. История его становления как города не связана с его оборонительной функцией, но, как отмечал дореволюционный исследователь Н. И. Надеждин, в XV–XVI вв. он уже играл важнейшую духовно-религиозную роль. Зарайск был центром богомолья, который посещали и цари, так как находилась в одном из храмов чудотворная икона Святого Николая (Николы Корсунского и Зарайского). Каменная крепость вместо деревянной в Зарайске выстроена только в 1531 году по велению Московского князя Василия Ивановича, после подчинения Рязанской земли Москве. Укреплённый Зарайск вошел в состав Украинской линии, защищавшей Московское государство от набегов крымских татар. В документах он именуется как «город Николы Зарайского». [5]

Оставаясь рязанским городом и важным духовным центром, Зарайск в XVI в. начинает активно втягиваться в торговые отношения с Москвой и посредством Москвы во всероссийскую торговлю. Этот фактор обусловил формирование его торгово-ремесленного характера.

В то время Москва уже была крупным центром оптовой и розничной внутренней и внешней торговли. Как писал Н. И. Костомаров, «сильная правительственная централизация, соединявшая всю Россию, отразилась и на торговле: торговля всей России управлялась Москвою; Москва давала ей меру, монету, направление...» [3]. В Москве жили и вели торговлю греческие, персидские, армянские, польские, шведские, английские, голландские купцы. Торговля не замирала ни на день. Особенно она оживлялась зимой, когда из Астрахани прибывала большая партия товаров из Архангельска.

Для развития торговых отношений определяющую роль играют транспортные артерии. Из Москвы по разным географическим направлениям шли сухопутные и водные пути – Вологодский, Новгородский, Поволжский, Сибирский, Смоленский и Украинский. Зарайск оказался удобно расположен на перекрёстке путей в Коломну и на Каширу, на Михайлов и Венёв, связывавшие его напрямую с Москвой и южными хлебными центрами – Курском, Орлом, Мценском, в Рязань, крупный региональный рынок, соединявший Зарайск с волжскими и камскими городами.

Москва была столичным городом, население которого, как постоянное, так и приезжее, определяло устойчивый высокий спрос на товары домашнего обихода, ткани, одежду, обувь, и продукты питания. В Москве проживали оптовые торговцы, занимавшиеся скупкой и перепродажей товаров в отдалённых частях страны и за границей. В силу статуса и положения Москва стала привлекательным рынком сбыта товаров для жизни, производимых, прежде всего, в радиусе ближайших территорий и городов.

Зарайск, имевший сельскохозяйственную специализацию, занял нишу

одновременно и поставщика товаров на рынок Москвы и покупателя – для удовлетворения потребностей населения своего города и округа. К началу XVII в. Зарайск располагал достаточными экономическими ресурсами – на берегу реки Осетр были обширные заливные луга, сравнительно плодородные почвы благоприятствовали развитию зернового хозяйства. Так, дореволюционный исследователь С. И. Бочарников в своём очерке отмечал, что «сошного письма живущих в городе, было «соха с третью и пол-пол-четы сохи и в пусте четверть сохи. В соху полагалось тогда 300 домов. Значит, в городе выходило около 500 домов, в числе которых было 169 дворов помещичьих, 5 дворов «лучших людей», 25 «средних людей», 131 малосильных и убогих, 24 бобыльских, 13 пустых, 19 мест дворовых.» Жителей податного состояния насчитывалось чуть более 400, а 26 бобылей податью не облагались [2; с. 18].

Торговая инфраструктура была представлена амбарами (7), лавками (276), скамьями (53). Скамьи оброком не облагались, на них торговали съестными припасами. Из лавок 74 не использовались в торговле. 260 лавок были расположены на посаде в остроге, и с них собирали по 4 алтына с деньгой. А 16 лавок находились в каменном городе, и с них брали по 3 алтына оброку. [2; с. 19]

Жители занимались преимущественно земледелием. Основной зерновой культурой была рожь, которая дольше не портилась в условиях бытового хранения, имела достаточную урожайность, не очень требовательна в выращивании. Помимо ржи в Зарайске и уезде сеяли ячмень, овес, шедший и на стол, и на прокорм лошадей, и небольшие объёмы пшеницы. Кроме того, важными отраслями хозяйства было скотоводство, пчеловодство, доход приносили и бобровые гоны, и рыбная ловля на р. Осетр.

Однако в начале XVII в. Зарайск был опустошен, его хозяйственное развитие было подорвано. Восстановление протекало в рамках общероссийских процессов, то есть было увязано с мерами правительства Михаила Фёдоровича по выводу страны из разрухи и пополнения казны. По мере оживления экономической деятельности в Московском государстве при Алексее Михайловиче активизировалась торгово-ремесленная жизнь в городах. Зарайск благодаря близости к торговым путям начинает наращивать торговые обороты.

Определённую роль в развитии торгового предпринимательства Зарайска и уезда играло оскудение всей южной части страны, а занятие земледелием, скотоводством или ремеслом не давало значительных средств на жизнь. Торговля выступала подспорьем и для горожан, и для крестьянского населения. [4]

Советский историк Ю. П. Балашова изучала торговые связи Московского края во 2-й половине XVII в. и проанализировала значительный комплекс источников, в том числе таможенные книги по Зарайску за 1668–1669 гг. и 1669–1670 гг. и «Книгу записную мелочных товаров Московской большой таможни 1694 г.» [1; с.3]. По представленным в работе данным Зарайск можно определить как один из крупных городов, наравне с Коломной и Серпуховом, вписанный в тесные торговые связи с Московским регионом. Зарайск одновременно был местом транзитной торговли Московского

региона и значимым локальным рынком купли-продажи товаров.

В структуре населения Зарайска в 1670–1680 гг. выделялись две большие группы – посадские и служилые. Соответственно посадских дворов насчитывалось 254 с числом живущих 818, число служилых людей – 43. Куплей-продажей товаров на рынке в 1668 и 1669 гг. занимались 169 горожан, из которых было 17 служилых людей, 4 купца и 24 крестьянина Зарайского уезда. Через год количество торгующих горожан несколько снизилось, но выросло число крестьян, при этом объёмы торговли не упали, а начали возрастать.

На основании данных Зарайской таможни за 2 года, приведённых Ю. П. Балашовой, можно сделать вывод об устойчивости торговой деятельности зарайчан [1; с. 7]. Потоки товаров стабильно направлялись на рынок Москвы и далее за её пределы. Следует заметить, что торговая активность менялась в течение года. Очень высокие обороты торговли с сентября по февраль, когда собран и распределён урожай, когда установился зимний путь, сменялся к маю самыми низкими показателями, т. к. крестьяне готовились к полевым работам.

Самым популярным товаром, который предлагали на продажу посадские и служилые люди Зарайска, была рыба – окунь, щука, репуга, плотва и др. На втором месте шла торговля хлебом и мёдом. Рожь и пшеницу, привозимые на рынок Зарайска, покупали и московские торговцы, и коломенские, и уездные зарайские крестьяне – для дальнейшей перепродажи. Жители Зарайска и сами отправлялись в южные города для скупки хлеба, например, в Елец, Тамбов [1; с. 13].

С августа и всю осень на рынок Зарайска посадские люди, крестьяне близлежащих сел и деревень поставляли мёд. Покупали они в свою очередь лук и чеснок, которые привозили из других регионов, например, из Ростова Великого.

Объектом купли – продажи на зарайском рынке был скот, разведением и продажей которого занимались посадские люди Зарайска и увеличивали его продажу в осенне-зимний сезон. Торговля домашним скотом расширялась со временем, и уже в XVIII в. город становится одним из крупнейших посреднических рынков торговли крупным рогатым скотом, овцами и лошадьми: «через Зарайск прогонялось до 12 тыс. голов скота в Москву и Петербург с частичной переработкой на мясо, сало, кожи и т. п.» [6; с.116]

Особым спросом на рынке Зарайска пользовалась соль. В город её привозили, в основном, жители Коломны. Это объясняется тем, что Коломна была крупным торговым центром речной торговли по Оке с соляными рынками Строгановых в Нижнем Новгороде. Но и сами зарайчане отправлялись в те края для оптовой закупки соли.

Если сельскохозяйственной продукцией Зарайск снабжал полностью потребности своих городских жителей и приезжавших закупаться москвичей, то промышленными товарами его снабжали другие города. Тульские торговцы привозили в город продукцию из железа. Из Коломны в Зарайск поступал «обувной товар». Из Суздаля и Суздальского уезда в Зарайск поступала крашенина. Переяславль – Рязанский (Рязань) поставлял на зарайский рынок соль, мыло. Были среди поставщиков

промышленных товаров и сами зарайчане. Так, служилые люди Зарайска – стрельцы, пушкари специализировались на продаже москательного товара [1; с.15].

По явкам и торговым оборотам на рынке Зарайска в конце XVII в. лидировали сами зарайчане, коломенцы и москвичи. Тесные торговые связи Зарайска с городами Московского края обеспечили городу выход из хозяйственного кризиса, повышение благосостояния, которое привело к численному росту посадского населения (в 1711 г. – уже 1332 человека) [2;30].

Торговля жителей города не ограничивалась только локальным рынком, но и выходила за его пределы, охватывая города Московского региона, а также южные и восточные города страны. Фактором, обусловившим перечисленные выше процессы, стала хозяйственная специализация районов Московского царства и постепенное складывание всероссийского рынка.

Список используемых источников:

1. Балашова, Ю. П. К истории торговых связей Московского края во второй половине XVII в. // Из истории Московского края: сборник трудов. / М. – МОПИ им. Н. К.Крупской, 1975. – с. 3–37.
2. Бочарников, С. И. Зарайск: ист.очерк. – Москва. В типографии О. Назаровой, 1865. – 55 с.
3. Костомаров, Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII вв.// Костомаров Н. И. Быт и нравы русского народа в XVI–XVII вв. – Смоленск: Русич, 2011. – 512 с.
4. Муравьева, Л. А. Торговое предпринимательство в России XVII века // Финансы и кредит, 2005. – № 28 (196). – с.72–80.
5. Надеждин, Н. И. Город Зарайск, в старину и ныне. // Журнал МВД, Санкт-Петербург, 1848. – 32 с.
6. Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая. / Главный редактор В. А. Рыбаков. – М. : Издательство Московского университета, 1985. – 383 с.

УДК 316.334.56

ФЕНОМЕН ГОРОДА В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

**Мядель Александр Павлович, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: Вебер, город, социология, сравнительный анализ, идеальный тип, классификация, автономность, городское пространство, рынок, власть.

Реферат. Анализируется содержание исторического очерка «Город» немецкого социолога М. Вебера в контексте решения проблемы возникновения городских поселений и определения их сущностных характеристик.

Урбанизация, ознаменовавшая переход от традиционного общества к индустриальному, стала устойчивым трендом становления техногенной цивилизации. «В 1800 году в городах с числом жителей больше 5000 человек обитало всего 3 % населения планеты; в 1950-м эта цифра все еще немногим превышала 30 %. Последние 50 лет ситуация менялась куда быстрее. В 2006 году число горожан впервые превысило половину населения земного шара, а в 2050-м, по прогнозу ООН, их будет уже 80 %. Это означает, что через 40 лет городское население увеличится на 3 миллиарда человек» [1, с. 26]. Закономерно, что в этой ситуации город стал объектом внимания социологов, а в структуре социологии сложилась относительно самостоятельная дисциплина – социология города.

Принцип историзма в научном исследовании предполагает изучение любого явления с момента его возникновения до современного состояния. Классическим произведением в этом плане является очерк Макса Вебера (1864–1920 гг.) «Город» [2]. Макс Вебер пытался дать ряд обобщений и понятий для применения к изучению существенных проблем и именно поэтому он вводит в свою методологию категорию идеального типа. Это логическое упрощение тенденций, присущих сложной действительности, выстроенное на основе односторонне избранной социологом точки зрения. М. Вебер настаивал на том, что научные понятия не в состоянии охватить действительность, ибо она бесконечна и слишком сложна, чтобы человеческий разум мог понять ее полностью.

Любое общественное явление или процесс описывается и объясняется через отклонение от соответствующего идеального типа. Поэтому понятия всегда устанавливаются не как окончательные, исчерпывающие, категорические оценки, а скорее как эвристическое средство, помогающее сравнивать и соизмерять действительность в целях дальнейшего исследования и объяснения. Таким образом, идеальный тип является инструментом познания реальности.

В своей книге «Город» Вебер использует идеально – типический метод анализа. Но своеобразие именно этой работы в том, что в равной степени способом анализа здесь является и сравнительно – исторический метод. Можно сказать, что в «Городе» сравниваются не столько идеальные типы различных явлений, сколько сами эти явления, причем идеально-типические понятия играют преимущественно ориентирующую роль. Вебер ищет общее в индивидуальном с акцентом на нахождение общих черт различных индивидуальных процессов.

«Макс Вебер начинает свою работу с определения понятия города и конструирования возможных его типов. Но, как мы сейчас увидим, и это понятие, и эти типы не представляют собой каких-либо предвзятых схем, а, напротив, исходят из конкретной действительности и помогают в ней ориентироваться» [3, с. 658]. Особенность авторского подхода заключается в обращении к феномену города не

с точки зрения городского пространства, а как к структуре, которую составляют три широкие сферы: экономика, социология, политико-административное устройство. При этом основной метод изучения и описания города – исторический анализ и сравнение.

Макс Вебер рассматривает город с точки зрения экономики, политики, социологии. Выделяет античный и средневековый города, таким образом, сравнивая и выявляя их особенности, различия и сходства [2, с. 98–201]. Также он анализирует разные типы городов: западный, восточный, азиатский, южный. Рассматривает в большей степени не географические различия и признаки, а социальные, зависящие, в том числе, от менталитета людей, проживающих в той или иной местности. Здесь он тоже смотрит под разными углами – сравнивает формы правления, исследует, каким образом это влияет на различные аспекты городской жизни: на экономическую, торговую сферу, на отношения между институтами обороны и права, на формы земельной собственности и социальную структуру населения. Он стремится при помощи анализа проследить, как на пересечении различных сфер жизни зарождались города и какие аспекты повлияли на дальнейший уклад городской жизни.

Автор исследования предпринял попытку дать, прежде всего, определение самому понятию города. Социолог дает определение города с экономической точки зрения, выделяет три типа городов: город потребителей, город производителей и торговый город. Здесь он отмечает, что любой город не может представлять какой-то один чистый тип, в каждом городе эти типы сочетаются в разных пропорциях. Но этим можно пренебречь, склоняясь к одному преобладающему типу [2, с. 14–18]. По его мнению, город – это относительно замкнутое большое поселение, «дома которого тесно примыкают друг к другу», а личное знакомство соседей отсутствует. По критерию экономической жизни жители города заняты ремеслом и торговлей. Обязательным компонентом города выступает рынок, обеспечивающий товарообмен и удовлетворяющий потребности жителей [2, с. 9].

Макс Вебер относит типичный средневековый город к типу «производитель», при этом потребителями на местном рынке в таком городе выступают в основном ремесленники и рабочие, но имеются и крупные потребители. «Город-потребитель» базируется на доходах верховного правителя как основе покупательной способности крупного потребителя. Получение дохода жителями города зависит от покупательной способности крупных потребителей, которыми выступали аристократы-землевладельцы и носители политической власти, либо должностные лица, обладающие доходами (законными и незаконными). В «городах-производителях» городская земельная рента обусловлена тем, что земельные участки расположены на торговых путях и землевладелец выплачивает ренту за владение участком, то есть, весь доход поступает в руки аристократов. Город базируется, следовательно, на источнике дохода землевладельца – ремесленном производстве. Такой город частично является потребителем – доход ремесленников и рабочих зависит от наличия среди населения разного рода потребителей.

В средние века постоянная борьба за власть в городе, за участие в городском

управлении, разыгрывается вначале между сеньорами и рыночными элементами. Затем она продолжается внутри последних между различными слоями ремесленников и купцов. В ходе этой борьбы и в процессе развития ремесла возникает особая хозяйственная политика города. Она нацелена на хозяйственное регулирование «естественных условий» в производственно-потребительских интересах городского населения. При этом деревня рассматривается как объект хозяйственной политики города – поставщик сырья и продуктов. Каждый признак, характеризующий город, сам по себе не является определяющим. Поселению может быть свойственен тот или иной признак города, но городом его делает наличие рынка и обороны, а также то, что город является местом пребывания административных учреждений, является автономным.

Исследователь одним из первых попытался понять, как на пересечении экономических, военных и политических функций формируется город, какие черты с точки зрения этих функций характерны для городов различного типа. Вебер сравнивает между собой античный и средневековый город в различных сферах, также проводит сравнение городов Запада, Востока, Азии и южных городов, классифицирует их по типам и выявляет различия и сходства, много размышляет о предпосылках возникновения того или иного явления. Ученый анализировал город с различных точек зрения, но он был первым социологом, попытавшимся рассмотреть их не обособленно, а как связанные между собой, пересекающиеся структуры. Он не стремился классифицировать города, а изучал и анализировал их устройство, следовательно, определенной всеохватывающей классификации городов не вывел, поскольку это сделать очень сложно, даже невозможно из-за отсутствия универсальной системы устройства связей между различными сферами городской жизни, непредсказуемости взаимовлияния их друг на друга – каждый конкретный город уникален. В каждом из аспектов какая-либо классификация или несколько классификаций присутствуют, но в большинстве являются общепринятыми (в социологии, истории, политике и общественном знании).

Основная тема работы М. Вебера – структура производственных отношений и, соответственно, социальная структура города в разных странах и в разные исторические эпохи. Сочетание сравнительно-исторического и идеально-типического методов исследования городского развития дало возможность ему выделить общие и особенные черты эволюции города в разных странах. Идеально-типический метод позволил социологу избежать схематизма и подчеркнуть своеобразие сравниваемых процессов.

Исследование М. Вебера представляет собой исторический очерк. Автор описывает город путем сравнения, либо противопоставления, подкрепляя свои утверждения историческими фактами и примерами признаков и явлений, присутствующих в совершенно разных по географическому расположению, временному отрезку и даже типу города поселениях. Таким образом он стремится раскрыть и доказать утверждение о том, что городское поселение образуется путем не просто наличия каких-то определённых признаков, их постепенного развития,

а при сложном переплетении пересечении этих характерных черт в различной степени проявления, сочетании между собой.

Социолог выделил характерные черты, присущие городу и в своей совокупности, составляющие понятие «город» различных исторических эпох с точки зрения социологии:

- укрепление, «крепость»;
- наличие рынка;
- наличие своего суда;
- относительная автономность;
- наличие административных учреждений.

Таким образом, с точки зрения М. Вебера, средневековый город одновременно представляет собой и рыночное поселение, которое является и укрепленным пунктом, и автономной корпорацией.

Его происхождение следует рассматривать не в виде постепенного развития всех этих признаков из какого-либо одного начала, а в виде ряда сложных, перекрещивающихся социально-экономических и военно-политических процессов. Средневековый город, как и всякий иной, выступает одновременно и городом потребителей, и городом производителей, с большим или меньшим уклоном в ту или иную сторону. Степень и характер этого уклона зависят от характера социальной структуры города, которая очень сложна и разнообразна. Происхождение города имеет вид постепенного развития всех этих признаков в процессе сложного пересечения их и явлений социально-экономических и военно-политических.

Средневековый город, был не только экономически центром торговли и ремесла, политически крепостью и местонахождением гарнизона, административно судебным округом, но так же скрепленным клятвой братством, клятвой коммуной и считался в правовом смысле корпорацией. Это был, прежде всего, союз, конституированный или понимаемый как братство, в котором всегда существует соответствующий религиозный символ: культ городского союза бюргеров, бог города или городской святой. Он выступал полной противоположностью азиатскому городу. В то же время общими чертами с азиатским и восточным городом служили рынок, торговый и ремесленный центр, крепость, купеческие гильдии и цехи ремесленников. Общее отличие средневекового города от азиатского заключалось в отсутствии магически-анимистической связанности свободных горожан кастами и родами с их табуированием.

Список используемых источников:

1. Стил, К. Голодный город : Как еда определяет нашу жизнь / К. Стил. – М. : Strelka Press, 2014. – 456 с.
2. Вебер, М. Город / М. Вебер. – М. : Strelka Press, 2017. – 252 с.
3. Неусыхин, А. И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе / А. И. Неусыхин // Вебер, Макс. Избранное. Образ общества. – М. : Юрист, 1994. – С. 657–684.

УДК 94(476.5)

ГІСТОРЫКІ ВІЦЕБСКА І ГІСТОРЫЯ ВІЦЕБСКА

**Півавар Мікалай Васільевіч , кандыдат гістарычных навук,
дацэнт, настаўнік гісторыі
Віцебскае кадэцкае вучылішча,
в. Лужасна, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: гісторыя Віцебска, гісторыкі, краязнаўцы, лакальная гісторыя, слаўныя землякі.

Рэферат. У артыкуле разглядаецца стан вывучэння гісторыі Віцебска мясцовымі даследчыкамі: выкладчыкамі вну, архівістамі, настаўнікамі, супрацоўнікамі музеяў, краязнаўцамі. Аналізуюцца асноўныя накірункі і гістарычныя зацікаўленасці даследчыкаў, якія вывучаюць розныя аспекты гісторыі і культуры рэгіянальнага цэнтра. Вылучаецца праблема адсутнасці дастатковай колькасці манаграфій, прысвечаных гісторыі горада. Робяцца разважанні аб тым, як палепшыць сітуацыю.

У кнізе Г. Карзенка «Гісторыкі Беларусі на пачатку XXI ст.»[1] змешчана кароткая інфармацыя пра больш 400 навукоўцаў краіны. Аднак у ёй ёсць інфармацыя толькі пра 3-х даследчыкаў з Віцебска: Я. Л. Гейльберга, А. У. Русецкага, В. А. Космача.

З улікам вну, устаноў і арганізацый, у якіх працуюць асобы, якія маюць навуковыя ступені і званні, а тым болей настаўнікі, аматары гісторыі, якія валодаюць навуковай метадалогіяй займаюцца вывучэннем гісторыі на высокім узроўні гэта вельмі мала. Размова, верагодна можа ісці пра дзесяткі, а калі пашырыць крытэрыі вызначэння паняцця «гісторык» і пра сотні асоб [2].

А колькі ж ў Віцебску гісторыкаў? Які б накірунак гістарычнай навукі не вывучаў гісторык, якімі б тэмамі не займаўся, адной з самых важных з'яўляецца, на нашу думку вывучэнне гісторыі роднага горада (рэгіёна пражывання). Колькі ж іх гісторыкаў, якія звязаны жыццём з Віцебскам і прысвяцілі сваю дзейнасць вывучэнню менавіта гісторыі і розным аспектам жыцця горада?

Падрыхтаваць выданне, прысвечанае гісторыкам Віцебска (у шырокім сэнсе гэтага тэрміна), мы планавалі на 2018–2019 гг., але па шэрагу прычын праца над ім прыпынілася. Удалося толькі сабраць інфармацыю пра некаторых даследчыкаў, акцэнтаваць праблему і вызначыць асноўныя крытэрыі і перспектывыя накірункі, якія патрабуюць распрацоўкі [3].

У гэтым артыкуле паспрабуем вызначыць, а хто з прафесійных гісторыкаў займаецца гісторыяй горада і Віцебскага рэгіёна.

Прааналізуем персаналіі па тэматычным прынцыпе.

Археалагі. Археалаг *Таццяна Станіславаўна Бубенька* (1957 г., г. Беразіно Мінскай вобл.), адна з тых даследчыкаў, дзейнасць якіх напрамую звязана з вывучэннем гісторыі горада. Праўда, толькі старажытнай. Ёй была прысвечана дысертацыя

навукоўцы, якую яна абараніла ў 1991 г., атрымаўшы навуковую ступень кандыдата гістарычных навук. На аснове дысертцыі і наступных даследаванняў была напісана кніга «Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV вв.)» [4]. Матэрыялы даследаванняў публікаваліся ў артыкулах у навуковых і навукова-папулярных выданнях [5–11].

Прыгадаем яшчэ дзвух археолагаў, якія не пражываюць у Віцебску, у выніку іх плённай працы паўсталі манаграфіі, якія мы абыйсці не можам. Калі Т. С. Бубенька вывучала пасад-ніжні замак сярэднявечнага Віцебска, Верхні замак Віцебска вывучаў археолаг – *Леанід Уладзіміравіч Калядзінскі* (1952 г., г. Мінск), к.г.н. (1991 г.), дацэнт (1999 г.). Ён абараніў кандыдацкую дысертцыю «Верхні замак Віцебска ў XI–XVIII стст.» (1991 г.). У 2024 г. выйшла манаграфія «Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.)» [6] у якой абагульнены вынікі археалагічных даследаванняў з 1977 па 1993 гг. Былі і дзесяткі артыкулаў прысвечаных археалогі Віцебска ў навуковым друку [2, с. 133–134].

Яшчэ адзін археолаг, які вывучаў Віцебск – *Вольга Мікалаеўна Ляўко* (1947–2021 гг.), к.г.н. (1980 г.), д.г.н. (2000 г.) усё жыццё адпрацавала ў інстытуце гісторыі. Вывучала гісторыю Віцебскай зямлі, матэрыяльную культуру XIV–XVIII стст. Даследавала старажытныя беларускія гарады (Віцебск, Оршу, Гарадок, Талачын, Копысь), замкі (Езярышча, Смальяны), Куцеінскі (Орша) і Святадухаўскі (Віцебск) манастыры, гарадзішчы, курганныя могілнікі, селішчы паўночна-ўсходняй Беларусі эпохі жалеза і сярэднявекі. Абараніла кандыдацкую дысертцыю «Витебск XIV–XVIII вв. (по археологическим данным)» (1980 г., навук. кіраўнік Штыхаў Г. В.), доктарскую дысертцыю «Формирование и развитие территориально-административных центров северо-восточной Беларуси в IX–XVIII стст.» (2000 г.), прадметам даследавання якой з’яўляецца фарміраванне і развіццё тэрытарыяльна-адміністрацыйных цэнтраў Усходняй Віцебшчыны перыяду сярэднявечча. Аўтар шматлікіх артыкулаў ў навуковым і перыядычным друку на тэмы археалогіі і матэрыяльнай культуры Віцебшчыны. З’яўлялася аўтарам кніг: «Витебские изразцы XIV–XVIII вв.», «Витебск XIV–XVIII вв.», «Экскурсия по древнему Витебску», «Торговые связи Витебска в X–XVIII вв.», «Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии», «Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие» [13–18]. Асобна адзначым апошнюю – «Витебск» [19]. У сувязі з абмежаванымі аб’ёмам і дадзенага артыкула, поўную бібліяграфію аўтара ў навуковым друку пералічваць не будзем.

Выкладчыкі вну. *Яўген Аляксандравіч Грэбень* (1977 г., г. Віцебск), к.г.н. (2005 г.), дацэнт (2008 г.) вывучае штодзённасць у часы Другой сусветнай вайны. У шэрагу артыкулаў у навуковым друку ён апублікаваў матэрыялы такіх даследаванняў па Віцебску. *Аляксей Віктаравіч Бяляеў* (1974 г., г. Віцебск), к.г.н. (2005 г.), дацэнт (2009 г.) даследаваў дзейнасць Віцебскай гарадской управы ў гады акупацыі (1941–1944 гг.). Вынікі даследаванняў апублікаваў у кнізе «Памяць» г. Віцебска [20] і зборніках канферэнцый [10]. *Максім Дзмітрыевіч Макараў* (1976 г., г. Віцебск), к.г.н. займаецца пытаннямі медыявістыкі. Аўтар некалькіх кніг і шэрагу артыкулаў

[2, с. 199].

Гісторык, к.г.н. *Генадзь Аляксандравіч Грэчкін* (1928 г., Ула Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобл.) у 1958 г. абараніў дысэртацыю «Борьба за установление советской власти в Витебской губернии» [21].

Аляксандр Леанідавіч Дзядзінкін (1978 г., г. Віцебск), к.г.н. (2004 г.), дацэнт (2006 г.) у дачыненні да гісторыі Віцебска вывучае нацыянальную палітыку савецкай улады і гісторыю нацыянальных меншасцяў [12]. Загадчык кафедры ВДУ імя П.М. Машэрава *Анатоль Мікалаевіч Дулаў* (27.01.1978 г., г. Віцебск), к.г.н. (2006 г.), дацэнт (2010 г.) у дачыненні да гісторыі Віцебска даследуе асобныя пытанні крыніцазнаўства, легендарнага заснавання г. Віцебска. Розныя аспекты гісторыі і культуры Віцебска асвятляе у сваіх артыкулах *Таццяна Пятроўна Іванова* (Казлова) (24.11.1961 г., г. Віцебск), к.г.н. (2008 г.), дацэнт (2010 г.).

У межах сваіх дысэртацыйных даследаванняў вывучалі і публікавалі матэрыялы выкладчыкі тэхнагічнага ўніверсітэта *Аляксандр Аляксандравіч Субоцін*, к.г.н. (2019 г.), *Віктар Мамертавіч Хаданёнак* к.г.н. (2014 г.), дацэнт (2016 г.).

Асобная роля ў асвятленні падзей Вялікай Айчыннай вайны ў г. Віцебске належыць к.г.н. (1968 г.), дацэнту (1971 г.) *Ніне Іванаўне Дарафеенка* (Маісеевай) (1923–2015 гг.). Яе дысэртацыя, прысвечаная віцебскаму падполлю была надрукавана ў выглядзе кнігі «Витебское подполье». Другая кніга – «Юные герои Витебщины» [13]. Публікавала яна артыкулы на розныя тэмы з гісторыі Віцебшчыны [14].

Пытанні **культурнага жыцця** Віцебска сталі асноўнай тэмай даследаванняў некалькіх гісторыкаў – А. У. Русецкага, Т. М. Катовіч, А. Г. Лісава. *Аркадзь Уладзіміравіч Русецкі* (1942–2021 гг.), к.ф.н. (1978 г.), д.г.н. (1990 г.), прафесар (1996 г.) на грунтоўным узроўні вывучаў розныя аспекты гэтай тэмы і стаў аўтарам некалькіх соцен артыкулаў у навуковым і перыядычным друку, а таксама шэрагу манаграфій: «Художественная культура Витебска в позднем средневековье» (1995); «Вывучаць і ведаць гісторыю Віцебска» (2000 г.), «Художественная культура Витебска с древности до 1917 года» (2001 г.), «Ученые-уроженцы Витебщины – для инноваций Беларуси» (2007 г.), «Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье / в контексте восточно-славянских и западно-европейских культурных процессов» (2008 г.) і др. [15]. Суаўтарам многіх манаграфій з’яўляецца *Юрый Аркадзевіч Русецкі* (1969 г.) к.г.н. (2004 г.), дацэнт (2006 г.). Асабліва адзначым яго дысэртацыю, прысвечаную культуры Віцебска ў канцы XVIII–пач. XIX ст. [24–29].

Мастацтвазнаўца, педагог *Таццяна Віктараўна Катовіч* (1954 г., г. Віцебск), доктар мастацтвазнаўства (2008 г.), прафесар – прызнаны аўтарытэт у галіне гісторыі культурнага жыцця Віцебска. Спіс яе прац прысвечаных Віцебску настолькі вялікі, што не можа быць змешчаны ў межах дадзенай публікацыі, а сам даследчык варты асобнага артыкула. Прывядзем толькі некалькі выданняў аўтара: «Театральная культура Витебщины XX века», «Сценография. Витебск», «Белорусский театр «Лялька»», «Новый Художественный театр» [30].

Вывучэннем мастацкай культуры Віцебска XIX–XX стст., у першую чаргу дзейнасцю віцебскай мастацкай школы займаецца *Аляксандр Генадзевіч Лісаў*

(1959 г., г. Шчучын Гродзенскай вобл.), кандыдат мастацтвазнаўства (1998 г.), дацэнт (2004 г.). Асабліваю ўвагу надае і краязнаўчым даследаванням краю. Ён аўтар і сааўтар некалькіх кніг: «Художник Исаак Боровский» (1997 г.), «Краязнавец Мікалай / Каспяровіч» (2000 г.), «Сапуновские места Витебска и окрестностей» (2004 г.), «Историк В. Вейгер-Рейдемейстер» (2004 г.) [31–34].

Беларускі гісторык архітэктуры *Тамара Ігнатаўна Чарняўская* (1934 г., г. Масква), кандыдат архітэктуры (1967 г.) зрабіла вялізны ўклад у вывучэнне гісторыі і культуры горада, стаўшы аўтарам кнігі «Архітэктура Віцебска» [35], артыкулаў прысвечаных Віцебску ў «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі», «Зборы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць» (22 артыкула).

Навуковыя інтарэсы былога выкладчыка ВДУ імя П. М. Машэрава *Галіны Мікалаеўны Якаўлевай* (1954 г.), к.г.н. (1988 г.), дацэнт (1997 г.) датычацца гісторыі СССР і БССР 1920–1940-х гг.; гендэрнай гісторыі. Некаторыя артыкулы навукоўцы прысвечаны розным бакам жыцця Віцебска вылучаюцца грунтоўнасцю падрыхтоўкі і добрым стылем выкладання [36–39].

Архівісты. Архівіст, партыйны работнік, гісторык *Тамара Іванаўна Глінка* (1933 г., г. Віцебск) вивучала гісторыю савецкіх пераўтварэнняў і падзеі Вялікай Айчыннай вайны на Віцебшчыне. З’яўлялася адным з аўтараў выдадзеных архівам альбома і кнігі «Юныя героі Віцебшчыны» [23]. *Тамара Нікіфараўна Касцянюк* (1939 г., г. Віцебск) у 1970–1980-я гг. актыўна выступала на старонках мясцовых СМІ з асвятленнем розных бакоў савецкага жыцця горада, стала суаўтарам альбома, прысвечанага ўдзельнікам усталявання савецкай ўлады на Віцебшчыне «Призванные Октябрем».

Супрацоўнік Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці – *Канстанцін Рыгоравіч Карпекін* (1985 г., в. Якубаўшчына Лёзненскага раёна Віцебскай вобл), к.г.н. (2013 г.), у сваіх даследаваннях надае перавагу вывучэнню пытанняў іўдаікі, у тым ліку ў на Віцебшчыне. *Святлана Мяседава* (1975 г.) – аўтар шэрагу артыкулаў у навуковым і перыядычным друку, прысвечаных розным аспектам гісторыі горада. *Міхаіл Уладзіміравіч Пішчулёнак* (1953–2008 гг.), к.г.н. (1990 г.) вивучаў розныя аспекты архіўнай справы, праваслаўнай царквы ў XX ст., Вялікай Айчыннай вайны на Віцебшчыне. Навуковая спадчына даследчыка размешчана галоўным чынам у артыкулах у навуковым друку і старонках СМІ [40–43].

Асобна вызначым постаць гісторыка, педагога, дзяржаўнага служачага *Дзяніса Валер’евіча Юрчака* (1981 г., в. Перамонт Лёзненскага раёна Віцебскай вобл), к.г.н. (2015 г.), дацэнт (2017 г.), які вельмі актыўна займаецца папулярызацыяй гісторыі горада. Ён пастаянны вядучы курсаў прысвечаных гісторыі горада, перадач, прамых эфіраў, якія праводзяцца на Віцебскім тэлебачанні. Сфера яго зацікаўленняў вельмі шырокая – ад археалогіі і гістарычнай рэканструкцыі, да падзей Вялікай Айчыннай вайны і стану гісторыка-культурных каштоўнасцяў.

Асобную ролю ў вывучэнні гісторыі горада займаюць **краязнаўцы**. Іх уклад цяжка пераацаніць і можна прысвяціць асобны артыкул. Толькі пералічым імёны

І. А. Абрамавай, А. М. Падліпскага (1946 г., г. Віцебск), Л. У. Хмяльніцкай (1961 г., г. Віцебск), В. А. Шышанава (1966 г., г. Віцебск) і іншых

Вывады. Гісторыяй Віцебска ў межах сваёй тэмы займаюцца дзесяткі гісторыкаў. Але грунтоўна, каб вынікамі даследаванняў былі выдадзеныя манаграфіі толькі археолагі – Т. С. Бубенька, Л. У. Калядзінскі, В. М. Ляўко, а таксама гісторыкі, якія вывучаюць пытанні культурнага жыцця горада – Т. М. Катовіч, А. Г. Лісаў, А. У. Русецкі. М. Макараў вывучае гісторыю сярэднявечнага Віцебска.

Больш дасканала лакальную гісторыю горада вывучаюць краязнаўцы, у першую чаргу – А. М. Падліпскі, В. А. Шышанаў, І. А. Абрамава, Л. Хмяльніцкая і іншыя.

Аднак пакуль манаграфіі ці комплекснага даследавання, прысвечанага гісторыі горада не створана. Няма і добрага комплекснага пучыводніка па гораду. Гісторыкам, педагогам, архівістам, навукоўцам варта звярнуць больш увагу на гісторыю горада Віцебска.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Корзенко, Г. В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: биобиблиографический справочник / Г. В. Корзенко. – Мн. : Белорус. наука, 2007. – 470 с.
2. Півавар, М. В. Краязнаўцы Віцебшчыны 2-й пал. XX – пач. XXI ст. / М. В. Півавар. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 372 с.
3. Півавар, М. В. Гісторыкі Віцебска 2-й паловы XX – пач. XXI ст.: да канцэпцыі выдання / М. В. Півавар // Актуальныя пытанні вывучэння і прэподавання гісторыі, сацыяльна-гуманітарных дысцыплін і права. – Витебск : ВГУ, 2018. – С. 106–107.
4. Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.): монография / Т. С. Бубенько. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 276 с.
5. Бубенько, Т. С. Посад Витебска X – первой половины XIV в. (по материалам исследований Нижнего замка): Автореф. дисс... канд. ист. наук / Т. С. Бубенько. – Л., 1991.
6. Бубенька, Т. С. Жыллё феадальнага Віцебска / Т. С. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – С. 46–68.
7. Бубенька, Т. С. Крыж XVI ст. з Віцебска / Т. С. Бубенька // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. – Мн. : Навука і тэхніка, 1994. – С. 245–248.
8. Бубенько, Т. С. Планировка и застройка посада средневекового Витебска (X–XIV вв.) / Т. С. Бубенько // Гісторыка-археалагічны зборнік. – 1996. – № 8. – С. 57–65.
9. Бубенько, Т. С. Кожаная обувь средневекового Витебска XII–XVIII вв. (по материалам исследований Нижнего замка) / Т. С. Бубенько // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Новыя матэрыялы і даследаванні. – Мн. : Навука і тэхніка, 1993. – С. 127–131.
10. Бубенько, Т. С. Площадь 1000-летия Витебска: итоги исследований и перспективы благоустройства / Т. С. Бубенько // 90 год Віцебскаму абласному

краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф. – Мн. : Медысонт, 2009. – С. 30–37.

11. Бубенька, Т. С. Да пытання аб лакалізацыі царквы Святой Праскевы Пятніцы ў Віцебску / Т. С. Бубенька // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 1. – С. 5–7.

12. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.) / Л. В. Колединский. – Гродно : «ЮрСаПринт», 2021. – 632 с.

13. Левко, О. Н. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. – Мн. : Наука и техника, 1981. – 46 с.

14. Левко, О. Н. Витебск XIV–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Мн.: Наука и техника, 1984. – 120 с.

15. Левко, О. Н. Экскурсия по древнему Витебску / О. Н. Левко. – Мн. : Полымя, 1984. – 32 с.

16. Левко, О. Н. Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Мн. : Наука и техника, 1989. – 85 с.

17. Левко, О. Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Мн.: Наука и техника, 1992. – 63 с.

18. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О. Н. Левко. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 280 с.

19. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко. – Мн.: Бел. навука, 2010. – 335 с.

20. Бяляеў, А. В. Цяжкія гады акупацыі / А. В. Бяляеў // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка. Віцебск : у 2-х кн. – Кн. 1. – Мн.: БелЭн, 2002. – С. 425–431.

21. Гречкин, Г. А. Борьба за установление советской власти в Витебской губернии / Г. А. Гречкин. – Витебск : Типография им. Коминтерна, 1958. – 72 с.

22. Дорофеенко, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Дорофеенко, Н. И. Пахомов, Н. И. Дарафеенка. – Мн. : Беларусь, 1974. – 248 с.

23. Дорофеенко, Н. И. Юные герои Витебщины / Н. И. Дорофеенко, В. Г. Скопа, Т. И. Глинка, Г. М. Акенцев. – Мн.: Народная асвета, 1980. – 127 с.

24. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебска в позднем средневековье / А. В. Русецкий. – Витебск, 1995.

25. Русецкі, А. У. Вывучаць і ведаць гісторыю Віцебска / А. У. Русецкі. – Віцебск : друкарня ВДУ, 2000. – 38 с.

26. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Мн. : БелЭн., 2001. – 288 с.

27. Русецкий, А. В. Ученые-уроженцы Витебщины – для инноваций Беларуси / А. В. Русецкий. – Витебск: изд. центр ВГУ им. П. М. Машерова, 2007. – 144 с.

28. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье / в контексте восточно-славянских и западно-европейских культурных процессов / А. В. Русецкий. – Витебск : издавецтва ВДУ імя П. М. Машэрава, 2008. – 540 с.

29. Русецкий, Ю. А. Культурное развитие Витебска в последней четверти XVIII – 30-х годах XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Русецкий. – Минск, 2003. – 22 с.

30. Татьяна Викторовна Котович: Библиографический указатель / Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина, отдел литературы по искусству; Редколлегия: Т. Н. Адамян (ответственный редактор) и др. – Витебск : Витебская областная библиотека, 2009. – 123 с.
31. Лисов, А. Г. Художник Исаак Боровский / А. Г. Лисов. – Витебск : Витебский краеведческий фонд им. А. П. Сапунова, 1997. – 80 с.
32. Лісаў, А. Г. Краязнавец Мікалай Каспяровіч / А. Г. Лісаў, А. М. Падліпскі. – Віцебск : ВАД, 2000. – 48 с.
33. Лисов, А. Г. Сапуновские места Витебска и окрестностей / А. Г. Лисов, А. М. Полипский. – Витебск : Обл. тип., 2004. – 48 с.
34. Лисов, А. Г. Историк В. Вейгер-Рейдемейстер / А. Г. Лисов. – Витебск : Обл. тип., 2004. – 32 с.
35. Чарняўская, Т. І. Архітектура Віцебска: 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1980. – 112 с.
36. Яковлева, Г. Н. Латышский клуб как один из центров общественно-политической и культурной жизни г. Витебска в первые годы советской власти / Г. Н. Яковлева // LATGALE KA KULTURAS PIEROBEZA. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais izdevums "Saule", 2008. – P. 267–277.
37. Яковлева, Г. Н. Повседневная жизнь жителей города Витебска в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) / Г. Н. Яковлева // Известия Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины. – №4 (55). – Ч. 1. – С. 163–168.
38. Яковлева, Г. Н. Некоторые аспекты политической жизни Витебска в 1919 г. / Г. Н. Яковлева // Грамадскія рухі і палітычныя партыі у Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XX стст.) : мат. Рэсп. навук. канф. (Гродна, 23-24 кастр. 2008 г.) – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 141–145.
39. Яковлева, Г. Н. Борьба за новый советский быт на Витебщине в постреволюционный период / Г. Н. Яковлева // Романовские чтения. – 6 (к 75-летию истфака УО «МГУ им. А. А. Кулешова»): сб. статей международной конференции. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – С. 188–189.
40. Пищулёнок, М. В. Православная церковь на Витебщине в 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам ГАВО) / М. В. Пищулёнок // Веснік ВДУ. – 1996. – № 1. – С. 12–16;
41. Пішчулёнак, М. В. Забойства Пэна. Афіцыйная версія / М. В. Пішчулёнак // Зборнік выступленняў на навуковай канферэнцыі, прысвечанай 75-годдзю Віцебскай мастацкай школы. – Наваполацк: Наваполацкая друкарня, 1997. – С. 63–66.
42. Пищулёнок, М. В. Архивисты Витебской области учатся зарабатывать деньги / М. В. Пищулёнок // Архівы і справаводства. – 2001. – № 3. – С. 78–83.
43. Пішчулёнак, М. В. Віцебшчына архіўная (Да 150-годдзя ўтварэння першага дзяржаўнага архіва ў Беларусі) / М. В. Пішчулёнак // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 4. – С. 30–36.

УДК 947.64

МАГДЭБУРГСКАЕ ПРАВА І ЯГО РОЛЯ Ў РАЗВІЦЦІ МАГІЛЁВА

**Пушкін Ігар Аляксандравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій,
г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: Беларусь, Магілёў, Магдэбургскае права, самакіраванне, ратуша, герб.

Рэфэрат. Раскрыты працэсы стварэння і дзейнасці органаў мясцовага самакіравання ў часы надання Магілёву Магдэбургскага права. Зроблена выснова, што гісторыя гарадоў Беларусі сведчыць аб існаванні ў XIV–XVIII стст. высокаарганізаванай сістэмы самакіравання і глыбокіх дэмакратычных традыцыяў, дзякуючы якім былі вялікія дасягненні ў эканоміцы і культуры.

На працягу XVI–XVIII стст. у Магілёве пражывала каля 10–17 тыс. чалавек. Горад быў буйным гандлёвым і рамесным цэнтрам. У канцы XVI–пач. XVII стст. налічвалася рамеснікаў больш за 80 розных спецыяльнасцей, каля 400 крам. Большасць рамеснікаў аб'ядноўвалася ў цэхі, а купцы ў гільдыі. Магілёўскія купцы падтрымлівалі сувязь больш чым з 60 гарадамі розных краін. У Магілёве сфарміраваліся свае архітэктурныя і мастацкія традыцыі, горад стаў адным з цэнтраў кнігадрукавання ў Беларусі. У Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў на тэрыторыі Беларусі існавала адзіная праваслаўная епархія з цэнтрам у Магілёве. Усё гэта дзякуючы сістэме Магдэбургскага самакіравання.

20 лютага 1561 г. Магілёву, паводле ўстаўнай граматы караля Польшчы і Вялікага князя літоўскага Сігізмунда II Аўгуста, было дадзена права на абмежаванае самакіраванне – войтаўства, згодна з якім гараджане вызваліліся ад нясення аднолькавых з сялянамі воласці павіннасцей, але заставаліся залежнымі ад замкавай адміністрацыі. Неаднаразова гараджане звярталіся да вялікага князя са скаргамі на старостваў і іншых службовых асоб і з просьбамі аб дазволе гораду неабмежаванага самакіравання.

28 студзеня 1577 г. кароль Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў Стэфан Баторый выдаў Магілёву прывілей на Магдэбургскае права. Магілёў атрымаў герб і дазвол на пабудову ратушы.

Знешне прывілей на Магдэбургскае права ўяўляў сабой аркуш пергаменту памерам ад 20–70 см у вышыню і ад 30 да 100 см у шырыню, па якім пазёмна пісаўся тэкст, дзе агаворваліся дараваныя месту ільготы, правы і абавязкі. Часта аркуш па краях аздабляўся раслінным арнамантам, у цэнтры яго падаваўся малюнак герба. Пачынаўся прывілей з імя і тытула таго правіцеля, які надаваў яго, і канчаўся датай надання, подпісам караля-вялікага князя і пісара канцылярыі і замацоўваўся, часцей,

сярэдній пячаткай Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ). Прывілеі былі двух відаў: першапачатковы (фундацыйны) і канфірмацыйны (пацвярджальны). Апошні гарады атрымлівалі пры прыходзе на прастол новага Караля і Вялікага князя. Прывілей выдаваўся гарадскім уладам і захоўваўся ў адпаведных службовых асобаў. Такі ж самы тэкст заносіўся ў кнігі дзяржаўнага архіва (Метрыка ВКЛ). Прывілеі Магілёва за 1577, 1588, 1589, 1633, 1649, 1661, 1676, 1679 гг. захоўваюцца ў сховішчы Пецярбургскага Аддзялення інстытута гісторыі АН Расіі.

Пасля атрымання Магдэбургскага права ў Магілёве быў створаны выбарчы орган самакіравання – магістрат (рада), які ведаў адміністрацыйнымі, гаспадарчымі, фінансавымі, паліцэйскімі і судовымі справамі горада, быў распарадчым, выканаўчым і судовым органам. Месцам знаходжання магістрата (рады) ў гарадах былі спецыяльна пабудаваныя для гэтай мэты будынкі – Ратушы.

Магістрату падпарадкоўваліся ўсе жыхары горада, за выключэннем тых, хто жыў у юрыдыках (адміністрацыйна адасобленыя часткі горада, што былі пад уладай феадала, царквы або манастыра і на якія не пашыралася адміністрацыйная ўлада магістрата). Першапачаткова Магілёўскім магістратам кіравалі прызначаныя Вялікім князем з мясцовых магнатаў войт і 2 выбарныя з гараджан бурмістры. З ліку гараджан выбіраліся 2 радцы (дарадчыкі) і 4 лаўнікі (прысяжныя засядацелі). Магістрат складаўся з рады, што ажыццяўляла функцыі гарадской улады і суда па маёмасных і грамадзянскіх справах, займалася зборам падаткаў, кантралявала гандаль, дзейнасць рамесных цэхаў, і лавы, якая была судовым органам па крымінальных справах. Да 1654 г. пасада Магілёўскага войта была пажыццёвай. Ён атрымліваў 1/3 гарадскіх даходаў ад штрафаў, у гарадскіх уладаннях яму адводзіліся вызваленыя ад падаткаў 2 валокі (каля 43 га) зямлі, дом, сядзібны ўчастак з агародам, сенакос. Да 1636 г. Магілёўскі магістрат выбіраўся на 2 гады. Выбары праходзілі на агульным сходзе гараджан, дзе адначасова выбіраліся два поўныя склады рады, кожны з якіх пасля прынясення прысягі войту кіраваў горадам на працягу года.

Перадача паўнамоцтваў аднаго складу рады іншаму адбывалася ва ўрачыстых абставінах на агульным сходзе ўсіх членаў магістрата. Службовыя асобы, што здавалі паўнамоцтвы, рабілі справаздачу аб фінансавай дзейнасці. Рада, якая прымала справы, называлася «рочнай». Для вырашэння найбольш важных пытанняў «рочная» і старая рады аб'ядноўваліся. Члены былога складу магістрата прыцягваліся да выканання абавязкаў службовых асоб «рочнай» рады, што адсутнічалі. У магістрат, як правіла, выбіраліся найбольш уплывовыя гараджане (прадстаўнікі гарадскога купецтва, цэхмістры, заможныя майстры). Некаторыя з іх займалі гэтыя пасады на працягу некалькіх гадоў. Замацаванне вышэйшых пасадаў за вузкім колам асоб калі-нікалі прыводзіла да злоўжыванняў з боку вярхоў магістрата. У 1580 г. пры магістраце быў створаны кантрольна-дарадчы орган з 12 «паспалітых», якія выбіраліся з ліку гараджан ратушняй юрысдыкцыі і сачылі за правільнасцю выкарыстання бюджэту горада.

У 1588 г. пад уплывам гарадской абшчыны паўнамоцтвы «паспалітых» былі пашыраны, яны атрымалі права дарадчага голасу на выбарах службовых асоб абодвух складаў магістрата, на іх ускладаліся абавязкі «справоватъ и заведоватъ» усімі

гарадскімі даходамі, весці строгі ўлік фінансавых спраў у сваіх спецыяльных ведамасцях і інш. Былі ўведзены пасады 4 «шафаров» (скарбнікаў) – 2 ад рады і 2 ад «паспалітых». Без удзелу апошніх магістрат не меў права прымаць рашэнні па фінансавых пытаннях. У 1589 г. гараджане дабіліся права выбіраць лентвойта (намеснік войта, спачатку прызначаўся войтам і ў яго адсутнасць меў законную ўладу ў горадзе) і заключылі пагадненне аб адмове войта ад свайго суда (у якасці кампенсацыі магістрат абавязваўся пажыццёва выплачваць яму 130 коп літоўскіх грошай, за войтам захавалася права адмены рашэння магістрацкага суда, а каб змяніць рашэнне войта, можна было апеляваць толькі да вярхоўнай улады).

Унутрыпалітычнае жыццё Магілёва ў канцы XVI – 1-й палове XVII стст. напоўнена вострай барацьбой гараджан супраць магістрату, уладаў. За што горад праславіўся як «краіна бунтаў». Увайшлі ў гісторыю Беларусі гарадскія паўстанні ў Магілёве ў 1606–10, 1636, 1638 гг.

У другой палове XVII–XVIII стст. адбыліся змены ў структуры гарадской рады, выбарчай сістэме і ў прынцыпах кіравання горадам. Войт, як і ўся рада, выбіраўся штогод з ліку службовых асоб, што ўваходзілі ў склад пяці змен магістрата (бурмістраў, радцаў і лаўнікаў). Пасада лентвойта была ліквідавана. Палавіна членаў магістрата ў абавязковым парадку павінна была быць каталіцкага веравызнання. У гарадскім самакіраванні павялічылася роля сесіі «радных і паспалітых». Сесія была распарадчым органам і займалася пытаннямі гаспадарчага, фінансавога і грамадска-палітычнага жыцця горада, прымала рашэнні, выкананне якіх было абавязкам дзеючага («рочнага») магістрата.

3 18 жніўня 1636 года выбары рады (магістрата) праходзілі 20 снежня кожнага года. За тры дні, 17-га, магістрат шырока абвешчаў гараджан спецыяльнай пастановай (універсалам) аб выбарах. На наступны дзень у ратушы збіраліся мяшчане і выбіралі па 12 лепшых «мужей» ад купцоў і цэховых рамеснікаў. 20 снежня ўсе абраныя «мужы» з'яўляліся на сесію магістрата, дзе выбіраліся 12 «паспалітых» (па 6 ад купцоў і рамеснікаў). 12 паспалітых разам са старою радай выбіралі новую раду, якая будзе кіраваць горадам. На сесіі магістрата выбіраліся адразу 5 змен «паспалітых» і 5 змен рады. Кожная змена паспалітых і рады кіравала горадам на працягу года, перадаючы у яго канцы свае паўнамоцтвы наступнай. Кожная рада прыносіла прысягу.

Перадача ўлады праходзіла ва ўрачыстых абставінах і ў прысутнасці ўсіх змен магістрата. Стары склад рады рабіў фінансавую справаздачу за год, перадаваў справы, ключы ад касы магістрата, пячатку новаму складу рады. Гэты дзень з'яўляўся святочным днём для жыхароў горада. Як бачна, выбары праводзіліся раз у 5 гадоў, але склад магістрата мяняўся штогод.

Гарадская рада (магістрат) кіравала горадам. На пасяджэннях рады разглядаліся пытанні і выносіліся пастановы аб парадку падаткаабкладання насельніцтва і грашовых збораў, аб перадачы ў арэнду гарадскіх уладанняў. Рабіліся запісы ў актавую кнігу аб продажы, завяшчаннях, зацвярджаліся цэхмістры, цэховыя пастановы, гандлёвыя і крэдытныя ўгоды. На чарговыя (кожны чацвер штотыднёва а 18 гадзіне) і пазачарговыя пасяджэнні павінны былі з'яўляцца ўсе члены новай і старой рады,

паспалітыя, сотнікі, калі-нікалі дзесятнікі, а таксама ўсе пасадавыя асобы, якія загадзя апавяшчаліся праз слугу «мескага». Паспалітыя сачылі, каб не было злоўжыванняў з боку пасадавых асоб. Яны кантралявалі правільнае выкарыстоўванне гарадскіх сродкаў, выбіралі раду, клапаціліся аб росце дабрабыту горада. Без іх згоды магістрат не мог прыняць ніводнага рашэння ці пастановы. Рада (магістрат) перыядычна рабіла справаздачу перад імі за расход гарадскіх сродкаў. Шафары (ці казначэй) выбіраліся па 2 ад рады і паспалітых. Яны выдаткоўвалі гарадскія сродкі толькі па распараджэннях рады і паспалітых. У канцы года яны рабілі фінансавую справаздачу. Сотнікі выбіраліся гарадской абшчынай і былі замацаваны за вызначанай часткай горада, дзе мелі пэўныя паўнамоцтвы. На пасяджэннях рады разам з дзесятнікамі выступалі супраць злоўжыванняў, парушэнняў радай устаноўленага парадку. Выказвалі думкі гараджан аб падатках, прызначэнні пасадавых асоб. У сувязі з тым, што яны выступалі ад імя гарадской абшчыны, да іх уважліва прыслухоўваліся.

На штотыднёвых пасяджэннях мелі права прысутнічаць цэхмістры (кіраўнікі рамесных цэхаў), якія прымалі ўдзел у абмяркаванні розных пытанняў. Без іх не маглі выносіць пастановы па грашовых зборах.

У XVIII ст. грамадска-палітычнае жыццё Магілёва таксама было запоўнена барацьбой гараджан супраць падатковага і павіннаснага ўціску, беззаконняў і самавольстваў магістрата пры размеркаванні і зборы падаткаў, злоўжыванняў уладаў. У 1742 г. і 1744 г. гараджане Магілёва не заплацілі належнай сумы грашовага збору, адмовіліся яго ўносіць, а таксама падпарадкоўвацца гарадской радзе. Магістрат прыняў жорсткія меры ў адносінах да найбольш актыўных арганізатараў супраціўлення. Многія рамеснікі былі прыцягнуты да суда, а шэсць чалавек зняволены ў турму.

У 1577 г. Магілёў атрымаў свой першы герб: вежа сярэбраная (белая), на блакітным полі, упрыгожаным раслінным арнамантам. У 1661 г. горад атрымаў новы герб. Згодна з прывілеем, які, між іншым, ураўнаваў у правах наш горад са сталічным горадам Вільняй, на гэтым гербе – у блакітным полі тры срэбныя гарадскія вежы, у адчыненай сярэдняй браме – рыцар з узнятым мячом, а над ім герб – «Пагоня», які з'яўляўся і з'яўляецца гістарычным гербам для ўсёй Беларусі. З 2005 г. гэты герб зацверджаны ў якасці афіцыйнага герба горада Магілёва.

Пасля падзелу Рэчы Паспалітай і далучэння ўсходнебеларускіх земляў да Расійскай імперыі Магілёў у 1781 г. атрымаў новы герб. Але ў дакументах тых часоў пазначана, што гораду дадзены «стары герб» – узброены коннік у чырвоным полі. Калі ў гербе горада, атрыманым у 1661 г. выява «Пагоні» была толькі адным з элементаў, дык у той час яна стала дамінуючай. Герб уяўляў сабою тарчу (шчыт), у верхняй палове якога была палова расійскага герба – двухгаловы арол з каронаю, а ў ніжняй на чырвоным полі – белы вершнік з узнятым мячом у руцэ. Гербы Магілёва з'яўляюцца помнікамі мінуўшчыны і адлюстроўваюць цікавыя старонкі гісторыі горада.

Магдэбургскае права было скасавана паводле ўказаў Кацярыны II у Магілёўскай губерні ў лістападзе 1775 г. У часы Магдэбургскага права ў Магілёве назіралася інтэнсіўнае асваенне прылеглых да замка тэрыторый, узнікненне новых пасадаў, колькасны і якасны рост гарадской забудовы. На землях Магілёўшчыны вельмі

часта Магдэбургскае права надавалася за гераізм і адданасць краіне. На вялікі жаль сучасныя жыхары Беларусі, асабліва гарадоў, не ўсведамляюць цалкам вялікае значэнне гэтага падзеі. А менавіта з гэтага трэба пачынаць гісторыю любога горада.

У сучасных населенных пунктах, дзе існуюць традыцыі магдэбургскага самакіравання неабходна штогод ладзіць агульнагарадское свята з нагоды надання ім Магдэбургскага права. Павінна каб у іх былі Ратушная плошча, у перспектыве адбудаваны будынкі Ратуш. Варта каб з'явіліся вуліцы Магдэбургская і помнікі асобам, якія давалі права на самакіраванне.

Гісторыя гарадоў нашай краіны сведчыць аб існаванні ў XIV–XVIII стст. высокаарганізаванай сістэмы самакіравання і глыбокіх дэмакратычных традыцыяў у Беларусі. Вынікам гэтага былі вялікія дасягненні як у галіне эканомікі, так і культуры.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Агееў, А. Р., Трусаў, А. А. Магілёўская ратуша. Гістарычны лёс і адраджэнне. 2-е выд. папр. і дап. – Магілёў, 2010. – 160 с.
2. Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання: зборнік навуковых матэрыялаў / уклад., аўт. прадмовы І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў, 2017. – 184 с.
3. Барысенка М. С. Магілёўшчына – мой любы Прыдняпроўскі край. Зборнік экскурсій. Магілёў, – 2004. – 192 с.
4. Даніленка, С. Семантыка магдэбургскіх гербаў Магілёва / Магілёў: Старонкі гісторыі Магілёва, – 1998. – С. 17–26.
5. Доўнар, А. Барацьба магілёўскіх мяшчан за аб'яднанне войтаўска-лаўніцкага і бурмістраўска-радзецкага суда Магілёва (па даным 1633–1636 гг.) // Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання: зборнік навуковых матэрыялаў / уклад., аўт. прадмовы І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў, 2017. – С. 52–59.
6. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, – 1867. – Т. 2. – С. I–CII.
7. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1877. – Вып. 8. – 530 с.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1878. – Вып. 9. – 546 с.
9. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1879. – Вып. 10. – 544 с.
10. Магдэбургскае права на Магілёўшчыне: зборнік матэрыялаў / уклад., аўт. прадмовы І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў, 2015. – 111 с.
11. Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага // Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997. – С. 281–390.
12. Марзалюк, І. А. Магілёў у XII – XVIII стст. Людзі і рэчы. Магілёў – Мінск, 1998. – 260 с.
13. Мелешко, В. И. Могилев в XVI – середине XVII вв. – Минск, 1988. – 264 с.
14. Опыт описания Могилевской Губернии. – Могилев, 1882. – Т. 1. – 782 с.
15. Привилей г. Могилеву на Майдеборское права (1577 г.) // Магдебургское право

в Могилёве: 427 лет. – Могилев, – 2004. – С. 63–66.

16. Пушкін, І. А. Магдэбургскія гарады Магілёўшчыны: традыцыі і сучаснасць // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 359–361.

17. Сидоренко Б. И. Древний Могилёв: Очерки истории города в XIV–XVII вв. Минск, 1997. – 127 с.

18. Хроника белорусского города Могилева. – Москва, 1887. – 142 с.

19. Цітоў А. Вольныя беларускія месцы (самакіраванне ў нашых гарадох XIV–XVIII стст.). – Мінск, 1996. – 36 с.

20. Цітоў А. Гэральдыка Беларусі. – Мінск, 2007. – 128 с.

УДК 930.1:911.375.5

ФЕНОМЕН ГОРОДА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Ростовская Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и социальных наук
ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: город, коллективная историческая индивидуальность, коллективная историческая память, городской ландшафт, место памяти.

Реферат. Данная статья призвана акцентировать внимание на философско-историческом и психоисторическом ракурсах интерпретации феномена города. Обозначены основные аспекты, исходные положения, применимые для исследования и постижения сущности города как конкретного исторического, социального, психологического образования.

Город – сложный, многозначный феномен, который является объектом сосредоточения индивидуальной и общественной жизнедеятельности; местом осуществления процессов социокультурной динамики; многогранным и чрезвычайно интересным предметом исследования для разных наук. Философ, историк, социолог, лингвист, этнограф, культуролог, искусствовед определяют для себя конкретный ракурс изучения определенной области и проблематики прошлого либо настоящего бытия города.

Цель данной работы – обозначить базовые аспекты исследования феномена города в философско-историческом и психоисторическом ракурсах.

Во-первых, город есть реальность, характеризующаяся организованностью

существования определенной социальной группы, которой присуще не только наличие единой среды проживания, но и специфики городской идентичности, а также реализация себя в роли создателя, носителя, хранителя и транслятора образов и понятий, общих для представителей городского социума, бытие которого обусловлено процессом социокультурного, коммуникативного, социально-экономического взаимодействия. Это позволяет интерпретировать город как коллективную реальность.

Во-вторых, всякий город, имея черты, единообразные для многих других городов, отличается своей индивидуальностью в том смысле, что сочетание его анатомических, физиологических и психологических признаков, пользуясь терминологией русского исследователя Н. П. Анциферова, уникально.

Под анатомией города подразумевается, прежде всего, его материальная оболочка, которая включает в себя место расположения города (почва, рельеф, климат, растительность и т. п.), план местности, первоначальное ядро и центр города, «мелкие ядра» и их взаимосвязи с окраинами, площади, улицы, сады, дома, водоемы и фонтаны, памятники и памятные доски, кладбища, вывески, «инвентарь» города: мосты, ворота, фонари, заборы и решетки, скамейки, ящики для мусора и писем [1, с. 18], то есть все материальные элементы городского организма.

Под физиологией города понимается его функционирование через деятельность общества, то есть социальный ландшафт [1, с. 83].

Психология города раскрывается через его целостный внешний облик, включая характер ландшафта, пейзаж, силуэт города, архитектурный стиль и многочисленные детали городского быта, исторические судьбы, воспоминания, художественные вкусы. Городские сады, водоемы, дома, бульвары, улицы и площади составляют городской пейзаж, и то, что определяется анатомическим, является и психологическим в контексте истолкования города в качестве индивидуальности.

Н. П. Анциферов соотносил примененное к городу понятие индивидуальности с тем, что он называл душой города. Душа города и есть индивидуальность как исторически сложившееся единство элементов, составляющих городской организм, совокупность его анатомических и физиологических признаков, «синтетический образ», сформированный отложениями разных исторических эпох. По мнению ученого даже самые «безличные», на первый взгляд, города имеют свои индивидуальные черты, свою особую индивидуальность, свое лицо [1, с. 21–29, 124].

Л. П. Карсавин в работе «Философия истории» понятие коллективной индивидуальности истолковывал как стяженное всеединство, познаваемое символически, через свои индивидуализации. В данном смысле, например, народ как коллективная индивидуальность есть стяженное всеединство, познаваемое посредством его индивидуализаций-личностей. Но именно в конкретной личности, которая есть момент всеединства и стяженное всеединство, обнаруживаются высшая индивидуальность и ее индивидуализация. Существование коллективной исторической индивидуальности мыслитель обосновывал фактом взаимодействия конкретных индивидов [2, с. 161–170]. Хотя он не писал о городе, данное понятие к нему как к социальной общности вполне применимо.

Н. А. Бердяев в отношении государства, общества, нации использовал термин «коллективная реальность». Исследуя вопрос о коллективных реальностях, он признавал их индивидуальностями, но никак не личностями ввиду отсутствия «экзистенциального центра», которым обладает лишь человеческая личность — существо социальное и космическое [3, с. 228].

Исходя из выше обозначенного, полагаем, что определение города в качестве коллективной индивидуальности может быть вполне оправданным.

В-третьих, город представляет собой индивидуальность не только коллективную, но также историческую. В данном случае историческое есть не просто соотнесенное с прошлым, но пребывающее в развитии. Город как коллективная историческая индивидуальность развивается и является субъектом исторического процесса. В контексте его социальной реальности могут происходить события национально-исторического, регионального и/или глобального масштаба и общекультурной значимости.

В-четвертых, стоит отметить, что город, являясь субъектом истории, как коллективная историческая индивидуальность, предстает и субъектом коллективной исторической памяти, которая есть совокупность фигур памяти, единых для определенной социальной общности (в данном случае городской) и включенных в контекст индивидуальной памяти ее членов в биографическом и обосновывающем модусах воспоминания [4, с. 35]. Здесь термин «фигуры памяти» используется в значении, близком к «фигурам воспоминания» Я. Ассмана, под которыми исследователем понималась комбинация понятий и данностей опыта, воссозданных и отнесенных к конкретному времени, пространству и группе [5, с. 39]; первый модус соотносится с экзистенциальным историческим опытом и обусловлен переживаниями, а второй модус — со знаниями о прошлом и настоящем, приобретенными в процессе изучения истории.

В-пятых, укажем на то, что город, являясь субъектом коллективной исторической памяти, также выступает в качестве места индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти, представляя собой освоенное пространство, заполненное культурными формами — продуктами исторического развития городского социума, индивидуального и коллективного сознания и жизнедеятельности, определенным образом организующими городское пространство, которые помнятся, то есть становятся мнемическими объектами. Не только элементы культурного и социального ландшафта, но и город как продукт социальной динамики и коллективная историческая индивидуальность выполняют роль мнемического объекта.

Познание города, интерпретируемого как мнемический объект или место индивидуальной и коллективной памяти, включает два гносеологических уровня. Первый — экзистенциальный уровень освоения города, запечатления и воссоздания его в памяти. Второй — уровень изучения города и познания городской исторической памяти, то есть нарративный.

Восприятие города индивидуально, и здесь границу выстраивает, прежде всего, модус воспоминания-переживания, то есть модус биографической памяти. Город как

протяженная историчность, воплощенная в культурных формах, воспринимается, представляется, вспоминается через призму экзистенции, поэтому его культурная историчность, его прошлое становится актуальным постольку, поскольку надындивидуальное проявляется в индивидуальном измерении. Однако, хотя восприятие города, его образ и воспоминание о нем субъективны, они детерминированы социальными рамками. Это подтверждает и факт экстерииоризации образов города в понятиях: образ обретает лингвистическую форму – это значит, что он приобретает конвенциональный характер, как бы легитимируется в коллективном поле, подчиняясь воле социальной общности. В связи с этим особую значимость приобретают имена. Прежде всего, это имя самого города, а также имена людей и названия тех многочисленных культурных форм, которые, составляя единое целое, заполняют городской ландшафт.

Если первый уровень содействует формированию т. н. «чувства прошлого» и представления о городе, то второй – знанию об истории города. Только в комплексе, во взаимосвязи обоих уровней возможно постижение феномена города.

Все обозначенные выше аспекты интерпретации феномена города – как коллективной реальности, коллективной исторической индивидуальности, мнемического исторического субъекта и места памяти – взаимодополняют друг друга, создавая основу его философско-исторического и психоисторического исследования.

Список используемых источников:

1. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 150 с.
2. Карсавин, Л. Философия истории / Л. Карсавин. – М. : АСТ : Хранитель, 2007. – 510 с.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-press, 1949. – 377 с.
4. Ростовская, О. М. Феномен городской памяти: социально-философский анализ / О. М. Ростовская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2019. – Т. 64, № 1. – С. 33–40.
5. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.

УДК 94(475)

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В ВИТЕБСКЕ: ОТ БРАТСТВ ДО МАНУФАКТУРЫ

**Рудко Елена Антоновна, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Бездетко Ольга Сергеевна, студент
Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: посадское ремесло, медовые братства, церковные братства, цеховая организация, магдебургские предписания, мануфактура.

Реферат. В настоящее время на Витебщине возрастает интерес к народным ремеслам. Ремесло всегда являлось важнейшим аспектом народной культуры и производственной деятельности белорусов. Сегодня изучение и осмысление опыта, оставленного нам в наследство предыдущими поколениями, является необходимым. В данной статье предпринята попытка анализа способов организации ремесленного производства на территории Витебска в период средневековья и Нового времени.

Следы ремесленной деятельности выявлены на территории Витебска уже в слоях раннего средневековья. На начальном этапе становления городских центров формируется свободное посадское ремесло, развивающееся на территории поселенческих структур племенной поры и окружавшее укрепленный центр. Данный процесс, начавшийся с конца X века, приобрел черты корпоративности во второй половине XII века, когда Витебск стал полноценным городом и центром волости (княжества). Первоначально ремесленные объединения в средневековом Витебске назывались братствами, отражавшими период становления корпоративных организаций, предшествовавших цехам [1, с. 233].

Ученые историки предполагают, что в конце XV – первой половине XVI вв. в Витебске уже существовали объединения ремесленников. Первый намек на ремесленное объединение в Витебске имеется в документе, датированном 1495 годом, когда двое мастеров-кожемяк выступили в суде с заявлением, что оба они не будут выполнять подводную повинность [1, с. 229]. По сведениям, которые приводит Сапунов, в грамоте короля Сигизмунда II Августа воеводе витебскому Стефану Зброжскому от 6 июня 1561 г. упоминается о существовании «звечистых» (давних) «братств» в Витебске [2, с. 56]. В. Краснянский рассматривая витебские ремесленные организации, отмечает, что примитивные ремесленные объединения в Беларуси функционировали в виде медовых братчин на основе обычного («звыклого») права без каких-либо письменных документов [3, с. 40]. Они отличались от церковных братств, и в то же время группировались вокруг приходских церквей, они строили церкви во имя почитаемого святого и затем оказывали им материальную помощь.

«Медовые братчины» ставили в церкви свой братский образ и подсвечник, в котором в праздничные дни горела свеча из собранного в складчину воска [1, с. 229]. Уставы витебских «медовых братчин» не сохранились, однако их внутренний распорядок деятельности можно проследить по материалам виленских объединений. Например, устав Виленской братчины Шапошников состоял из двух частей: собственно религиозной и дополнительных статей церковно-добродетельного характера. Внешним выражением такого объединения были «звыклые» склады-кануны для приготовления меда в дни отмечаемых братчиками церковных праздников (отсюда и пошло название «медовые»). Порядок устройства складов-канунов был вызван тем, что мед, водка, пиво могли продаваться только витебской плебанией, которой на это были выданы особые льготы с 1518 года. Иметь склады-кануны и устраивать их на длительный срок имели право и витебские братчики [1, с. 230].

Исходя из письменных источников в конце XVI – начале XVII вв. витебские братства преобразуются в цеховые корпорации. Этому способствовало развитие производительных сил, рост товарно-денежных отношений и как следствие рост городов как центров ремесленного производства и торговли, вокруг которых складывались обширные локальные рынки [4, с. 200–205].

Выданная Витебску в 1597 г. грамота на магдебургское право имела разделы, направленные на улучшение экономического положения ремесленников. При создании цехов в их статуты перешла терминология братств, поскольку цеха были по существу лишь узаконенными братскими объединениями. Создание профессиональных цехов, действовавших по принципу специализации труда, способствовало быстрому развитию ремесел [5, с. 108].

Цехи возникли в городах ВКЛ значительно позднее, чем в Западной и Центральной Европе. Если в ВКЛ существование цехов впервые фиксируется в конце XV века в Вильне, то в белорусских землях в целом и, в частности в Витебске первые цехи фиксируются в XVI веке [1, с. 230]. Включение в систему городских социальных отношений в XVI веке облегчалось для тех лиц, которые владели ремесленными или торговыми специальностями. Даже не имея постоянной «оселости», ремесленники могли войти в «мескую» сословную структуру через вступление в цехи. Подобная форма корпоративной организации городских жителей действовала в крупных городах ещё более последовательно, чем магдебургское право, которое не распространялось на население частных юридик. Здесь был сформулирован главный принцип цеховой организации – объединение в социально очерченный коллектив всех ремесленников города, независимо от их юрисдикции. Исключение делалось только для ремесленников, работавших на замковые и дворовые нужды, и для евреев, которых власть рассматривала как монопольный источник доходов. Каждый цех имел свой статут, в котором отстаивалось привилегированное положение цеховых ремесленников в сравнении с нецеховыми. Обеспечение этого положения являлось предметом беспокойства рады, которая не останавливалась даже перед изгнанием нецеховых производителей – «пакутников», или «партачов». Опека магистратов над цехами вытекала из той связи,

в которой находились цеховая организация и самоуправление по магдебургскому образцу. Вместе с тем, в основе статуты цехов могли лежать не только магдебургские предписания, но и местные традиции, которые тесно переплетались. Статуты регламентировали практически все стороны отношений между членами цеха и предусматривали систему наказаний за нарушение норм производственной деятельности, особых отношений и обязанностей перед церковью и радой. Каждый член цеха должен был знать права и обязанности, отмеченные в статуте. Статутами должна была руководствоваться в своей деятельности цеховая администрация, которая избиралась на собрании всех членов цеха сроком на год. Собрание также заслушивало отчёты прошлогодней администрации, здесь озвучивался статут и новые привилегии цеху, собирались взносы, рассматривались случаи нарушения статута и претензии между членами цеха, судебные дела по вопросам, предусмотренным статутот. Присутствие на собраниях было обязательным; за неявку грозил денежный штраф. Основу цеха составляли самостоятельные ремесленники – мастера, имевшие определённый имущественный, квалификационный, семейный и моральный ценз. Мастерам подчинялись подмастерья, которые получали от мастера денежную оплату, хотя и не являлись наёмными работниками, поскольку их отношения с мастерами регламентировались не отдельной договорённостью, а статутот цеха. Отработав какое-то время на мастера, подмастерье мог сам стать мастером, для чего он должен был самостоятельно сделать квалифицированное изделие – «штуку», внести в цеховую казну денежную сумму и угостить мастеров ужином («дать коляцию») [6, с. 12]. В ряде «мест» практиковалась «вандровка» – стажировка в других городах страны. Самую нижнюю ступень цеховой иерархии занимали ученики, количество которых в разных цехах не было одинаковым. Срок ученичества регламентировался статутот. После окончания обучения ученики переходили в подмастерья. Однако существовали и нарушения в достаточно сложном процессе получения звания мастера, вызванные семейными или иными связями претендентов и связанной с этим протекцией. Во главе цехов стояли цехмистры. Они хранили цеховую казну и короб, в котором находились статут, привилегии, печать, цеховая хоругвь и бубен; проводили собрания, контролировали выполнение статута. В помощь цехмистрам могли избираться ещё несколько лиц, а также члены цеховой администрации – ключники, кладовщики, писари, инстингаторы, соглядатаи [7, с. 22–23].

Судя по письменным источникам, объединения ремесленников вокруг церквей шли двумя путями. Либо это были представители одного цеха (то есть по профессиональному признаку), либо в церковное братство входили представители разных профессий, но одной веры (православной, католической). Церковные братства играли большую роль в общественно-политической жизни горожан второй половины XVI – первой половины XVII вв., так как формировали их позицию в области развернувшейся религиозно-церковной борьбы [1, с. 230–231].

На протяжении XVII–XVIII вв. наблюдался рост, как количества самих ремесленников, так и количества профессий. По данным 1665 г., в Витебске было

72 ремесленника 21 специальности [1, с. 228]. В 1721 г. в Витебске существовало семь цехов: кожевников; кузнецов, мечников, слесарей и медников; золотых дел мастеров; мясников; портных, шапочников, галстучников, шмуклеров; горшечников, каменщиков, красильщиков; сапожников, шорников, седельников. В 1738 году добавился солодоваренный, пивоваренный и винокуренный цех, а в 1760 году был образован цех резчиков, стекольщиков, каретников, плотников, бондарей, столяров и ситников [1, с. 231]. Структура городского ремесла постепенно усложнялась. Основные профессии в результате развития товарного производства, побуждаемого потребностями рынка, дифференцировались. Развитие производительных сил привело к смене мастера-универсала на мастера узкой специализации [1, с. 227].

В XVIII веке наметились тенденции к разложению цеховой системы. Сокращалось количество цехов. Несмотря на тенденцию уменьшения количества цехов, во 2-й половине XVIII века наблюдается оживление городского ремесла и увеличение числа ремесленников [7, с. 30]. Наряду с мелкими ремесленными мастерскими во второй половине XVIII века в Витебске стали зарождаться зачаточные формы капиталистической мануфактуры. Это были централизованные производственные предприятия с большим числом наемных рабочих и разделением труда. В конце XVIII века в Витебске насчитывалось семь кожевенных заводов. Первый построен в 1777 году мещанином Андреем Гарновским; остальные построены в 1800 году и принадлежали Антону Цытро, Семену Стабровскому, Екатерине Стабровской, Ивану Бураку, Прокофию Линсе. В связи с возросшей потребностью в кирпиче для строительства в 1765 году Емельяном Илюхиным был построен кирпичный завод. Достаточно высокий уровень производства изразцов позволил наследникам витебского мещанина Андрея Будникова основать в 1790 г. кафельный завод. К середине XIX века на базе гончарного производства слободы Русь был создан второй кафельный завод, принадлежащий мещанину Еремею Гарбузу. В это же время в слободе Ильинщина появился гончарный завод витебского мещанина Сергея Ваха, изготавливавший поливную посуду. Предприятия мануфактурного типа имели довольно широкие связи с рынком, в то время как мелкий производитель оказался отрезанным от него [1, с. 268].

Первая половина XIX века важный период в социально-экономическом развитии Белоруссии. Это был переходный этап от феодального способа производства к капиталистическому. В первой половине XIX в. широко развилось помещичье предпринимательство в форме различных промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного и природного сырья [8, с. 3]. В Витебске в конце 50-х гг. было 25 цехов. Ремесленное производство в течение первой половины XIX века претерпело не только количественные, но качественные изменения. Все шире применялся наемный труд, росло подчинение ремесленников скупщикам. Отдельные наиболее зажиточные мастера становились предпринимателями, организовывали производство на капиталистических началах. Нередко владелец мастерской выступал уже не как мастер – непосредственный производитель ремесленных изделий, а как посредник между производителями и потребителями,

ремесленниками и рынком, то есть в роли подрядчика. Раздавая взятый им заказ мастерам цеха по частям, он превращал их, по сути, в наемных рабочих на дому [8, с. 31]. В первой половине XIX века ремесленные цехи в городах Белоруссии претерпели существенные изменения. Здесь продолжала формально существовать цеховая организация с ее внешними атрибутами, но после включения Белоруссии в состав Российской империи, в их организацию все более привносились новые черты, характерные для цехов русских городов, созданных Петровским уставом о ремесленных цехах. «Жалованной грамотой городам» 1785 г. русское цеховое устройство распространялось и на ремесленное производство городов Белоруссии [8, с. 32].

16 апреля 1852 г. Правительствующий сенат издал закон, согласно которому упразднялась цеховая организация в городах и местечках, где число ремесленников было незначительным. В соответствии с этим законом в городах Белоруссии разрабатывались ремесленные постановления. Хотя новые ремесленные постановления формально не устранили цеховой организации ремесленного производства, однако они значительно ослабили тормозящую роль цехов в его развитии. Была ликвидирована обособленность и самостоятельность цехов в хозяйственных, юридических вопросах. Общее управление всеми цехами осуществлял ремесленный голова, который подчинялся городскому магистрату и отчитывался перед городской думой. Он ведал вопросами записи и исключения из цеха, следил за порядком платежа податей и исполнением повинностей со стороны всех ремесленников, разбирал различные тяжбы членов ремесленного общества, проверял цеховую казну и т. д. Ремесленные постановления вместе с тем уничтожали монопольное право цехов на производство. Записаться в него мог всякий желающий, крестьянин и разночинец, занимающийся ремесленными работами. Отменялись национальные и религиозные ограничения. Мастером цеха мог стать ремесленник, который (помимо хорошего знания своего ремесла) был в состоянии завести мастерскую с наличием инструмента для работы не менее 2 человек. Мастерам-ремесленникам разрешалось продавать изделия своего ремесла. Продажа производилась или на дому, или на площади, а не в специально заведенных лавках. Если ремесленники продавали свои изделия в лавках, то они должны были записаться в III гильдию. Однако этот пункт обычно не соблюдался. Согласно ремесленным постановлениям, ни ремесленный сход, ни цеховая управа не имели права устанавливать цену на ремесленные изделия. Это право принадлежало самому ремесленнику. Цеховая управа следила только за качеством изделия [8, с. 35].

Исходя из ремесленных постановлений, цеховая организация в XIX веке уже не представляла собой замкнутую корпорацию, какой она была в предшествовавший период. Не существовало прежней строгой регламентации ремесленного производства, различных ограничений, препятствовавших его расширению и развитию. Все это способствовало выходу ремесленного производства за рамки узкой цеховой организации [8, с. 38]. В хозяйственной жизни городов все большее значение приобретала организация ремесленного производства, основанная на вольнонаемном труде; увеличивалось количество крупных мастерских, которые со временем

перерастали в мануфактурные предприятия. Для расширения производства мастера использовали труд подмастерьев и учеников. В Витебской губернии в 1859 году насчитывалось: мастеров – 1142, подмастерьев – 517, учеников – 521. По разным профессиям число учеников было различным [8, с. 41].

Превращение небольшой ремесленной мастерской в более крупную или мануфактуру происходило двумя путями. Первый путь, более распространенный в первой половине XIX века, предполагал раздачу мастером-подрядчиком взятого им заказа нескольким мастерам на дом. Второй путь – расширение мастерской разбогатевшим владельцем до размеров крупного предприятия: пристройка нового помещения, наем большего числа рабочих, приобретение различного оборудования и инструментов, увеличение объема производства, перераспределение рабочей силы, введение разделения труда и др. [8, с. 44]. Хотя в течение первой половины XIX века традиционные ремесленные мастерские преобладали, все более заметным становился процесс перерастания их в предприятия мануфактурного типа. Однако, появлявшиеся мануфактуры были неустойчивы, многие из них быстро закрывались, не выдержав конкуренции крупных вотчинных предприятий.

В Витебске рост числа мелких предприятий и вместе с тем их неустойчивость прослеживаются очень отчетливо. В городах продолжало развиваться мелкотоварное производство, увеличивалось количество и размеры ремесленных мастерских, число рабочих на них. Однако крепостничество, господство барщинной системы ограничивало возможности капитализации мелкотоварного производства.

Список используемых источников:

1. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 335 с.
2. Сапунов А. П. Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1. – Док. № 87, 88.
3. Красьянскі, В. Музейныя помнікі старадаўніх віцебскіх рамесніцкіх арганізацыяў // Віцебшчына. – 1925. – Т.1. – С. 40–48.
4. Копыцкий, З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. / З.Ю. Копыцкий. – Минск, 1975. – 192 с.
5. Русецкий А. В., Русецкий Ю. А. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Мн. : БелЭн, 2001. – 288 с.
6. Рудко Е. А., Бездетко О. С. Организация ремесленного производства в Витебске с конца XVI по XVIII века / Е. А. Рудко, О. С. Бездетко // Материалы докладов 55 Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов университета. В 2-х томах. Т. 1 / УО «ВГТУ». – Витебск, 2022. – С. 11–13.
7. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: энциклопедия / ред. совет: Т. В. Белова (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларус. Энцыкл. им. П. Бровки, 2009. – 312 с.
8. Чепко В. В. Города Белоруссии в первой половине XIX в.: Экой, развитие / В. В. Чепко – Мн. : Изд-во БГУ, 1981. – 143 с.

УДК 94(470)«16/18»

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

**Середа Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения.
Тверской государственный университет,
г. Тверь, Российская Федерация**

Ключевые слова: Россия, города, городское население, городская жизнь, источники, историография, методы исследования.

Реферат. В статье рассмотрены изменения, произошедшие в изучении городов России в конце прошлого столетия и в начале нынешнего, в связи с расширением источниковой базы и появлением новых методов изучения источников.

В XIX веке в российской исторической науке было широко распространена мысль о негородском характере Руси, и отрицательном значении городов для истории страны. Причину этого П. Г. Рындзюнский еще в конце 50-х годов XX в. видел о том, что народнически настроенные авторы, не признавая капитализма в России как органическое явление, недооценивали и городообразовательные процессы [21, с. 8–10].

В советский период, напротив, в стремлении доказать закономерность социалистической революции, ученые активно изучали города, но урбанизация рассматривалась как показатель развития капитализма и вплоть до 80-х гг. XX в. в отечественной исторической науке изучение городов Позднего Средневековья и Нового времени подменялось анализом развития капиталистических отношений. История городов стала средством доказательства действенности в России закона о смене формаций. [9, с.14–15].

Огромную роль в перестройке отечественного городоведения сыграли труды А. Л. Ястребицкой [31] и Л. П. Репиной [19]. Благодаря им, российские историки познакомились с новой социальной историей – интеллектуальным движением второй половины XX в., сложившемся в странах Западной Европы и Америке.

В городоведении первой ласточкой, свидетельствующей о переменах, стала конференция «Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и Раннее Новое время (XI–XVIII вв.)» проведенная в рамках Института истории СССР АН СССР [24]. За ней последовал конференция по истории городов в г. Муроме [26], а затем – целая серия городоведческих конференций в г. Твери [3, 27, 30].

Если проследить развитие городоведения за последние четверть века, то можно заметить что, с середины 2000-х годов главным направлением в изучении городов стало исследование повседневности. Изучают повседневность основной группы городского населения – мещан [12], повседневность горожан одной этнической

принадлежности [16], некоторых городов [17] и некоторых регионов [14].

Само исследование повседневности потребовало привлечения массовых источников, которые сохранились в наших архивах в огромных количествах и требовали для их освоения больших затрат времени. Происходил поиск методов освоения огромных комплексов документов. Тут положительную роль сыграло формирование научно-педагогической школы источниковедения в рамках Историко-архивного института. Костяк этой школы составили сотрудники и аспиранты кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ. Эти люди приняли и стали активно пропагандировать некоторые идеи А. С. Лаппо-Данилевского, соединяя их с теоретическими наработками теоретиков советского периода. В частности, в рамках этой школы был сформулирован новый, методологический принцип исследования больших комплексов источников, который получил название «Феноменологический подход». Этот принцип исходит из того, что в России архивные фонды сформированы по принципу происхождения, а значит, архивный фонд можно рассматривать как проекцию прошлой реальности. Это отмечал еще в 60-х гг. XX в. крупнейший советский теоретик в области архивного дела В. Н. Автократов [1]. Сотрудники кафедры источниковедения через много лет развили эти теоретические построения применительно к источниковедению. В рамках феноменологического подхода процесс фондообразования они предложили рассматривать как частное проявление причинно-следственных связей в истории, а сами фонды – как отражение системы, в процессе функционирования которой они отложились [20, с. 68–69].

Примеры такого подхода к фондам и архивным справочникам нередко встречаются в современной науке..

В трудах исследователей, работающих в рамках школы источниковедения, (возможно даже не вполне осознанно) изучаются документные комплексы различного масштаба: комплексы однородных видов источников, отдельные дела, сформированные в делопроизводстве, комплексы однородных дел, архивные фонды отдельных учреждений (организаций) и даже большие совокупности фондов.

Н. А. Четырина, проанализировав содержание дел с протоколами заседаний ратуши Сергиева Посада, установила периодичность заседаний, круг корреспондентов ратуши и основные направления работы, а также периодическую смену подведомственности ратуши губернским учреждениям. Ей удалось также установить, что с Московским губернским правлением ратуша вела более активную переписку, чем с уездными учреждениями Богородского уезда, к которому она относилась [26, с. 90–95], что требует дополнительных исследований и разъяснений с точки зрения истории государственных учреждений.

Изменения в системе управления хорошо видны на основе системного анализа целостных документальных комплексов, сформированных в делопроизводстве, либо сложившихся как на стадии делопроизводства, так и на архивной стадии их бытования: дело – совокупность однотипных дел, фонд – комплекс фондов. Проведенное автором доклада исследование ряда дел с протоколами магистратов городов Тверской

губернии за несколько лет позволяет говорить о происходившей в конце XVIII в. передаче распорядительных функций от центральных исполнительных органов власти (коллегий) новым, региональным управленческим структурам губернского уровня: губернатору, губернскому правлению, губернскому магистрату, то есть о процессах децентрализации власти [23. С. 173].

И. Е. Прядейна исследовала комплекс маклерских книг г. Торжка Тверской губернии и установила тенденцию эволюции условий найма на работу в районе г. Торжка от феодальных к капиталистическим еще в самом начале XIX в. [18].

В некоторых исследованиях мы находим примеры практической реализации в современной исторической науке и в городоведении в частности еще одного принципа исторического исследования, разработанного А. С. Лаппо-Данилевским синтеза номотетического и идиографического подходов, что позволяет, наряду с определением особенного, уникального, также выявить общие основополагающие тенденции исторического развития.

О. Е. Думенко провела изучение состава документов фондов сиротских судов Тверской губернии и установила, что они свидетельствуют об отклонении от законодательства на стадии реализации екатерининской реформы местного управления, а также о складывании локальных моделей управления в различных городах Тверской губернии [8, с. 14]. Реформа 1775 г. предписывала в каждом уездном городе создавать сиротские суды с возложением на них задач по воспитанию подкинутых младенцев, а также заботы о престарелых одиноких горожанах. Для этого в городах необходимо было создавать воспитательные дома и богадельни. В Вышнем Волочке сложилась своеобразная практика: там отдавали брошенных детей на воспитание в семьи горожан с последующей записью этих детей в городское общество [8, с. 18]. Компетенция Тверского сиротского суда не предполагала выполнение социальной функции по заботе о детях и стариках, это учреждение занималось лишь опекунами делами [7].

Изучение состава и содержания фондов всех городских учреждений Тверской губернии также свидетельствует о существовании локальных моделей управления в городах этой губернии в период реализации реформы управления Екатерины II, и при этом синтез номотетического и идиографического подходов позволил выявить и общую тенденцию в реализации реформы управления. При большой вариативности механизмов реформирования городских структур в этом механизме было общее: общее в механизме проведения этой едва ли не самой крупномасштабной реформы дооктябрьского периода заключалось в том, что она начиналась с создания новых структур управления и управленческих связей. И только после того, как новые связи были налажены, старые уничтожались. Это обеспечивало стабильность управления даже в условиях серьезной перестройки.

Е. А. Шевченко исследовал систему управления Воронежским наместничеством на основе огромного количества документов из фондов федеральных и регионального архива и констатировал, что деятельность воронежских прокуроров в имеющихся архивных материалах не отражена. На этом основании автор сделал заключение о

неэффективности надзора со стороны губернского прокурора [29, с. 276–277].

Исследования делопроизводственных источников подчас позволяет делать очень значительные поправки к ранее сформулированным выводам. Изучение челобитных и следственных дел в связи с набором рекрутов красочно показывают отношение горожан к рекрутчине [15]. Изучение писем новоторжского купечества поставило под сомнение тезис о высокой преемственности купеческих капиталов [2, 3].

Более глубокое изучение жизни горожан в новом столетии стало возможным, также потому что происходит более глубокое освоение документов личного происхождения горожан: таких групп источников, например, акты [3], дневники и мемуары купечества [7], их обращения во власть [10]. Привлечение документов личного происхождения было подготовлено рядом публикаций этой группы источников [3, 11] и первых результатов их исследований [2, 13].

В заключение хотела бы отметить еще одно направление в развитии городоведения: исследование купеческих династий и биографий отдельных представителей купечества и промышленников. Создано огромное количество работ, посвященных этой теме. Современные ученые изучают не только торгово-промышленную деятельность купечества, но также культуру представителей этой группы горожан, их увлечения, в том числе историей [22, 24].

В результате расширения круга источников и инструментария исследований картина истории городов и горожан постепенно меняется.

Список используемых источников:

1. Автократов, В. Н. Общая теория архивоведения // Вопросы истории. 1973. – № 8. – С. 60.
2. Артамонова, Л. М. Рукописи, Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары – замечательные памятники локальной истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. – Т. 15 – № 5. – С. 229–237.
3. Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы международной научной конференции 25–28 апреля 2002 г., Тверь-Кашин-Калязин. Ч. 1, 2 Тверь: Тверской государственный университет, 2002. – 560 с.
4. Городская семья XVIII века: семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М. : изд-во Московского университета, 2002. – 608 с.
5. Демкин, А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII – начала XVIII в.: по материалам верхневолжских городов // История СССР. 1982. – №1. – С. 135–141;
6. Демкин, А. В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. М., 1990. – С. 50.
7. Думенко, О. Е. Особенности организации государственной социальной работы в Твери последней четверти XVIII – начале XIX вв.: по материалам ГАТО // Проблемы развития гуманитарного научного потенциала Тверской области: сб научн. трудов по материалам II регион. Науч.-практич. конференции «Современные проблемы

развития гуманитарной науки: по результатам регионального конкурса 2009 г.». Тверь: Тверская обл. орг. Об-ва «Знание» России, 2009. – С. 58–63.

8. Думенко, О. Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб, 2010. – 22 с.

9. Каменский, А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М. : Издательство РГГУ, 2006. – 403 с.

10. Кобозева, З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в. или рассказ о «душе с повинностями»). – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – 608 с.

11. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. Москва : РОССПЭН, 2007. – 470 с.

12. Куприянова Н. В. Отношение купечества к образованию в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Владимирской губернии) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития. Материалы VII Международной науч. практич. конф. – Самара : СГИК, 2019. – С. 274–279.

13. Майорова, А. С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14 – № 2. – С. 100–107.

14. Миненко, Н. А., Апкаримова, Е. Ю., Голикова, С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 2006. – 384 с.

15. Новиков М. А. Рекрутская повинность как социальное явление в Ржевском уезде Тверской губернии во второй половине XVIII века // Проблемы социально-политической истории России: Сб. науч. тр. Вып.4 Тверь : Твер. гос. ун-т, 2006. – С. 77–90.

16. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань, 2013. – 384 с.

17. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. / под редакцией проф. И.И. Шулус. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2009. – 270 с.

18. Прядеина, И. Е. Маклерские книги записей договоров о найме слуг и рабочих людей г. Торжка как исторический источник (начало XIX в.). Автореф.... канд. ист. наук. Тверь, 2006. – 16 с.

19. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Издание 2-е, исправл. и дополненное. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с.

20. Румянцева, М. Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М. : Наука 1999. – С. 57–69.

21. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. – 559 с.

22. Середа, В. Н. «Обитатель предместья»: провинциальный историк в жизни

и литературе // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.: история, историография источники и методы исторического исследования: Материалы конференции, Тверь, 18–21 февраля 1999. – Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999. – С. 141–151.

23. Середа, Н. В. Реформа управления Екатерины Второй. – М., 2004. – 456 с.

24. Смирнов, Я. Е. Купец-историк А. А. Титов в контексте истории культуры российской провинции последней трети XIX – начала XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата истор. наук. – М., 2014. – 26 с.

25. Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции. Москва, 3–5 декабря 1996 г. – М., 1996. – 352 с.

26. Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв.: Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2001). – М., 2003. – 352 с.

27. Управление городами: прошлое, настоящее и будущее. Материалы научной конференции. (Тверь, 23–24 ноября 2002 г.). – Тверь, 2001. – 256 с.

28. Четырина, Н. А. Сергиевский посад в конце XVIII – XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006. – 325 с.

29. Шевченко, Е. А. Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): Система управления. – Воронеж : Истоки, 2010. – 311 с.

30. Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.: история, историография, источники и методы исторического исследования: Материалы конференции. Тверь, 18–21 февраля 1999. Тверь, изд-во Тверского гос. ун-та, – 1999. – 307 с.

31. Ястребицкая, А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке – М. : Интерпракс, 1995. – 416 с.

УДК 94(476) “16/1917”

ІНДЗЕЯНІСЦКАЯ ІНФАРМАЦЫЯ Ў ГАРАДАХ БЕЛАРУСІ З XVI СТАГОДДЗЯ DA 1917 ГОДА

**Сімакоў Аляксандр Васільевіч, краязнавец
г. Гомель, Республика Беларусь**

Ключавыя словы: Беларусь, індзейцы, літаратура, горад.

Рэферат. Апісваецца індзеянiсцкая iнфармацыя, якая захавалася ў гарадах Беларусі ў перыяд Новага часу.

Выявіць і апаніць індзеянiсцкую актыўнасць, цікавасць да індзейскай тэмы,

прысутнасць звестак пра індзейцаў у публікацыях, рукапісах і ў сувязі з артэфактамі, з абмежаваннем перыядам да пераходу да сацыялізму і гарадамі, дазваляюць найперш нашы матэрыялы, згрупаваныя па катэгорыях:

1. Друк у сучасных межах Беларусі.
2. Указанні на знаходжанне выданняў, надрукаваных за межамі Беларусі, у якіх ёсць індзеянісцкая інфармацыя.
3. Звесткі з неапублікаваных матэрыялаў.

Мы згадваем ніжэй толькі нямногіх з асоб, што жылі ў беларускіх гарадах і заўважаныя ў кантактах з індзейцамі і/або значным укладзе ў індзеяністыку за межамі Беларусі. Таксама не пералічваем выпадкі чытання кніг пра індзейцаў і гульні ў індзейцаў.

Тэрміны «актыўнасць» і «цікавасць» у дачыненні да індзеяністыкі часам мае сэнс ужываць у двухосях, як умоўныя, бо да 1960-х гг. для жыхароў Беларусі намі не фіксуецца індзеяністыка як спецыялізацыя або значны акцэнт у жыцці пэўных асоб.

У 2023 г. мы ўпершыню каратка падсумавалі тое, што звязвае жыхароў шляхецкіх сядзіб з індзейцамі. Вёскі, маёнткі і фальваркі (і выхадцы з сельскай мясцовасці ў замежжы) даюць у цэлым нават больш індзейскага матэрыялу. Тым не менш, напрыклад, выдавецтвы і друкарні – у асноўным гарадская з’ява. Таксама гімназіі і іншыя ўстановы для навучэнцаў сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту, якія маюць павышаную цікавасць да індзейцаў ужо ў XIX ст., адносяцца да гарадоў, але арэнай для гульняў гарадскіх дзяцей можа з’яўляцца лес каля горада або вёскі. Пры класіфікацыі населеных пунктаў з індзеянісцкім кантэнтам і дзеяннем магчыма вылучыць пераходную групу з некаторых вялікіх і важных мястэчак – тым больш, што перад тым або пасля асобных з іх былі гарадамі.

У якасці прыкладаў мы ўзялі абласныя цэнтры і некалькі з найбольш цікавых для нас у «індзеянісцкіх» адносінах гарадоў па абласцях: Брэсцкая: Пінск; Віцебская: Орша, Полацк; Гомельская: Чачэрск; Гродзенская: Навагрудак, Слонім; Магілёўская: Бабруйск, Горкі, Крычаў, Шклоў; Мінская: Нясвіж, Слуцк, Радашковічы.

У Расіі ў асобных артыкулах і нават кнігах прасочваліся сувязі з Амерыкай асобных рэгіёнаў, абласцей (Курскай, Валагодскай, Валгаградскай і інш.). Польскія аўтары разгледзелі як цэнтр вывучэння геаграфіі свету і асобна цікавасці да Амерыкі, у прыватнасці, і Вільню. Працы, у загаловах якіх прысутнічае матыў падобнай цікавасці, могуць быць праілюстраваныя публікацыямі Р. Урублеўскага з Лодзі, але выхадца з «усходніх крэсаў» [5; 6]. Сярод атрыманых намі ад яго 15.07.1991 г. асобных адбіткаў – яго артыкулы «Рэха геаграфічных адкрыццяў у працах Каперніка» (1974 г.), «Новы Свет – Заходнія Індыі – Амерыка. З гісторыі фарміравання польскай геаграфічнай наменклатуры ў эпоху Адраджэння» (1976 г.), «Польскія навуковыя асяродкі часоў Адраджэння ў адносінах да адкрыцця Амерыкі» (1976 г.) [5]. Ён аўтар артыкула «Падарожжы як крыніца ведаў пра Амерыку» (1972 г.) і кнігі «Веданне Амерыкі ў Польшчы перыяду Адраджэння» (1977 г.) [6]. Традыцыйна ў Польшчы выкарыстоўваць матэрыял з крэсаў, які значна ўзбагачае гісторыю польскай геаграфіі.

Прасочванне краіназнаўчай цікавасці ў асобных рэгіёнах Беларусі можа здавацца

даволі новым падыходам. Але не для гомельскай індзеяністыкі. Пытанне па рэгіёнах ставілася ўжо ў другой палове 1980-х гг., і першыя спробы зборак былі па Гомельшчыне, Віцебшчыне, а таксама Брэстчыне.

Надзвычай малая колькасць заўважаных твораў друку Беларусі з індзеянісцкімі згадкамі пацвярджае феномен, які развіўся ў сувязі з палітыкай у моўнай, адукацыйнай, выдавецкай сферах у часы Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі.

Напрыклад, у нашай Беларуска-індзейскай бібліяграфіі, у якой на 21.04.2024 г. было 12716 запісаў, дагэтуль толькі дзве дарэвалюцыйныя кнігі на польскай мове, якія адносяцца да Беларусі па месцы выдання: «Аб асноўных артыкулах хрысціянскай веры» С. Буднага (Лоск, 1576 г.) і «Усеагульная гісторыя царквы» Ё. Альцага (т. 2, Пецябург і Магілёў, 1855 г.).

Не нашмат лепш з рускамоўнымі публікацыямі: «Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке» (Витебск, 1890 г.) А. Сапунова; публікацыя творчасці І. Сакольскага, у т. л.: «Ода [...] белорусскому генерал-губернатору Петру Богдановичу Пассеку на посещение Полоцкого главного народного училища при случившемся в оном испытании 1789-го года декабря 7-го дня» (Труды Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1. 1909 г. – 31 мая 1910 г. Витебск, 1910 г.; асоб. адб.: Віцебск, паміж 1910 і 1912 гг.; таксама ў: Полоцко-Витебская старина. Кн. 1. Витебск, 1911 г.).

Адзінкавыя згадкі індзейцаў заўважаныя намі ў беларускамоўнай перыёдыцы: толькі ў Цёткі (пад іншым псеўданімам А. Пашкевіч – М. Крапіўка: «Газа» (Лучынка. 1914 г. № 3)) і ў двух артыкулах Я. Лёсіка ў газеце «Вольная Беларусь» (Мінск) летам 1917 г. Калі не ўлічваць віленскі і пецябургскі друк, то вынік надзвычай сціплы (пры тым, што гэтая карціна даволі «выбарачная» – спецыяльны пошук па вялікіх масівах беларускага дарэвалюцыйнага друку намі не рабіўся, але перспектыўных назваў па наяўных бібліяграфіях і бібліятэчных каталогах мы амаль не знаходзілі). У 1898 г. «Витебских губернских ведомостях» з'явіўся артыкул П. Стральцова «Востраў Куба» – экскурсы ў гісторыю вострава, на якім ваяваў, аўтар даваў. Першая беларуская і гродзенская газета – «Gazeta Grodzieńska», якая выдавалася паміж 1776 і 1783 гг., – цалкам не прагледжаная (найперш на прадмет сутычак з індзейцамі ў паслярэвалюцыйных ЗША).

Сярод найбольш цікавых з выдадзеных за ўвесь час знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі кніг і брашур – выдадзены ў Гомелі «Нарыс гісторыі вялікіх геаграфічных адкрыццяў і паступовага вывучэння паверхні зямлі» (1914 г.) [1]. У ім аўтар, выконваючы абавязкі інспектара Гомельскай мужчынскай гімназіі Я. Селенс, піша, што «хаця ў некаторых іншых месцах зямнога шара, як у Кітаі, Індыі, Мексіцы, Перу, і вырысоўваліся на заранку гісторыі, дзяржавы, якія стаяць на высокай, на той час, ступені развіцця, але ўласцівая ім культура не ўліла сваіх ручаёў у тую раку, якая, узяўшы пачатак у Егіпце, пацякла шырока па Еўропе і разліваецца магутным патокам па ўсім зямным шары, робячыся набыткам усяго чалавецтва – сусветнай культурай» [1, с. 3].

Я. Селенс у прыватнасці згадвае спробы нарманаў-ісландцаў замацавацца на

паўночна-ўсходніх берагах Амерыкі: «Еўропай гэта адкрыццё было пакінутае без увагі і хутка забытае» [1, с. 9]. Ён адводзіць даволі шмат месца экспедыцыі Х. Калумба [1, с. 12–14], аднак пра «сустрэчу культур» або проста кантакт з карэннымі жыхарамі нічога не гаворыцца (адзіная прыкмета іх прысутнасці – «апрацаваны рукой чалавека шост і дошка» [1, с. 13]); далей аўтар піша пра падарожжы праваднікоў еўрапейскага «панавання» – П. Кабрала [1, с. 14], Дж. Кабата [1, с. 15], Ф. Магелана [1, с. 15–16], Дж. Кука [1, с. 19–20], І. Крузенштэрна, О. Кацэбу і Ф. Літке [1, с. 20], А. Гумбальта [1, с. 21], палярныя даследаванні Дж. Франкліна [1, с. 25].

Небеларускія кнігі, якія самімі сваімі загаловамі ўказваюць на індзейскую тэматыку ў іх, выяўленыя намі ў друкаваных каталогах кніг бібліятэк у Магілёве (Каталог книг Могилевской публичной библиотеки. Могилев, 1902 г.), Горках (Каталог книг Горечкой библиотеки. Горки, 1913 г.) і Мінску (Каталог Минской городской общественной библиотеки им. А. С. Пушкина 1908-й год. Минск, 1909 г.; Каталог Минской библиотеки Московско-Брестской ж. д. Минск, 1911 г.).

У 364 змешчаных у інтэрнэце з мая 2022 г. па красавік 2024 г. нашых біяграфічных артыкулах серыі «Беларусы сустракаюцца з індзейцамі» «кантакцёрамі» перыяду да канца 1917 г. і ўраджэнцамі гарадоў Беларусі з'яўляюцца (па вакабулах) толькі Ф. Дзеражынскі (Орша), М. Сабольскі, К. Румель (Гродна), М. Русель (Магілёў); таксама служачыя РАК на Алясцы С. Кумачоў і А. Пушкарэвіч у дакументах называюцца адпаведна віцебскім і магілёўскім мяшчанамі. Месцы нараджэння некаторых ураджэнцаў Беларусі невядомыя.

Прыклады па абласцях, якія ніжэй, адлюстроўваюць асобныя сюжэты, якія прыцягвалі нашу асаблівую ўвагу:

– Брэсцкая вобласць. А. Копаць на сейме пры прызначэнні яго кашталянам брэсцкім у 1643 г. (тэкст змешчаны ў кнізе «Свада польская» 1745 г.) згадаў «лямант няшчасных індзейцаў», вываз у Еўропу іспанцамі золата і ледзь не «ўсяго Новага Свету».

Пінск. З ім звязваюць ідэю, што палешукі – гэта своеасаблівыя польскія індзейцы (эпоха А. Нарушэвіча). Бацька згаданага гомельскага папулярызатара геаграфічных адкрыццяў Я. Селенса выкладаў геаграфію ў гімназіі Пінска. Нашы зносіны з журналістам і краязнаўцам М. Самуйлікам цікавыя тым, што ён змог звязаць з Піншчынай або, шырэй, Брэстчынай адразу некалькі «індзейскіх» прыкладаў, у прыватнасці прыгадаў маці Сат-Ока (С. Суплатовіча), якая не была рэвалюцыянеркай, у сувязі М. Багушэвіч, лідарам партыі «Пралетарыят», якая памерла некалькімі гадамі пазней пасля нараджэння першай, і У. Вербановіча. М. Самуйлік паведаміў нам пры сустрэчы 25.03.1987 г., што бачыў індзейца на бланкавай паперы, што адносілася да побыту У. Вербановіча ў ЗША (калі гаворка пра герб Індыяны, то гэта памылка, бо на ім адлюстраваны бізон і дрывасек еўрапейскага выгляду).

– Віцебская вобласць. Верагодна, у Віцебску вучыўся М. Сялява – падарожнік і зорка беларускай дыяспары.

Орша. Месца нараджэння кіраўніка езуітаў ЗША Ф. Дзеражынскага, а таксама месца вучобы тут у езуітаў паэта П. Шумахера.

Полацк. Важны «беларускі перыяд езуіцкага ордэна». Безумоўна, назіралася

вялікая ўвага да геаграфіі: выдадзены, між іншым, на польскай мове «Кароткі курс агульнай геаграфіі» і «Кароткі курс фізічнай геаграфіі».

– Гомельская вобласць. У Гомелі найбольш вядомы Д. Выгодскі, які дзейнічаў як іспаніст і лацінаамерыканіст у Пецяярбургу, але не страчваючы гэтай цікавасці і на радзіме, куды прыязджаў і дзе працягваў публікавацца.

Чачэрска. У ім, як і ў некаторых іншых езуіцкіх цэнтрах на тэрыторыі вобласці, пры выкладанні геаграфіі вучні маглі даведацца пра індзейцаў. Гэта тычылася і выхадца з Чачэрска езуіта Я. Залескага.

– Гродзенская вобласць. Гродна дае шматлікія прывязкі да індзейцаў – праз скульптуры ў касцёле, напамін пра хіну ў аптэцы і іншае часоў Першай Рэчы Паспалітай. Другое дзесяцігоддзе 19 ст. адзначанае з'яўленнем у Канадзе групы асоб, у ліку якіх былі ўраджэнцы Гродна: М. Сабоўскі (Sabolsky) і Ю. Лявоцкі (Лявоскі, Lewosky) удзельнічалі ў англа-амерыканскай вайне 1812–1814 гг. (дзяржавы-праціўнікі знайшлі саюзнікаў сярод індзейцаў – Марцін і Юзаф, як раней і Т. Касцюшка, не маглі не бачыць іх удзелу ў вайне). Некаторыя беларусы апісваюцца як тыя, што выконвалі абарончую задачу ў раёне еўрапейскіх пасяленняў на Рэд-Рывер у Манітобе.

Навагрудак. Важнае месца ў многіх адносінах, у т. л. служыць арыенцірам і для найбольш значных «прадстаўнікоў» Беларусі ў Паўднёвай (К. Карніцкі) і Паўночнай (А. Расадоўскі) Амерыцы, для якіх у Навагрудскім павеце або ваяводстве не ўказваецца канкрэтнае месца нараджэння.

Слонім. Тэатральная актыўнасць: хаця трагедыя Вальтэра «Альзіра, або Амерыканцы» выдадзеная ў Варшаве (1780 г.), нават у бібліяграфічным апісанні ёсць указанне, што яна перакладзеная для слонімскага тэатра (па прапанове гетмана М. К. Агінскага яго дарадцам І. Ляхніцкім).

– Магілёўская вобласць. Магіляўчанін М. Судзілоўскі (Русель) – добра задакументаваная асоба, таму ёсць некаторыя звесткі і пра тое, што ён чытаў пра індзейцаў на радзіме, і пра тое, з кім з індзейцаў мог сустракацца, і што сам пісаў пра індзейцаў. У публіцыстыцы часам быў павярхоўны і крытычны ў адносінах да індзейцаў. Аднаму з блізкіх да яго руска-японскіх асоб – М. Мацвееву-Амурскаму – прыпісваецца паходжанне ад аляскінскай індыяні. Праз аляскінскі матэрыял можна звязаць Руселя і яго сан-францыскіх знаёмых з магіляўчанкай, якая ў МАЭ займалася амерыканскімі калекцыямі, – С. Ратнер-Штэрнберг.

Бабруйск. Малавядомая ў Беларусі, але, магчыма, не менш значная фігура, чым доктар Русель, – Э. М. Эпштэйн з Бабруйска, таксама медык, які ў 1882 г. стаў першым прэзідэнтам Універсітэта Паўднёвай Дакоты. Ён меў «супярэчлівыя» рэлігійныя погляды, з пасады прэзідэнта зняты па палітычных прычынах, калі ў 1883 г. кантроль над універсітэтам перайшоў да ўладаў адной з самых «індзейскіх» тэрыторый. Яго праўнучка С. Л. Кер напісала гістарычны раман «Незвычайны доктар Эпштэйн» (The extraordinary Dr Epstein, 2015).

Горкі. І. Лінёў вучыўся ў Горы-Горацкім сельскагаспадарчым інстытуце, потым у Пецяярбургу, а ў ЗША, сярод іншага, спрабаваў зарабляць забеспячэннем таварамі арміі і пасяленцаў у раёнах супрацьстаяння з індзейцамі.

Крычаў. Бацька падарожніка А. Галынскага выдаў «Усеагульную геаграфію»: «Всеобщая география. Изданная Действительным Статским Советником и Кавалером Голынским» (СПб., ч. 1, 1820; ч. 2, 1819 г.) цікавая актам, як згадана у ёй самой, «ахвяравання пяцісот асобнікаў гэтай [кнігі] для раздачы безграшова недастатковым гадаванцам навук Беларускіх і Уладзімірскай Губерняў, у якіх знаходзяцца мае маёнткі, выканаць мэту жадання майго, садзейнічаючы, хаця б збольшага, у распаўсюджванні гэтай карыснай навукі». Пад «Беларускімі» губернямі перш за ўсё маецца на ўвазе Магілёўская («Галынскі В.» у 1791 г. у Магілёве выдаў на польскай мове «Кароткія заўвагі аб некаторых азіяцкіх дзяржавах»)).

Шклоў. У 1797 г. Н. Г. Шульман, уладжэнец Старога Быхава, у Шклове падрыхтаваў [4, с. 66] перавыданне трактата Манасе бен-Ізраіля XVII ст. «Мікве Ісраэль» («Надзея Ізраіля»), у якой індзейцы звязваліся з дзесяццю легендарнымі страчанымі плямёнамі. Але для Н. Г. Шульмана, які задумаў і шклоўскае перыядычнае выданне на яўрэйскай мове (не рэалізаванае), каштоўнасць гэтага трактата для сучасных яму яўрэяў заключалася не ў месіянстве, а ў ведах па геаграфіі і этнаграфіі Амерыкі, якія пашыралі гарызонты звычайных вернікаў-іўдаістаў.

– Мінская вобласць. «Міноград» – адно з месцаў дзеяння рамана А. Тышынскага «Амерыканка (г.зн. індыянка – А. С.) у Польшчы». У Мінску апісваюцца першыя паказы фільмаў пра індзейцаў.

Нясвіж. Не толькі з папулярнай аповесці Ю. Крашэўскага, але і ў даведніку па музеях у Польшчы С. Лорэнца вядомы як месца захоўвання прадметаў індзейцаў (калекцыі Радзівілаў).

Слуцк. Павятовы цэнтр і асабліва Капыль (у цікавы для нас перыяд яго статут паніжаны да мястэчка) з іх «ваколіцамі» – месцы, адкуль шмат яўрэяў і беларусаў пераехала ў Су-Сіці (Аява), а адтуль далей на захад. Сям'я Сінайкінах – найбольш вядомая з тых, што пасяліліся ў «Джу-Флэтс» паміж дзвюма вялікімі рэзервацыямі ў Паўднёвай Дакоце [2, с. 18; 3].

Радашковічы. Месца нараджэння Ю. Гарайна – аднаго з самых значных паланійных дзеячаў ЗША XIX ст., які звязаны з гісторыяй згаданага намі славутага М. Сялявы.

Нешматлікія па тагачаснай фіксацыі ў мясцовым друку ў параўнанні з краінамі-суседзямі, беларускія прывязкі да «ранняй» Амерыкі і індзейцаў, якія знойдзеныя намі, насамрэч багатыя і разнастайныя, але працэнт апрацаваных крыніц застаецца параўнальна малым. Аўтар гэтага паведамлення спадзяецца, што іншыя даследчыкі звернуць увагу на тэму «экзатычных» і недзяржаўных народаў у вопыце жыхароў і грамадскай думцы Беларусі ў XVI– пачатку XX стст. як яшчэ амаль не распрацаваную.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Селенс, Е. Б. Очерк истории великих географических открытий и постепенного изучения поверхности земли / сост. Е. Селенс. – Гомель : типо-лит. Г.М. Бриля, 1914. – 29 с.
2. Сімакоў, А. Беларусы сустракаюцца з індзейцамі: [Вып. 89] / А. Сімакоў // Наша слова.pdf. – 2024. 25 сак. (№ 12) – С. 14-23. [Электронны рэсурс]. – Рэжым

доступу: <https://www.nslowa.by/wp-content/uploads/2018/08/tts12.pdf#page=18> (Сінайкін (Сінайкіна) Фейга Эта). – Дата доступу: 19.03.2024.

3. Clarren R. The cost of free land : Jews, Lakota, and an American inheritance / R. Clarren. N. Y. : Viking, 2023. – 352 p.

4. Fishman, D. E. Russia's first modern Jews : the Jews of Shklov / D. E. Fishman. – New York : New York University Press, 1995. – XIII, – 195 p.

5. Wróblewski, R. Polskie środowiska naukowe czasów Odrodzenia wobec odkrycia Ameryki / R. Wróblewski // Acta Universitatis Lodzensis : Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego : Nauki matematyczno-przyrodnicze. – Seria II. – № 4. – S. 51–67.

6. Wróblewski R. Znajomość Ameryki w Polsce okresu Odrodzenia / R. Wróblewski. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. – 157, [2]

УДК 94

**ГОРОД И ЛЮДИ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ ДЕТСКИХ ПРИЮТОВ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-образовательного центра краеведческих
исследований
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Ключевые слова: благотворительные заведения для детей, Санкт-Петербург, общественные деятели.

Реферат. В статье как часть облика города рассматриваются вопросы детской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв. В исследовании на примере города Санкт-Петербурга показано, что в данный период происходило активное формирование гражданского общества, которое выразилось в активном участии разных категорий горожан в помощи нуждающемуся.

Любой город – это прежде всего люди, и, в первую очередь, те, которые пытаются сделать его лучше, способствуют решению его проблем и процветанию, помогают нуждающимся, влияют прямо или косвенно, позитивно или негативно на его развитие. Поэтому история города начинается с его жителей, с их вклада и влияния на его судьбу. И здесь особая роль в каждом российском городе во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежала благотворителям, тем, кто просто оказывал бескорыстную помощь нуждающимся, но и вкладывал в это всю свою душу. Среди них графиня Ю. П. Строганова, К. К. Грот, А. С. Балицкая, В. Н. Герард, А. П. Философова, Б. И. Бентовин и многие другие. При этом для осуществления благотворительной

деятельности не существовало никаких гендерных ограничений. Это была та сфера, где на равных могли трудиться как мужчины, так и женщины. Поэтому имея здесь возможности для самореализации женщины не редко становились председательницами обществ и пользовались в этих должностях поддержкой и уважением.

К концу XIX века в Санкт-Петербурге сложилась система государственной, общественной и частной благотворительности для детей. Действовавшие учреждения различались по гендерному, возрастному, сословному, конфессиональному признакам, состоянию здоровья воспитанников, а также носили исправительно-воспитательный характер. Детские приюты создавались на государственные и частные средства и сочетали воспитательные и учебные функции. В них призревались подкинутые дети, круглые сироты, те кто имел только одного родителя или родителей, которые не имели достаточно средств для их содержания и обучения. Приюты предоставляли как полный пансион, так и давали дневное призрение детям, оставшимся без присмотра во время работы родителей.

Благотворительность являлась предметом анализа специалистов на рубеже XIX – начала XX вв. [3, 4, 7, 9]. И, по-прежнему, она вызывает интерес у историков, юристов, педагогов, социологов, исследования которых основываются на материалах разных регионов России [6, 8, 13, 15].

Деятельность благотворителей на рубеже XIX – начала XX вв. была обусловлена их гуманистическими принципами и гражданской позицией. Среди них были как представители дворянского сословия, предприниматели, так и профессионалы сферы юриспруденции, медицины, педагогики, искусства. Помощь детям заключалась в участии в деятельности попечительских советов, пожертвовании денежных средств на решение детских проблем. В конце XIX века многие петербургские врачи и фармацевты проявляли инициативу в оказании безвозмездной помощи воспитанникам благотворительных заведений для детей.

В 1839 г. с целью реализации единой политики в отношении детских благотворительных заведений и установления общих правил их функционирования по инициативе графини Ю. П. Строгановой был создан Совет детских приютов, председательницей которого она была почти двадцать лет с 1865–1883 гг. И здесь она проявила незаурядные организаторские способности в заботе о детях и умение коммуникаций с благотворителями, когда речь шла о дополнительных средствах на улучшение питания, преодоление эпидемии холеры, решение хозяйственных вопросов. Она умела к каждому найти свой подход, будь то призреваемые дети, педагоги, медики или предприниматели.

В 1870 г. было учреждено общество Земледельческих колоний и ремесленных приютов, среди учредителей которого были профессора, юристы, государственные чиновники, предприниматели, педагоги, в их числе С. П. Боткин, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, Н. С. Таганцев, М. Е. Ковалевский, А. М. Горчаков, К. Д. Ушинский и другие деятели. Земледельческая колония была учреждением, куда направлялись дети по решению мирового судьи за совершенные ими правонарушения с целью

исправления [11]. Поэтому здесь крайне важно было участие и внимание со стороны общественности с целью создания воспитанникам условий для проживания альтернативных тем, которыми они вынуждены были довольствоваться ранее, а также получения ими профессиональных навыков для дальнейшей трудовой деятельности и самостоятельного содержания себя.

В 1893 г. активную деятельность развернула Е. А. Нарышкина, которая стала председательницей Санкт-Петербургского дамского благотворительно-тюремного комитета, в ведение которого перешли и приют для арестантских детей – девочек, затем исправительно-воспитательный приют для несовершеннолетних преступниц, ольгинские детские приюты трудолюбия. Все эти учреждения давали воспитанницам возможность получения профессии, которая в будущем поможет стать полноценными членами общества и получать честный доход тем, кто попал в трудную ситуацию. Здесь благотворителям требовалось не только сострадание, но и психологические навыки и педагогические таланты для работы с трудными, а порой озлобленными и не верившими никому девочками.

Среди врачей были энтузиасты, которые свои усилия направляли на создание приютов для людей с ограниченными возможностями. По инициативе К. К. Грота – председателя Попечительства о слепых в 1881 г. открылось первое в Петербурге Александро-Мариинское училище для слепых. Позднее, в 1906 г. было открыто училище для глухонемых детей, находившееся в Ведомстве учреждений императрицы Марии.

Благотворительность была свойственна людям вне зависимости от уровня их материального достатка и сферы профессиональной деятельности. Приоритетным здесь являлось желание облегчить участь несчастных и нуждающихся в помощи. По инициативе петербургской журналистки А. С. Балицкой в 1882 г. было создано «Общество попечения о бедных и больных детях». К этому ее подтолкнула подготовка статьи о детях бедноты, нищих и беспризорниках. Увидев несчастных голодных детей, она раздала им все имевшиеся у нее с собой деньги. И в результате вместо статьи после посещения трущоб, появилось благотворительное общество, которое по мнению Балицкой гораздо больше поможет решению конкретных проблем. Оно началось с пожертвования полутора тысяч рублей самой журналисткой совместно с протоиереем Фёдором Базилевским. На эти средства появились два первых приюта Общества для детей в возрасте от двух до восьми лет [12].

Всем пожертвовавшим в пользу Общества средств выдавали жетон – серебряный круг с ярко-синим крестом в центре. Поэтому «Общество попечения о бедных и больных детях» получило еще и неофициальное название – «Синий крест».

В 1890 г. при обществе «Синий крест» была создана специальная комиссия, которая занималась помещением детей, находящихся в сложной, а порой и опасной для них обстановке, в семьи крестьян. Но в 1892 г. председательница В. Ф. Вышнеградская выступила с инициативой о преобразовании комиссии в Отдел защиты детей от жестокого обращения в семье. Его целью стала защита детей

от эксплуатации, от любого развращающего и вредного влияния, помещение их в приюты, убежища или частные семьи [10].

С 1904 г. отдел был преобразован в самостоятельное Общество защиты детей от жестокого обращения, а его председателем стал присяжный поверенный и председатель совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты В. Н. Герард [5]. При обществе действовало убежище для отбираемых из семей 30 мальчиков и 30 девочек в возрасте от 6 до 12 лет и 30 малолетних детей обоего пола от одного года до 6 лет [14]. Конечно, по масштабам столицы – это совсем мало, но тем не менее – это десятки спасенных судеб, это воспитание полноценных членов общества.

В Петербурге к концу XIX в. увеличилось число детских благотворительных учреждений, которые находились в ведении Городской думы, а с 1893 г. – в управлении Городской исполнительной комиссии по благотворительности. Часть этих заведений была основана частными лицами, а затем передана в городское управление. Значительную долю средств для этих приютов вносили частные жертвователи. При этом попечителями заведений назначались гласные Городской думы, которые выполняли эти функции на общественных началах, не получая за это жалования.

Врач Калининской больницы Б. И. Бентовин изучил проблемы, связанные с проституцией малолетних девочек и опубликовал результаты своих наблюдений и исследований, что привлекло пристальное внимание общественности и властей к этой форме детской девиации и эксплуатации [1, 2]. Он также на безвозмездной основе в соответствии со своей профессиональной деятельностью оказывал медицинскую помощь воспитанникам и воспитанницам детских приютов в качестве «консультанта по кожным болезням [16, л. 83]

Благотворительность во второй половине XIX – начале XX вв. граждане рассматривали как неотъемлемую часть их жизни, поэтому каждый в меру своих возможностей, в том числе материальных вносил посильный вклад. А дети являлись едва ли не главным объектом заботы и внимания. Щедрые и гуманные люди создавали особенный облик города Санкт-Петербурга.

Список используемых источников:

1. Бентовин, Б. И. Торгующие телом. Очерки современной проституции. Изд. 2-е. – СПб.: «Электротечатня» Я. Кровицкого, 1910. – 234 с.
2. Бентовин, Б. И. Девочки-проститутки. – СПб. : Типография Л. Д. Сапер, 1910. – 64 с.
3. Брухановский, Б. П. К вопросу о призрении детей в России. Доклад, читанный на Всероссийском Съезде по общественному призрению в 1914 году. – Саратов : Типография губернского Земства, 1914. – 33 с.
4. Волкова, А. И. Призрение покинутых детей. – СПб. : Типография А. И. Снегирёвой, 1894. – 70 с.
5. Герард, В. Н. О желательных дополнениях в законах, касающихся охраны

интересов малолетних. (Сообщение В. Н. Герарда Общ. собранию гг. чл. «Отд. защиты детей от жестокого обращения», 12 ноября 1895 г.) // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – № 1. – С 309–323.

6. Гуркина, Н. К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11. – С. 111–119.

7. Ильинский, В. Благотворительность в России (История и настоящее положение). – СПб., 1903. – 32 с.

8. Кеня, И. А. Общественная благотворительность в Центральной России во второй половине XIX – Н. XX вв. и ее особенности // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 122–134.

9. Лихачёв, В. И. Благотворительность в С.-Петербурге. Сборник сведений о благотворительности в С.-Петербурге / Под ред. Ю. Э. Янсона. – СПб. : Типография Шредера, 1891. – 314 с.

10. Общество защиты детей от жестокого обращения в Санкт-Петербурге // Трудовая помощь. – 1910. – № 4. – С. 148–159.

11. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1875. – 46 с.

12. Очерк деятельности Общества попечения о бедных и больных детях «Синий Крест». 1882–1901 гг. // Календарь Синего Креста. 1902 год. СПб., 1901. – 26 с.

13. Павлова, О. К. Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX – начало XX века: [монография] / О. К. Павлова; Санкт-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого. – 2-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2015. – 406 с.

14. Петербургское общество защиты детей от жестокого обращения. – Пг., 1915. – 15 с.

15. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в.: монография / Г. Н. Ульянова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 2005. – 402 с.

16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 411. Оп. 2. Д. 354.

УДК 94(47).07

ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАТЕРИАЛАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЛАНАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

**Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация**

Ключевые слова. Города Екатеринославской губернии, Российская империя, Генеральное межевание, Экономические примечания, описания.

Реферат. В статье рассматриваются сведения Экономических примечаний к планам Генерального межевания земель Российской империи конца XVIII – первой трети XIX в. о городах в Екатеринославской губернии. Особое внимание уделяется описанию городов Екатеринослава (Новороссийска). Александровска, Бахмута и Азова. Сведения Экономических примечаний представляют большой интерес для изучения городской организации хозяйства, жизни и быта жителей городов Екатеринославской губернии.

Материалы Генерального межевания земель Российской империи вызывают неизменный интерес исследователей. В последнее время особое внимание исследователей обращено к городам, которые межевались как административные центры уездов. Их границы вместе с пригородными дачами наносились на Генеральный уездный план. В Экономических примечаниях городские земли описывались в первую очередь. При описании городов в Экономические примечания включались обязательные сведения о расположении на местности, количестве и категориях городских земель, населении, промышленных предприятиях и торговле.

Ранее при изучении истории городов материалы Генерального межевания использовались в исследованиях А. В. Камкина [1], Л. В. Кошман [2], В. Д. Кочеткова [3]. Особое внимание картографическим материалам и Экономическим примечаниям при изучении межевания городских земель уделено в работах Д. А. Черненко, Д. А. Хитрова и А. А. Голубинского [4]. Авторы рассматривают вопросы о соотношении жилой застройки городов и пригородных земельных владений, экономического развития различных городов [5], анализируют межевые планы и точность изображения городов в материалах Генерального межевания [6]. Фундаментальной работой авторского коллектива стало многотомное издание «Города Российской империи в материалах Генерального межевания», подготовленное на материалах межевания Центральной России [7] и материалах межевания различных губерний Поволжья, Северо-Запада, Севера и Юга Российской империи [8].

В Государственном архиве древних актов Российской Федерации (РГАДА)

сохранились материалы Генерального межевания Екатеринославской губернии. Описание города Новороссийска (с 1802 г. вернувшего старое название Екатеринослав) с предместьем и выгонной землей представлено в Большом экономическом примечании Новороссийского уезда, составленном по результатам межевания 1798 г. В нем подчеркивается, что город расположен по течению реки Днепр, вдоль которой идет дорога от города Кременчуг в Александровскую крепость. С 1784 г. город именовался Екатеринославом, в 1797 г. переименован в Новороссийск. На момент составления описания в городе имелись две одноэтажные деревянные церкви, насчитывалось 7 казенных каменных домов, 22 казенных деревянных дома. Среди обывательских домов только один был построен из камня и 493 дома из дерева. Всего в городе насчитывалось 523 двора [9, л. 1].

Население города Екатеринослава (Новороссийска) в конце XVIII в. составляло 2310 душ обоего пола (1340 м.д. и 970 ж.д.) В числе 1965 жителей (1165 м.д. и 800 ж.д.), причисленных к мещанскому сословию, выделялись мещане великороссийские – 1738 душ обоего пола (1034 м.д. и 704 ж.д.) и малороссийские – 109 д. (63 м.д. и 46 ж.д.), а также евреи – 118 д. (68 м.д. и 50 ж. д.). К купеческому сословию в городе принадлежали 345 душ обоего пола (175 м.д. и 170 ж.д.). Ко второй гильдии купцов были причислены 14 д. (6 м.д. и 8 ж.д.), к третьей гильдии – 281 д. (140 м.д. и 141 ж.д.), к малороссийским купцам третьей гильдии – 47 душ (27 м.д. и 20 ж.д.), евреям-купцам второй гильдии – 3 д. (2 м.д. и 1 ж.д.).

В описании подробно представлены данные о городской торговле. В торговых лавках продавались сукна и шелковые ткани, парчу, ситцы, шелковые и хлопчатобумажные платки, прочий мелочный товар. В железных лавках торговали медной, оловянной и железной посудой, различной сапожной и железной мелочью. В мелочных лавках велась торговля разными съестными изделиями и мелочной рухлядью. Кроме этого в городе имелись 13 казенных питейных домов, в которых продавалось разное вино, водка и пиво, и 4 герберга (ресторана), в которых можно было приобрести английское вино, фруктовые водки, кофе, шоколад [9, л. 2].

Ежегодно в Екатеринославе проходило пять ярмарок, продолжавшиеся по восемь дней. На ярмарки из разных губерний приезжали купцы, торговавшие сукнами, шелковыми и хлопчатобумажными тканями и прочими товарами. Жители соседних селений пригоняли на ярмарки для продажи лошадей и рогатый скот.

Много товаров доставлялось в город речным путем по Днепру. Весной из Смоленской, Минской и Киевской губерний барками перевозился строевой сосновый, еловый, дубовый, кленовый лес, деревянная посуда, хлеб, пшеничная и житная мука, деготь, канат, стекло. Суда с грузом шли дальше в Николаев и Херсон. Полноводный Днепр не только служил судоходной водной артерией, но и обеспечивал жителей города богатыми уловами рыбы. В нем вылавливались ценные ее виды, в том числе осетры, севрюга, стерляди, но в большей степени ловились лещи, судаки, окуни, белизна, голавли, сельди, плотва, марина, которые не только употреблялись на пропитание, но и шли на продажу.

Часть жителей города занимались извозом, другие – столярным, кузнечным,

сапожным, слесарным и портняжным промыслом. На 5 салотопных заводах изготавливались свечи, продававшиеся не только в Екатеринославе, но и в Харькове и других местах. На 3 кирпичных заводах имелось по одной печи, в которых обжигались на продажу кирпичи.

К городской земле в Экономических примечаниях было отнесено 586 дес. 1527 саж. земли под поселением, 270 дес. 2217 саж. пашенной земли, 3615 дес. 1264 саж. выгона, 2 дес. 1860 саж. мелкого кустарника и 1053 дес. 471 саж. неудобных мест [9, л. 2–4]. Земля представляла собой серопесчаный грунт, на котором наилучшие урожаи давали рожь, пшеница и просо. Вокруг селения имелись места, пригодные для выращивания огородных растений [9, л. 4 об.]. Рядом с городом в отдельную дачу была выделена земля, на которой располагались суконная и шелковая фабрики, состоявшие в ведомстве мануфактур-коллегии [9, л. 5].

В 1806 г. уездный статус получает город Александровск (с 1921 г. переименован в Запорожье). Согласно описанию, сохранившемуся в фонде Экономических примечаний, город Александровск в начале XIX в. имел в окружности 6 ½ верст и располагался на возвышенном месте на левом берегу Днепра и на правом берегу речки Мокрой Московки. В городе имелись деревянная соборная церковь, два каменных каменных дома и два каменных деревянных дома, одно каменное училище, деревянная больница, каменный провиантский магазин, 4 каменных обывательских дома, 382 деревянных обывательских домов, 22 торговые лавки, 4 деревянных питейных дома, 3 ренсковых погреба (магазин с торговлей алкоголем на вынос), две деревянные торговые бани, 5 кузниц, 3 заставы [10, л. 1]. Сведения о количестве населения и количестве городской земли в описании не содержатся.

В городе Александровске ежегодно проводились три большие ярмарки продолжительностью до шести дней. По воскресеньям еженедельно организовывались торги. Местные купцы и мещане торговали на них шелковыми хлопчатобумажными материями, сукнами и разнообразными мелочными товарами [10, л. 2 об.].

В фонде Экономических примечаний сохранились несколько описаний уездного города Бахмута (с 1924 г. переименован в Артемовск). В Камеральном экономическом примечании описывается географическое расположение города с привязкой к рекам и большим дорогам, уделяется большое внимание описанию природной среды. Благодаря этому выясняется, что земля на этой территории относилась к песчаной и каменистой, к хлебопашеству была неспособна. В реках, на которых располагался город, ловились щуки, окуни, лини, караси, ерши, плотва. В пригородной местности водились зайцы, суслики, волки. Среди птиц в полях отмечены дрофы, тетерева, стрепеты, куропатки, перепелки, удоны, орлы, коршуны, ястребы, в реках имелись дикие утки, цапли и кулики [11, л. 4 об.].

В конце XVIII в. по данным Камеральных экономических примечаний в городе Бахмут числилось 2593 душ обоего пола (1253 м.д. и 1340 ж.д.), в том числе купцов – 282 д. (141 м.д. и 140 ж.д.), мещан – 448 д. (239 м.д. и 209 ж.д.), разночинцев – 1865 д. (873 м.д. и 991 ж.д.). К городской земле относилось 4079 дес.

619 саж. земли, среди которой выделялась непосредственно земля под поселением – 133 дес. 190 саж., пашенная земля – 18 дес. 1790 саж., сенокос – 3584 дес. 2039 саж. и неудобные места – 342 дес. 1400 саж. [11, л. 1–4 об.].

В описании города Бахмута, составленном старшим землемером Исаковым, даются уточненные сведения о количестве горожан. В городе в это время проживало 5963 жителей (3174 м.д. и 2789 ж.д.). В окружности он имел 7 ½ версты. К городской земле было отнесено 4079 дес. 619 саж. Под самим поселением находилось 355 дес. 2246 саж. удобной земли и 3 дес. неудобной. К выгонной земле принадлежали 3380 дес. 1779 саж. удобной земли и 339 дес. 1400 саж. неудобных мест.

В самом городе в это время располагались каменные соборная и приходская церкви, две деревянные приходские церкви, одна церковь на кладбище, два каменных казенных дома, одно учебное заведение, больница, два каменных обывательских дома и 835 деревянных обывательских домов, 42 торговые лавки, 8 питейных домов, 3 трактира, два герберга, 3 торговых бани, 25 кузниц. За городом размещался кирпичный завод [12, л. 1]. В городе ежегодно проводились три большие ярмарки, длившиеся до 10 дней. Местные купцы торговали шелковыми и хлопчатобумажными тканями, сукнами и мелочными товарами. Часть жителей Бахмута, закупив рогатый скот, свиные кожи и прочие товары, отправлялись для торговли в Москву и другие города [11, л. 2].

В описании Бахмута 1830-х гг. появляется запись о том, что город выстроен по высочайше утвержденному 1 ноября 1831 г. прожектированному плану. При этом окружность города осталась как прежде в размере 7 ½ верст, городская черта была ограничена со всех сторон земляным валом и рвом. Под самим поселением находилось 358 дес. 2240 саж. земли, в том числе 355 дес. 2240 саж. удобной и 3 дес. неудобной. В новом описании содержатся дополнительные подробности, касающиеся истории города и его развития. В нем отмечается, что Бахмут был основан по Высочайшему повелению императора Петра I в 1702 г., для защиты от татарских набегов был укреплен земляным валом с цитаделью, который впоследствии был снесен. Герб города по утвержденному рескрипту Александра I представлял собой разделенный на две части щит. На нем посередине двух полей зеленого и черного цвета изображался химический знак соли [13, л. 1].

Среди казенных городских строений к 1830-м гг. к каменным принадлежали кладовая для денежной казны и тюремный замок для содержания преступников. К деревянным казенным строениям относились дом, где обучались дети городских жителей разным наукам и дом, где помещалась городская больница. Многие казенные учреждения, в том числе уездный и земский суды, казначейство, магистрат и полиция, размещались в обывательских домах. В дополнение к старому количеству строений по плану планировалось также построить каменные торговые лавки, каменный дом для присутственных мест и еще одну церковь. [13, л. 1 об.].

Описание 1830-х гг. содержит более подробные сведения о составе населения города. Общее их количество остается прежним – 5953 д. Среди них выделяются дворяне – 51 д. (25 м.д. и 26 ж.д.), служащие чиновники – 159 д. (78 м.д. и 81 ж.д.),

священно и церковнослужители – 71 д. (42 м.д. и 29 ж.д.), канцелярские чиновники – 39 д. (29 м.д. и 10 ж.д.), военнослужащие-инвалиды – 214 д. (134 м.д. и 80 ж.д.), отставные солдаты – 297 д. (185 м.д. и 112 ж.д.), кантонисты – 102 м.д., купцы – 432 д. (258 м.д. и 174 ж.д.), мещане – 2117 д. (1106 м.д. и 1011 ж.д.), иностранцы – 6 д. (4 м.д. и 2 ж.д.), казенные крестьяне – 2406 д. (1184 м.д. и 1222 ж.д.), дворовые люди при домах – 69 д. (27 м.д. и 42 ж.д.).

В Экономических примечаниях Ростовского уезда 1830-х гг. представлено описание города Азова и выгонной земли города Таганрога. По данным Экономических примечаний город Азов с выгонной землей занимал 1509 дес. 1291 саж. Под самим поселением находилось 110 дес. 1386 саж. земли, к сенокосу было отнесено 384 дес. 162 саж., к лесу – 8 дес. 1352 саж., неудобным местам – 1006 дес. 791 саж. в городе насчитывалось 444 двора. По 7 ревизии в нем числилось 1627 душ обоего пола (948 м.д. и 679 ж.д.), в том числе дворян – 43 д. (16 м.д. и 27 ж.д.), купцов – 19 д. (11 м.д. и 8 ж.д.), мещан – 1084 д. (678 м.д. и 406 ж.д.), священнослужителей – 28 д. (14 м.д. и 14 ж.д.), разночинцев и крестьян – 353 д. (181 м.д. и 172 ж.д.), казенных поселян – 100 д. (48 м.д. и 52 ж.д.).

В городе Азове имелась деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 54 фруктовых сада при обывательских домах, 12 деревянных торговых лавок, 3 питейных дома, 25 заводов для рыболовства, 1 салотопенный завод, 12 кирпичных заводов. Местные купцы торговали шелковыми и хлопчатобумажными материями, разными мелочными товарами. Казенные поселяне занимались хлебопашеством и рыбной ловлей. По дороге из Ейской крепости на левом берегу Дона располагалась земляная крепость, в которой имелись каменная церковь Святителя и Чудотворца Николая и каменная казенная казарма [14, л. 6-7].

Таким образом, материалы Экономических примечаний и отдельные описания городов Екатеринославской губернии содержат важную фактическую информацию, собиравшуюся в ходе проведения Генерального межевания. Они включают обширный круг сведений о городском населении и хозяйстве уездных городов, губернского центра, отдельных посадов. Городские земли включают в себя не только земельные площади под самим городским поселением, но земли предместий, сенокосов, выгонов. Изучение подобной структуры позволяет выяснить характер занятий городских жителей, оценить сложный территориально-хозяйственный комплекс каждого города, проследить динамику развития городов.

Список используемых источников:

1. Камкин, А. В. Вологда 1780-х годов в описаниях современников // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. – С. 279–301.
2. Кошман, Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – 448 с.
3. Кочетков, В. Д. Город-крепость на Суре: Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. – Чебоксары, 2012. – 284 с.
4. Черненко, Д. А., Голубинский, А. А., Хитров, Д. А. Города Нечерноземного

региона России в материалах Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 2. – М., 2011. – С. 259–264.

5. Черненко Д. А., Хитров Д. А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. // Историческая информатика. – 2019. – № 4 (20). – С. 1–11.

6. Голубинский А. А. Точность в изображении города XVIII в. на планах Генерального межевания // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII-XIX вв. Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. – Москва, 2020. – С. 63–73.

7. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Подг. к изд. Д. А. Черненко, А. А. Голубицкий, Д. А. Хитров. – Тула, 2016.

8. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Продолжение: Витебская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Тамбовская и Харьковская губернии / Подг. к изд. Д. А. Черненко, А. А. Голубицкий, Д. А. Хитров. – М., 2022. – 864 с.

9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 360.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 363.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 372.

12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 368.

13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 369.

14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 389.

УДК 930.2(476)

**АПИСАННЕ КЛІМАТЫЧНЫХ З’ЯЎ
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVII – ПАЧАТКУ XIX СТАГОДДЗЯЎ У ЗАПІСКАХ
ІГУМЕНА АРЭСТА**

**Субоцін Аляксандр Аляксандравіч, кандыдат гістарычных навук,
загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: клімат, гістарычная кліматалогія, ігумен Арэст, Магілёў, Малы ледавіковы перыяд.

Рэферат. У артыкуле разглядаюцца асаблівасці апісання кліматычных з’яў у Запісках ігумена Арэста, дзе згадваюцца перш за ўсё кліматычныя катаклізмы, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў запісах пра анамальна халодныя зімы, няўстойлівае надвор’е ў вясенні і летнія сезоны. Вялікая ўвага звяртаецца на факты голаду, што былі вынікам нізкіх ураджаяў, выкліканых неспрыяльнымі кліматычнымі ўмовамі.

Пытанні змены клімату на сённяшні час хвалююць не толькі прадстаўнікоў натуральных навук, але і навукоўцаў-гуманітарыяў. Апошнія разглядаюць праблемы ўплыву клімату на развіццё розных сфер жыцця грамадства, сацыяльныя аспекты ўзаемадзеяння чалавека і навакольнага асяроддзя. Гістарычная навука таксама ўключаецца ў працэс пошуку асаблівасцяў кліматычных зменаў у папярэднія перыяды развіцця грамадства, асабліва гэта датычыцца даінструментальнага этапу ў станаўленні метэаралагічных ведаў, калі не вяліся сістэматычныя назіранні за надвор’ем з выкарыстаннем спецыялізаванага абсталявання і асноўныя звесткі пра кліматычныя з’явы змяшчаліся якраз у апавядальных гістарычных крыніцах. На аснове аналізу і супастаўлення разнастайных крыніц можна рэканструяваць кліматычныя ўмовы, у якіх жылі людзі мінулых стагоддзяў і зразумець, як яны ўсведамлялі змены надвор’я. Ключавой гістарычнай крыніцай, якая змяшчае ў сябе каштоўныя апісанні кліматычных з’яў другой паловы XVII – пачатку XIX стст. на тэрыторыі Беларусі, можна з упэўненасцю назваць Запіскі ігумена Арэста.

Адзначаная гістарычная крыніца лічыцца яскравым прыкладам помніка беларускага гарадскога летапісання. Яна была створана ў канцы 1820-х – 1830-я гг. у Магілёўскім брацкім манастыры ігуменам Арэстам. У Запісках асвятляецца гісторыя Магілёва з XIV да сярэдзіны XIX стст. Большую частку дадзеных ігумен запазычыў з Магілёўскай хронікі Сурты і Трубніцкіх, з дакументаў «Беларускага архіва старажытных граматаў» І. Грыгаровіча, «Гістарычных звестак пра ўзнікненне ў Польшчы уніі» М. Бантыш-Каменскага, архіўных матэрыялаў магілёўскіх манастыроў і магістрата. Частка тэксту Запісак была заснавана на аснове ўласных назіранняў Арэста [1, с. 217; 2, с. 405].

Першае ўпамінанне ў Запісках ігумена Арэста пра асаблівасці клімату можна аднесці да 1670 г., пад якім быў зроблены наступны запіс: «Зима была лютая, были чрезвычайно лютые морозы, от коих птицы, люди и скот мёрзли и даже деревья вымерзали. По прошествии сей зимы, была великая дороговизна на хлеб» [3, с. XXIV]. Дадзеныя сведчанні супадаюць са звесткамі іншых пісьмовых крыніц Рэчы Паспалітай таго ж года, якія апавядаюць пра замаразкі і снег на працягу мая на тэрыторыі Беларусі, а таксама пра праблемы аплаты падаткаў з боку асобных павеятаў з прычыны неўраджаяў [4, s. 70].

Наступным сведчаннем кліматычных з'яў быў запіс пад 1681 г. Спасылаючыся на магілёўскага храніста Трубніцкага, ігумен Арэст піша пра страшныя маланкі ў чэрвені гэтага года ў Камаровічах пад Крычавам. Маланкі былі настолькі моцныя, што забілі цэлы статак рагатай жывёлы колькасцю ў 113 галоў. У Маляцічах (таксама пад Крычавам) маланкамі ў возеры былі выбіты ляшчы [3, с. XXV].

Наступны 1682 г. можна лічыць спрыяльным на кліматычныя ўмовы на працягу ўсяго вегетацыйнага перыяду. Так, Запіскі ўпамінаюць пад гэтым годам пра збор багатага ўраджаю збожжавых, які прывёў да зніжэння цэн на хлеб [3, с. XXVI].

У сваіх Запісках ігумен Арэст таксама распавядае пра незвычайную прыродную з'яву зімы 1686 г., калі назіралася нашэсце рысяў, якіх было забіта некалькі дзясяткаў у самім Магілёве і яго прадмесьцях. Такое нашэсце тлумачылася суровымі кліматычнымі ўмовамі, перш за ўсё вялікімі снягамі і моцнымі маразамі, якія не дазволілі рысям паляваць на мышэй і прыводзяць першых у пошуках харчавання ў горад. Далей крыніца пад тым жа 1686 г. расказвае пра вялікую павадку вясной, што якраз і стала вынікам шматснежнай зімы [3, с. XXVI]. Дадзенае сведчанне цалкам пацвярджаецца метэаралагічнымі апісаннямі з іншых пісьмовых крыніц. У прыватнасці, у другой вядомай нам гарадской хроніцы, Віцебскім летапісе Панцырнага і Аверкі, было запісана, што вялікі разліў Заходняй Дзвіны вясной 1686 г. нарабіў вялікай шкоды жыхарам Віцебска, калі вадой былі знесены іх дамы [5, с. 196].

Распаўсюджаным сюжэтам ў апавядальных крыніцах перыяду Сярэднявечча і Новага часу з'яўляюцца ўпамінанні пра нашэсці саранчы. Такія звесткі лічацца ідэнтыфікатарам кліматычных умоў, бо ўспышкі размнажэння гэтых насякомых адбываецца, як правіла, у засушлівыя гады пры рэзкіх зменах сонечнай актыўнасці [6, с. 49]. Упамінанне пра нашэсце саранчы мы таксама знаходзім і ў Запісках Ігумена Арэста, дзе адзначаецца, што ў 1690 г. на Украіне за Дняпром, каля Слуцка і Мінска вялікая колькасць саранчы знішчыла ўсё збожжа і травы так, што не было чаго жаць і касіць. У раёне Магілёва ў 1690 г. саранча з'явілася ў малой колькасці і не зрабіла шкоды пасевам. Гэта адбылося па той прычыне, што ў гэтай частцы Беларусі сухое надвор'е змяняецца працяглымі дажджамі і саранча ад вільгаці пагінула [3, с. XXVII].

Пра сапраўдную кліматычную катастрофу у Запісках апавядаецца пад 1694 г. У тэксце крыніцы адзначаецца, што ў Магілёве 11 жніўня, у суботу, а другой гадзіне дня з поўначы наплыла нечакана цёмная і вялікая хмара. Яна суправаджалася страшнымі грымотамі і буйным градам. Таксама ў ваколіцах Магілёва моцны буран пазносіў сялянскія хаты, панскія стадолы, значна панішчыў збожжавыя палі [3, с. XXX].

Катастрафічным з кліматычнага пункта погляду аказаўся таксама і 1695 г. Ігумен Арэст адзначае, што вясной гэтага года назіраецца моцны разліў Дняпра, калі вада шмат прычыніла шкоды людзям і вымусіла іх пакінуць свае дамы. Акрамя таго, павадка пазносіла агароды, замёты і тыны ў Пакроўскім і Троіцкім прыходах. Пад тым жа годам адзначаецца анамальна халоднае надвор'е летам. Арэст піша, што 4 чэрвеня, у суботу вечарам у Магілёве выпаў вялікі снег, які ляжаў некалькі дзён. Таксама адзначалася, што за Беразіной і Нёманам надвор'е ў гэты дзень было яшчэ горш [3, с. XXX]. Пад такой датай адзначаную вышэй кліматычную анамалію ўпамінаюць і іншыя пісьмовыя крыніцы. Так, напрыклад, генеральны аканом і губернатар Слуцкага і Капыльскага княстваў С. Незабытоўскі ў сваім дзённіку 4 чэрвеня 1695 г. зрабіў наступны запіс: "Niepogoda sroga z zimnem u sniegiom cały dzień była" [7]. Таксама пра снег 26 мая (па старым стылі) у 1695 г. упамінуў і Віцебскі летапіс Панцырнага і Аверкі [5, с. 196].

Па сведчанні Ігумена, усё лета 1695 г. было халодным з частымі замаразкамі. Такія кліматычныя ўмовы нанеслі значную шкоду збожжу, прывялі да яго дарагавізны і да вялікага голаду, ад якога некалькі тысяч мясцовых жыхароў цэлымі сем'ямі шукалі паратунку ў Расіі. У наступны 1696 г. цэны на хлеб у Магілёве працягваюць расці. Так, напрыклад, 15 гарцаў пшаніцы каштавалі па аднаму талеру. Каля Слуцка, Мінска і на літоўскім памежжы сітуацыя была яшчэ горш: цэны на хлеб былі ў тры разы больш, і ад голаду людзі кідалі сваіх дзяцей на дарогах [3, с. XXX].

Пад 1700 г. ігумен Арэст адзначае чарговае павышэнне цэн на збожжа, што тлумачылася неўраджаямі. Далей па тэксце можна прачытаць, што 1701 г. прынёс добры ўраджай хлеба і цэны на збожжа ўпалі, так, што 20 гарцаў жыта каштавалі 50 грошаў [3, с. XXXIV]. На аснове гэтага можна свярджаць, што ўмовы надвор'я вясны і лета 1701 г. былі спрыяльнымі для росту сельскагаспадарчых культур, і ў Беларусі не назіралася якіх-небудзь кліматычных анамалій, на адсутнасць якіх указваюць і іншыя пісьмовыя крыніцы.

Па сведчанні Запісак ігумена Арэста, у 1706 г. таксама не было недахопу ў хлебе, а цэны на яго і іншыя прадукты харчавання ўстанавіліся нізкія, што ўказвае на багаты ўраджай і адсутнасць кліматычных катаклізмаў [3, с. XLVI].

Цікавымі апісаннямі кліматычных з'яў у Запісках быў адзначаны 1708 г. Вясна гэтага года суправаджалася вялікай павадкай, калі назіраўся значны пад'ём вады. Таму расійскаму войску, якое знаходзілася ў гэты час у Магілёве, прыйшлося будаваць дадатковыя масты. У чэрвені 1708 г. устанавілася вільготнае і дажджлівае надвор'е. Яно прывяло да нашэсця на горад маленькіх жабак, якіх, па сведчанні Запісак, была такая вялікая колькасць, што нельга было ступіць кроку [3, с. LIV–LV].

У сваіх апісаннях ігумен Арэст, безумоўна, не абмінуў анамальна халодную зіму 1708/1709 гг. Пад 1709 г. адзначаецца, што зімой гэтага года выпалі незвычайна вялікія снягі, а птушкі, звяры і людзі замярзалі на дарогах, таксама згадваецца голад і высокія цэны на збожжа і іншыя прадукты харчавання [3, с. LXV]. Апісаная вышэй зіма лічыцца самай халоднай у XVIII ст. У пачатку 1709 г. рэзкае зніжэнне сярэдняй тэмпературы паветра, моцныя вятры і вялікая колькасць ападкаў у выглядзе снегу назіраюцца

па ўсёй Еўропе, замаразкі былі зафіксаваны нават у басейне Міжземнага мора [8, р. 220]. Зіма 1708/1709 гг. стварала сур'ёзныя праблемы для рускай і шведскай армій падчас чарговай ваеннай кампаніі Паўночнай вайны, калі Карл XII рухаўся на тэрыторыю Украіны. Войскі абедзвюх краін пакутвалі ад моцных маразоў, а лік загінуўшых ад абмаражэння ішоў на тысячы [9, с. 350].

Згаданыя намі прыклады значнага зніжэння сярэдняй тэмпературы, суровых зім, а таксама няўстойлівага надвор'я вясной і летам прадстаўнікі гістарычнай кліматалогіі звязваюць з Малым ледавіковым перыядам, адным з пікаў якога лічыцца астранамічны мінімум Маундэра (1645–1715 гг.), калі назіраўся дэфіцыт сонечных плямаў і была зафіксавана мінімальная сонечная актыўнасць [10, р. 409].

Наступны, пасля ўпамінання анамальна халоднай зімы 1709 г., запіс Ігумена Арэста, які апавядае пра кліматычныя з'явы, мы знаходзім пад 1748 г., калі ў Магілёве назіраецца нашэсце саранчы, якая нанесла вялікі ўрон збожжавым і травам [3, с. LXVIII]. У цэлым у гэты год нашэсце саранчы ахапіла вялікую тэрыторыю: Украіну, Малдову, еўрапейскую частку Расіі. Тады гэтыя насякомыя знішчылі амаль увесь ураджай сельскагаспадарчых культур, што прывяло да чарговых успышак голаду [11, с. 390–391]. Як гэта звычайна бывае ў выпадках актыўнага распаўсюджвання саранчы, вясеннія і летнія дні 1748 г. суправаджаліся моцнай засухай. Сухое і спякотнае надвор'е, як вынік, прывяло ў 1748 г. да вялікага пажару ў Магілёве. Магілёўская хроніка апісвае, што ў дзень Ушэсця Гасподняга (канец мая) горад быў ахоплены агнём, пагарэлі амаль усе дамы гараджан, была пашкоджана брацкая царква, дзе быў расплаўлены самы вялікі звон, а ікону Багародзіцы і ўсё каштоўнасці з гэтай царквы ўдалося ўратаваць. Таксама цалкам згарэла кафедральная Спаская царква, езуіцкі і фарны касцёлы [3, с. LXVIII].

Згаданыя намі звесткі пра кліматычныя з'явы другой паловы XVII – XVIII стст., безумоўна, былі пераняты Арэстам з больш ранніх крыніц, у тым ліку і з Магілёўскай хронікі Сурты і Трубніцкіх. Што датычыцца апісанняў клімату пачатку XIX ст., то гэтыя сведчанні былі зафіксаваны ігуменам, хутчэй за ўсё, на аснове ўласных назіранняў. Так, у Запісках указваецца, што 25 лютага 1807 г. у Магілёве назіраўся вялікі гром і маланкі, а ў Шклове ад удару маланкі згарэў дом аднаго з мясцовых жыхароў [3, с. LXXVII]. Таксама Арэст згадвае, што ў Беларусі лета 1811 г. выдалася спякотнае і без дажджоў. Магілёў і яго наваколле ўсё гэта лета былі зацягнуты дымам ад гарэўшых балот і лясоў. Летняе спякотнае і засушлівае надвор'е выклікалі неўраджай збожжавых і значнае павышэнне цэн на прадукты харчавання [3, с. LXXIX]. Як паказваюць тагачасныя крыніцы, лета 1811 г. выдалася спякотным і засушлівым па ўсёй еўрапейскай частцы Расійскай імперыі. Напрыклад, у Кіеве Днепр так абмялеў, што людзі пераходзілі гэту раку ўброд [11, с. 409].

Такім чынам, у тэксце, складзеным ігуменам Арэстам упамінанні пра кліматычныя з'явы мы знаходзім сярод запісаў, якія па сукупнасці адносяцца да 16-ці розных гадоў у прамежку часу другой паловы XVII – пачатку XIX стст. Толькі тры гады (1682, 1701 і 1706 гг.) характарызуюцца як спрыяльныя з кліматычнага пункта погляду і не маюць ярка выражаных адхіленняў у надвор'і. Астатнія ж гады былі

азнаменаваныя рознага роду экстрэмальнымі кліматычнымі з’явамі: анамальна халоднымі і шматснежнымі зімамі, вялікімі вясеннімі павадкамі, неспрыяльным надвор’ем у летнія перыяды, калі назіраліся зніжэнні тэмператур з павышанай вільготнасцю, працяглымі дажджамі і моцнымі вятрамі, або наадварот спякотнае і вельмі сухое надвор’е. Запіскі ігумена Арэста пад асобнымі гадамі ўзгадваюць пра выпадкі нашэсця саранчы, што сведчылі пра кароткія наступленні засушлівых вясенніх і летніх сезонаў. У кантэксце апісанняў клімату ўпамінаюцца факты голаду і павышэння цэн на асноўныя прадукты харчавання. Галоўнай прычынай падобных сітуацый з’яўляліся неспрыяльныя прыродна-кліматычныя ўмовы, якія прыводзілі да рэзкіх зніжэнняў ўраджаяў ключавых сельскагаспадарчых культур.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 261 с.
2. Марзалюк, І «Запіскі Ігумена Арэста» / І. Марзалюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1996. – Т. 3. – С. 405.
3. Записки Игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа : в 14 т. / Печатня губернского правления – Вильна, 1867. – Т. 2. – С. I–CII.
4. Namaczyńska, S. Kronika klęsk elementarnych w Polsce i w krajach sąsiednich w latach 1648–1696. 1. Zjawiska meteorologiczne i pomory / S. Namaczyńska. – Lwów : Skł. gł. Kasa im. rektora J. Mianowskiego, Instytut Popierania Polskiej Twórczości Naukowej, 1937. – 234 s.
5. Полное собрание русских летописей / Институт истории СССР. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 233 с.
6. Бараш, С. И. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н. э.) / С. И. Бараш. – Л. : Гидрометеиздат, 1989. – 237 с.
7. Dziennik Stanisława Niezabitowskiego 1682–1700 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://polona.pl/item-view/b4663a28-a618-466d-8a8d-68a6c8fbcc2f?page=629>. – Дата доступу: 8.05.2024.
8. Pfister, C. Climate and society in Europe – the last thousand years / C. Pfister, H. Wanner. – Bern : Haupt verlag, 2021. – 396 p.
9. Тарле, Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Е. В. Тарле. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 656 с.
10. Le Roy Ladurie, E. Histoire humaine et comparée du climat: T. 1. Canicules et glaciers XIIIe–XVIIIe siècles / E. Le Roy Ladurie. – Paris : Fayard, 2004. – 740 p.
11. Борисенков, Е. П. Летопись необычных явлений природы за 2,5 тысячелетия / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – СПб. : Гидрометеиздат, 2002. – 536 с.

УДК 94; 903.7

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОДСКОЙ СОБОР: РЕЛИКВАРИЙ И НЕКРОПОЛЬ

**Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации
Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН,
г. Переславль-Залесский, Российская Федерация**

Ключевые слова: древнерусский город, городской собор, реликварий, мощи, некрополь.

Реферат. В статье рассматриваются две взаимосвязанные функции (реликвария и некрополя) главного собора древнерусского города. Ранее этому вопросу не уделялось достаточного внимания в историографии. В настоящей работе показано, что основной соборной реликвией с средневековой Руси были мощи, и установлены два источника их происхождения – перевоз из другой страны или города и придание священного статуса останкам захороненных в соборе светских или духовных лиц.

Главный собор древнерусского города был настоящим средоточием городской жизни. Судя по сохранившимся летописным известиям, в нем не только осуществлялось богослужение и совершались таинства, но и существовали скриптории, занимавшиеся перепиской книг и составлением летописей, хранилась казна, товары и оружие. Разнообразные функции древнерусских соборов неоднократно рассматривались в литературе. Эта проблематика имеет обширную историографию, которая достойна специального исследования. В данной работе мы остановимся на вопросе, которому еще не уделялось значительного внимания, и рассмотрим главный городской собор как реликварий – своего рода гигантский ковчег, хранивший мощи почитаемых святых и некрополь – место захоронения светских и духовных властителей (останки некоторых из них также со временем становились мощами).

В христианском Средневековье реликвии – это контактные святыни, позволяющие людям ощущать почти физическую связь с небесным миром. Итальянский историк Р. ди Антига точно описал суть их культа в средневековой Европе: «...святыня находится здесь, на земле и в то же самое время в божественной славе, где ходатайствует за молящихся» [2, с. 16]. В древней Руси почитание реликвий (чудотворных икон и предметов) начало складываться сразу же после принятия христианства. Особое место принадлежало мощам святых, которыми старался обзавестись каждый город, так как их наличие придавало особую святость главному городскому храму и всему городскому пространству в целом. Если не религиозным культом, то коллективным благоговением окружались и находившиеся в соборах захоронения древнерусских князей и митрополитов, выделенные архитектурно специальными нишами-аркосолиями или обозначенные саркофагами-кенотафами.

Традиция почитания мощей была заложена еще при строительстве Десятинной

церкви, которая в первые десятилетия после Крещения (988 г.) выполняла функции киевского собора. История строительства, освящения, украшения и использования этого храма довольно подробно описаны в летописях стали своего рода «моделью» для всех последующих соборных церквей в русских городах. Как и в большинстве случаев она была заложена по инициативе княжеской власти на месте, значимом для правящего рода. Согласно данным археологических раскопок, Десятинную церковь поставили на родовом кладбище киевского княжеского дома или членов династии Рюриковичей, умерших до Крещения Руси. Под ее фундаментами и на прилегающей территории сохранилось около полутора сотен богатых погребений [8, с. 37, 42]. Поскольку все погребенные были язычниками, объявить их могилами храмовыми святынями, как это станут делать позже, было нельзя. Во время основания Десятинной церкви на Руси вообще еще не было своих святых (легенда о том, что она была поставлена на месте кончины русских первомучеников Федора Варяга и его сына Ивана имеет позднее происхождение [6]). Но мощи в ней появились сразу же – из Корсуня были привезены останки святителя Климента, папы Римского, и его ученика Фива.

Климент – один из древнейших почитаемых святых раннего христианства. Он жил на рубеже I и II веков, был современником апостолов Петра и Павла и считается одним из «мужей апостольских», то есть ближайших последователей учеников Христа. Его мощи, оказавшиеся в греческом Херсонесе, со временем были забыты и потеряны. В 861 г. их вновь открыл, прибывший в Херсонес равноапостольный Кирилл (Константин) Философ, легендарный создатель славянской азбуки. Часть мощей он доставил в Константинополь, а оттуда перевез их в Рим (ныне они находятся там в церкви Сан-Клементе). Оставшиеся мощи в 988 г. были увезены князем Владимиром Святославичем в Киев [4].

Нахождение мощей Климента в Десятинной церкви создавало вокруг этого храма особый ореол святости и обеспечивало Киеву достойное место среди других христианских столиц средневековой Европы. Об этом можно судить по зарубежным источникам того времени. Один из клириков церкви во французском Реймсе оставил пространную глоссу на полях «Псилтири Одальрика» (Psautier d'Odalric) XI в. В ней отмечено, что князь Ярослав Мудрый показывал головы папы Климента и его ученика Фива французскому посольству, возглавляемому епископом Роже из Шалона-на-Марне в Шампани. Французы приезжали сватать за своего короля Генриха I княжну Анну Ярославну, и реймские клирики просили шалонского епископа попутно разузнать побольше о мощах Климента и связи с Русью святого, которого знали и почитали во Франции [3, с. 354]. В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру», составление которой приписывается писателю XI в. Иакову Мниху и в «Повести временных лет» говорится, что из Корсуня в десятинную церковь были «перенесены» мощи и других святых, имена которых не называются [1, с. 172, 324]. Они, как и большая часть мощей святителя Климента погибли во время взятия Киева Батыем в 1240 г.

История переноса в собор древнерусского города мощей общехристианского святого из другой страны для домонгольского времени уникальна и связана с особыми

историческими обстоятельствами крещения князя Владимира и его дружинников. Это часть «Корсунской легенды», один из первых вариантов которой содержится в «Повести временных лет». Части мощей великих святых христианства будут попадать в русские храмы и монастыри и позднее. Особенно много их появится в XVII в., когда «Корсунская легенда» в условиях церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича будет переживать второй рождение. Но большинство прославленных мощей в древнерусских храмах были местного происхождения. Их появление в городских соборах зачастую связано с традицией захоронения в них великих и удельных князей и чтимых праведников.

В Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря с начала XII в. находились мощи первого митрополита Киевского Михаила. Но туда, согласно монастырскому преданию, они попали из Десятинной церкви, в которой первосвятитель был похоронен после своей смерти в 992 г. В Степенной книге, первая редакция которой была создана в середине XVI в., излагается другая легенда – о перенесении в этот храм строителем церкви князем Владимиром мощей своей бабки, святой княгини Ольги [7, с. 28–29]. Но мы не можем подтвердить эти факты информацией других более надежных источников. Достоверно известно, что в Десятинной церкви были похоронены сам Владимир Святой и его жена-христианка Анна, сестра императоров Византии. Об этом рассказывают древнейшие русские летописи [9, стб. 129–130; 10, стб. 114–115]. О тех же событиях 1010-х годов сообщал и информант составителя одной из известных западноевропейских хроник епископа Титмара Мерзебургского († 1018). Титмар пишет, что саркофаги Владимира и Анны стояли «на виду посреди храма» [3, с. 77]. Любой прихожанин мог увидеть могилы первой христианской четы правителей Руси и поклониться им. Саркофаги с останками князя и княгини погибли вместе с Десятинной церковью в 1240 г.

Исследователь «русских» известий Хроники Титмара Мерзебургского А. В. Назаренко обратил внимание на еще одну любопытную деталь цитированного выше сообщения. Информант Титмара назвал киевский храм церковью «святого мученика Христова папы Климента». Вероятно, здесь нашла отражение существовавшая у средневековых киевлян манера именовать свою соборную церковь по почитаемым в нем мощам. Полтысячи лет спустя москвичи XVI в. так же будут называть храм Покрова на Рву собором Василия Блаженного, ибо одной из главных его святынь станут мощи этого известного московского юродивого.

После постройки в Киеве Софийского собора он также стал местом захоронения и почитания киевских князей. В XI–XII вв. здесь были устроены две родовые усыпальницы – Ярослава Мудрого и его сына Всеволода (в последней был похоронен, в том числе, Владимир Мономах). От некрополя Ярослава сохранился его саркофаг, в котором при недавнем исследовании обнаружены женские останки, предположительно принадлежащие его жене Ирине (Ингигерд – «первороденной» дочери Олафа Шведского). Останки самого князя пропали во время немецкой оккупации Киева в первой половине 1940-х гг. [5, с. 24–34]. О раннем почитании Ярослава Мудрого во святых сведений в источниках нет. Немецкий хронист Адам

Бременский назвал Ярослава «святым королем», но в его лексиконе определение *sanctus* (святой) означало, скорее набожный, благочестивый. Так Адам именовал и некоторых европейских правителей XI в. – своих современников [3, с. 132]. Видимо, и в Киеве князя и его потомков, похороненных в Софийском соборе, чтили не как святых, равных настоящим христианским праведникам, а как благоверных властителей. Находившиеся не под полом, а стоявшие на поверхности саркофаг Ярослава, как и предполагаемая гробница его внука Владимира Мономаха выполнены из мрамора и покрыты изображениями христианских символов (крестов и пальмовых ветвей) в различных конфигурациях. Также декорированы мраморные гробницы императоров Византии и византийской знати, обнаруженные в некрополях храмов Святой Софии и Святой Ирины в Константинополе (Стамбуле).

В практике захоронений в главном городском соборе князей и других знатных людей в средневековой Руси существовали региональные различия. Они были вызваны особенностями политического устройства русских земель, местными культурными традициями и технологическими возможностями устройства гробниц. Как мы уже писали выше, в Киеве домонгольского времени чести быть упокоенными в соборе удостаивались почти исключительно князья и члены их семей. Киевских митрополитов, возглавлявших русскую церковь, хоронили преимущественно в пещерах Киево-Печерского монастыря вместе с другим черным (монашествующим) духовенством. В Софийском соборе был похоронен только умерший в Северо-Восточной Руси митрополит Кирилл II († 1270). В 1497 г. здесь были положены и мощи убитого татарами митрополита Макария Киевского. Церковных иерархов часто стали хоронить в Софии Киевской только в XVII–XVIII вв. Похожий порядок формирования внутреннего некрополя главного соборного храма существовал и в других столицах великих и удельных княжеств. Об этом свидетельствуют летописные данные и сохранившиеся княжеские усыпальницы в древних храмах Переславля-Залесского, Кидекши и Владимира. Совсем другая практика применялась в Софийском соборе республиканского Новгорода. В нем хоронили не только умерших на новгородском наместничестве князей (к примеру, сына Ярослава Мудрого Владимира или Мстислава Храброго), но и епископов, ведавших внешней политикой Новгородской республики, и избиравшихся вечем посадников [12].

Захоронения в городских соборах стали приобретать статус христианских святынь в процессе формирования династической концепции царской власти. В XVI–XVII вв. активно создавался пантеон общерусских святых. Среди них заметное место заняли древнерусские князья, чьи жития вошли в Степенную книгу. Особенного прославления в XVI в. удостаивались князья и храбрые воины, погибшие во время монгольского нашествия на Русь: Юрий Владимирский, Василько Ростовский, Меркурий Смоленский, Михаил Черниговский. Происходили «открытия» и перенос мощей святых, которым утанавливалось сначала местное, а затем и общерусское почитание. К примеру, в 1501 г. сгорел Успенский собор в Ярославле. Во время его восстановления были обнаружены гробницы с останками князей Василия и Константина Всеволодовичей. Значимость этому событию придало посещение собора

великим князем Иваном III во время его богомольного похода, положившее начало местному почитанию княжеских мощей. Уже при Василии III некий монах Пахомий составил житие ярославских князей. Вопреки летописным данным он утверждал, что братья Всеволодовичи погибли вместе с другими местными князьями при взятии Ярославля войском Батия в июле 1238 г. Но в то лето погиб только их отец Всеволод Константинович Ярославский. Василий Всеволодович умер своей смертью во Владимире в 1249/1250 г. Его тело было перевезено в Ярославль и похоронено в Успенском соборе. Судьба и точная дата смерти Константина Всеволодовича и вовсе неизвестны. Это не помешало ярославцам чтить этих представителей местной княжеской династии как мучеников, «утвердивших» своей святостью их город. Местное предание связывает с князьями Всеволодовичами образ Христа Вседержителя XIII в., стоявший вместе с другими иконами у их раки [11].

Итак, с первых лет христианизации Руси городской собор был не только местом богослужений и молитв, но и выполнял функции главного реликвария и некрополя. Важнейшей реликвией служили мощи чтимых святых, которые сообщали храму и самому городу особый религиозный статус. Их могли, особенно на первых порах, привозить из других стран и городов. Но довольно быстро стало формироваться и почитание похороненных в соборе благоверных правителей и воинов, а также, несколько реже, видных представителей церковной иерархии.

Список используемых источников:

1. Библиотека литературы Древней Руси / ред. Д. С. Лихачев. – Москва: Наука, 1997. – Т. I. – 543 с.
2. Де Антига, Р. Венеция. Гавань святых / Р. де Антига; предисл. и общ ред. Ю. Р. Савельева; пер. с ит. О. Э. Цырлиной. – Санкт-Петербург : Алетей, 2021. – 156 с.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. IV. – 512 с.
4. Королев, А. А., Ткаченко, А. А., Виноградов, А. Ю. и др. Климент / А. А. Королев, А. А. Ткаченко, А. Ю. Виноградов и др. // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. – Т. XXXV. – С. 413–462.
5. Куковальская, Н., Марголина, И., Никитенко, Н. О мощах святого князя Ярослава Мудрого в свете новых исследований / Н. Куковальская, И. Марголина, Н. Никитенко // Ростов Великий: имена, события, судьбы. – Москва : Паломник, 2012. – С. 24–34.
6. Лукин, П. В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект / П. В. Лукин // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. – 2009. – № 4 (38). – С. 73–96.
7. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви / митрополит Макарий (Булгаков). – Москва : Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Т. II. – 792 с.

8. Михайлов, К. А. Киевский языческий некрополь и ц. Богородицы Десятинная / К. А. Михайлов // Российская археология. – 2004. – № 1. – С. 34–45.
9. Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1846. – Т. I. – 298 с.
10. Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1843. – Т. II. – 400 с.
11. Полушкина, Л. Л. «...Граду нашему Ярославлю великое утверждение». Икона «Благоверные князья Василий и Константин, Ярославские чудотворцы, с житием» из ярославского Успенского собора / Л. Л. Полушкина // Успенский собор в Ярославле. – Ярославль : Издатель Александр Рутман, 2007. – С. 223–240.
12. Янин, В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора / В. Л. Янин. – Москва : Наука, 1988. – 240 с.

УДК 94+902/904

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОЛОТИЧЕСКА

**Темушев Степан Николаевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков
исторического факультета Белорусского государственного университета
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь**

Ключевые слова: древнерусское этнополитическое пространство, Полоцкое княжество, Менская волость, государственность, бобруйский шлем, Голотическ.

Реферат. В статье высказывается гипотеза о локализации известного из письменных источников древнерусского города Голотическа на берегу Березины в пределах современного белорусского города Бобруйска. Недавние находки уникальных артефактов в черте г. Бобруйска позволяют включить данный регион в этнополитическое пространство Древней Руси. Его освоение связывается с активной деятельностью полоцких князей по «окняжению» новой податной территории.

Значительным событием, способным изменить наши представления о древнерусской эпохе в истории белорусских земель, стало недавнее случайное обнаружение в черте города Бобруйска ценнейших артефактов, явно имеющих престижный, «статусный» характер. В их числе – шлем, меч, боевые топоры, наконечники стрел, копий. Сам характер, количество и концентрация данных находок в одном месте свидетельствует о его включенности в древнерусское этнополитическое пространство. До этих находок Бобруйщина не попадала в поле зрения исследователей, занимающихся домонгольским, точнее, «долитовским»

периодом истории Восточной Европы. Регион бассейна Березины был обделен вниманием письменных источников, не были здесь найдены и существенные археологические памятники. «Статусные» находки последнего времени меняют устоявшуюся картину древнерусского периода в истории Беларуси. Так, совершенно неожиданно Бобруйщина вошла в древнерусскую историю. Оказалось, что и здесь в «долитовский» период шла активная жизнь, развивалась торговля, происходили военные конфликты. Между тем остается проблема более точной интерпретации бобруйских находок.

Представляется возможным связать древнерусские артефакты, недавно найденные в Бобруйске, с летописными сообщениями, в ряду которых наиболее важное – о битве под Голотическом 1071 г.

Средневековая история белорусских земель оставила множество загадок, одна из которых связана с исчезнувшими городами. Так, известно, что где-то на белорусских землях в XI веке располагался город Голотическ. О нем помнили еще в конце XIV – начале XV вв. Именно этим временем датируется создание хорошо известного историкам «Списка русских городов дальних и ближних» [13], в котором в числе «литовских» городов был назван и Голотическ. Затем город бесследно исчез, не оставив никаких подробностей о своем существовании и месте расположения. С большой долей вероятности этот исчезнувший город находился если не на месте современного Бобруйска, то в его окрестностях. Город размещался на юго-востоке Менской волости, прикрывая подход к столице волости со стороны Киева (по Днепру, затем по Березине и Свислочи). Именно этим путем (водным) должны были двигаться войска со стороны Киева (а также и Турова) к Менску. Найденные уникальные артефакты (шлем, меч, боевые топоры и др.) могут маркировать место битвы у Голотическа, могут быть местом погребения знатных дружинников, оказавшихся в данном регионе еще с конца X – начала XI вв. Дальнейшие исследования позволят подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу. Будем надеяться, что в ближайшее время новые открытия прославят Бобруйщину в качестве еще одного древнейшего очага государственности на белорусских землях.

Голотическ упоминается в древнерусских летописях только однажды применительно к событиям 1071 г. Согласно Лаврентьевской и Ипатьевской летописям в этом году «победи Ярополкъ Всеслава оу Голотичьска». В предыдущем предложении сообщалось об отвоевании Всеславом Брячиславичем Полоцка («в се же лето выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска») [11, стб. 174; 10, стб. 164]. К этому времени на киевском престоле уже утвердился Изяслав Ярославич (сын знаменитого киевского князя Ярослава Мудрого), который с помощью сыновей контролировал значительную территорию: Святополк Изяславич сидел на полоцком престоле (до его отвоевания Всеславом в 1071 г.), а Ярополк – на туровском или, возможно, также на менском. Позднее (с 1078 г.) под контролем киевского князя окажется и Новгород. Тем самым Изяслав Ярославич вполне мог взять под контроль весь «русский» отрезок пути «из варяг в греки». Помехой для этого был полоцкий князь.

Вместе с Полоцким княжеством под власть киевского князя должна была перейти

и Менская волость, заселенная одним из племён дреговичского союза племён. Эта территория была подчинена Полоцком, видимо, незадолго до рассмотренных выше событий. Э. М. Загорульский и Л. В. Алексеев считали, что Минск на Свислочи был построен в 1063–1066 гг. [7, с. 148; 1, с. 111]. Эта крепость призвана была закрепить за полоцким князем вновь приобретённые земли «северных дреговичей» [2, с. 6]. К несколько более раннему времени – X – началу XI вв. – относил возникновение Менской волости белорусский историк Ю. А. Заяц (хотя при этом считал, что крепость на Свислочи была построена позднее) [9, с. 39; 8, с. 26]. К таким же выводам приходил и Г. В. Штыхов, по мнению которого Минск был перенесен на новое место после разорений 1067 и 1084 гг. (первый раз перед битвой на Немиге, второй раз – в результате похода Владимира Мономаха) [17, с. 72]. В любом случае, за новую волость полоцким князьям еще долго предстояло бороться с Киевом.

Основной массив дреговичских земель (будущее Туровское княжество, а в то время – волость Киевской земли) подчинялся киевскому князю, именно здесь, на туровском престоле, был посажен Ярополк Изяславич. Закономерно после утраты Полоцка киевский князь пытался сохранить контроль (означавший, прежде всего, возможность сбора дани) над частью Полоцкой земли – Менской волостью. К тому же, не нужно забывать, что этот регион к X в. был заселен дреговичами, а значит и в фискальном отношении от «тянул» к Турову. Войну против Всеслава продолжил Ярополк Изяславич, чьи владения находились поблизости. Сам киевский князь был в это время занят другими проблемами (войной с половцами).

Именно то обстоятельство, что против полоцкого князя выступил туровский на тот момент князь, позволяет предположить, что война происходила где-то на окраине Полоцкой земли. Здесь же в пределах Менской волости должен был располагаться летописный город Голотическ. Также исследователи резонно отмечали, что если бы Голотическ располагался рядом с Полоцком, поражение Всеслава привело бы к немедленному захвату Ярополком этого стольного города [3, с. 163]. К тому же в «Списке городов русских, дальних и ближних» Голотическ указывается не в группе городов Полоцкой земли, а отдельно среди других «литовских городов» (после Серпейска) [16, с. 224].

В своё время В. Е. Данилевич указывал на возможное расположение Голотическа около местечка Головчин Бельничского района на Могилевщине (в его время – в Могилевской губернии) [6, с. 27]. Однако исследование Г. В. Штыхова рядом расположенных двух городищ позволило выяснить, что слоёв домонгольского («долитовского») периода тут нет [17, с. 21]. По другой версии (приведена у С. В. Тарасова) Голотическ располагался на месте современной деревни Голоцк Пуховичского района, за 30 км на юго-восток от Минска [15, с. 47]. И здесь археологами не найдено ничего примечательного [5]. Кроме относительного омонимизма (созвучия) упомянутых населенных пунктов нет оснований обнаруживать в них летописный Голотическ.

История Бобруйщины, или западной части современной Могилевской области практически не попадает на страницы письменных источников (а это главным

образом летописи) применительно к древнерусскому периоду – до XIII–XIV вв. Сам Могилев впервые упомянут только во второй половине XIII в. (датировка 1267 г. очень условна) [12, 243–244]. Однако археология дает свидетельства давнего заселения этого края. Безусловно, славянское население среднего течения Березины вступало в отношения с формирующейся государственной властью. Но кому именно подчинялось местное население – источники не дают ответа. Из летописей известно, что ближайшие центры власти («княжеские столы») находились в Менске и Друцке (о князьях в них упоминается соответственно в 1104 и 1146 гг.). Менская и Друцкая волости входили в состав Полоцкой земли – их князья могли занимать и главный престол земли – Полоцк. Нет сомнений, что и территория среднего течения Березины «тянула» к Полоцку, при этом непосредственно подчинялась менскому князю. Но речь идет о периоде политической раздробленности, реконструировать более раннюю историю данного региона можно только гипотетически.

В X в. большую часть современных белорусских земель населяли славяне, но в этно-племенном отношении они не были едины. С юга в центральную часть Беларуси проникали дреговичские племена, а с севера – кривичи. Первоначально территорию среднего течения Березины, как и бассейн Свислочи, заселили пришедшие с севера кривичи. Но, весьма показательно, что позднее – в XI–XII вв. сюда проникли дреговичи. В результате население оказалось здесь смешанным – кривичско-дреговичским [14, с. 243]. С большой долей вероятности можно предположить, что этно-племенная принадлежность определяла и политическое подчинение (а значит и данническую зависимость). Дреговичи к середине X в. подчинились Киеву (об этом мы находим свидетельство в трактате Константина Багрянородного, который как раз в середине X в. писал, что «другувиты» платили дань руси). Вероятно, вместе с продвижением дреговичского населения на север туда же шли и киевские данники с тиунами. Только приблизительно в 1050–60-е гг. регион бассейна Свислочи и, возможно, Березины был окончательно подчинен Полоцку. Именно это продвижение полоцкой власти на юг и вызвало знаменитую войну князей Ярославичей и Всеслава Полоцкого, кульминацией которой стала битва на реке Немиге.

Итак, во второй половине XI в. интересующий нас регион подчинялся Полоцку, а в первой половине XI в. – Киеву. Кому же подчинялось население вдоль течения Березины в более раннее время, можно только предполагать. Полоцк во второй половине X в. еще не обладал значительной властью, и Полоцкая волость охватывала незначительную территорию (приблизительно с 960-х гг. до 980 г. в Полоцке правил Рогволод, не подчинявшийся Киеву) [4, с. 29]. Важно отметить, что, согласно сообщению раннего летописания, в 988 г. Полоцк был отдан в управление сыну киевского князя Владимира Святославича Изяславу [11, стб. 121]. Так было положено начало самостоятельному политическому развитию Полоцкой земли. В более позднем летописании в рамках легенды о причине вражды киевских и полоцких князей (покушение Рогнеды на жизнь Владимира) рассказывается о наделении Изяслава городом Изяславлем. Изяславльская волость, позднее тянувшая к Менску, очень близка к региону средней Березины. Тем не менее что-то определенное о судьбе

этой территории говорить нельзя.

Дальнейшие размышления носят исключительно гипотетический характер. Можно предположить, что как раз до конца X в. население среднего течения Березины не подчинялось ни Киеву, ни Полоцку. Именно это обстоятельство могло сделать данный регион привлекательным длядвигающихся сюда новых поселенцев (дреговичей). Но государственная власть (из Киева или из Полоцка) стремилась расширить число данников. Это процесс принято называть «окняжением». Как раз к концу X в. «окняжение» могло охватить население центральной части Беларуси. В ближайшем Изяславле обосновался Изяслав Владимирович, сын Рогнеды, внук Рогволода. Представляется, что больше следует доверять сообщению Повести временных лет о наделении Изяслава Полоцком. Более позднее же сообщение (Лаврентьевской летописи под 1128 г.) может быть свидетельством распространения власти Полоцка на юг, к верховьям Свислочи. Изяславль стал форпостом (и местом концентрации ресурсов, то есть собранной дани) полоцкой власти в данном регионе. Не исключено, что именно из Изяславля полоцкая власть могла распространяться в юго-восточном направлении – по течению реки Свислочь. Напомним, что Свислочь впадает в Березину, далее вниз по течению этой реки располагается Бобруйск (впервые упомянут только в 1387 г.). Именно в этом направлении могли двигаться полоцкие данники (сборщики дани) и тиуны. Со времен «реформ» княгини Ольги середины X в. личное присутствие князя при сборе дани не было необходимым. Но князь непременно должен был возглавлять дружину при первоначальном подчинении той или иной территории (то есть её «окняжении»).

Таким образом, обнаруженные в Бобруйске уникальные древнерусские предметы могут быть связаны с процессом включения территории бассейна Березины в политическое (а вместе с ним – фискальное) пространство Полоцкой земли. Утверждение власти во вновь осваиваемом регионе, население которого принуждалось к выполнению даннических и иных обязательств в пользу княжеской власти, происходило путем строительства крепостей, изначально имевших полифункциональный характер. Это были административные центры, а также центры торговли, ремесла, концентрации материальных и людских ресурсов волости, защиты от нападений врагов и т. д. Опираясь на такие укрепленные пункты, государственная власть устанавливала свое государство над окрестным населением. Одним из таких пунктов в бассейне Березины мог быть древнерусский город Голотическ, ставший опорой полоцкой власти на южных окраинах Полоцкой земли в центре одного из дреговичских племен. Другим таким ближайшим центром княжества-волости был Менск на Свислочи. Около Голотическа в 1071 г. состоялась битва, которая показалась летописцу достойной для записи на драгоценном пергамене. Голотическ мог быть даже старше Менска, но какие-либо конкретные выводы можно делать после обнаружения самого городища и его обстоятельного археологического исследования.

Список используемых источников:

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 289 с.
2. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 351 с.
4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэбны дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі / [І. А. Марзалюк і інш.]. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.
5. Гусева, Е. Города-призраки / Е. Гусева // News.21.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.21.by/society/2011/04/14/285551.html>. – Дата доступа: 15.05.2023.
6. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев : Типогр. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1896. – 260 с.
7. Загорюльский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорюльский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 358 с.
8. Заяц, Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселений на реках Немига и Менка) / Ю. А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2005. – Вып. 5: Древности Беларуси (железный век и средневековье). – С. 26–31.
9. Заяц, Ю. А. Менск и его пригороды / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: Зборнік навуковых артыкулаў. – Вып. 24. Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). – Мінск : Беларуская навука, 2013. – С. 38–55.
10. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
11. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
12. Марзалюк, І. Магілёў / І. Марзалюк, А. Марзалюк // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. / рэд. Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 243–245.
13. Носевич, В. О датировке и обстоятельствах создания летописного «Списка русских городов дальних и ближних» / В. Носевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Вып. 17. – Мінск : БелНДІДАС, 2016. – С. 169–180.
14. Седов, В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 312 с.
15. Тарасаў, С. В. Чарадзеі сёмага веку Траяна: Усяслаў Полацкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 67 с.
16. Тихомиров, М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – М., 1952. – Т. 40. – С. 214–259.

17. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 160 с.

УДК 94(470) «11/16»

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ СТАРОЙ РУССЫ В XI–XVII ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

**Торопов Сергей Евгеньевич, директор Центра археологических исследований
Торопова Елена Владимировна, кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой истории России и археологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация**

Ключевые слова: город, Старая Русса, археология, историческая адаптация.

Реферат. В статье рассматривается проблема изменений пространственной структуры Старой Руссы в XI – XVII вв. на основе археологических данных.

Согласно одному из современных социологических подходов любой город представляет собой сложную социально–пространственную, биосоциально–экономическую, динамическую, саморегулирующуюся систему, находящуюся в определённой фазе развития. В этом смысле город подобен живому организму, который формируется и изменяется под воздействием разнообразных внешних факторов. При удачной адаптации к новым условиям город продолжает жить и развиваться. В ином случае – прекращает свое существование.

Среди «малых» средневековых городов Новгородской земли можно найти примеры обоего рода, но Старая Русса занимает особое место. Возникнув в конце I тыс. н. э. как небольшой солеваренный центр в стороне от основных транспортных артерий и пережив ряд глубоких кризисов, город продолжает существовать в настоящее время. Причины высокой адаптируемости Руссы к изменяющимся условиям на протяжении столь длительного периода, кроются в неизменно высокой значимости ключевых градообразующих факторов. Для периода с рубежа X–XI вв. и, по сути, до конца XVIII в. таким фактором оставалось производство соли.

Благодаря достаточно большому количеству источников средневековая Руса является удачной моделью для исследования механизмов исторической адаптации. Культурный слой города прекрасно сохраняет органические материалы и неплохо изучен археологически. Раннемодерный этап хорошо представлен письменными источниками, а для периода позднего Нового времени удалось выявить большой блок картографических материалов, часть которых отражает городскую планировку

предшествующих периодов.

Результаты археологических исследований с опорой на данные письменных и картографических источников позволяют в самом общем виде, предварительно, выделить несколько основных этапов и некоторые археолого-топографические, и исторические «маркеры», которые на наш взгляд отражают ключевые моменты адаптации города к меняющимся историческим условиям:

№	Этапы	Основные «маркеры»	
		Археологические	Исторические
1	Кон. X–XII вв.	Возникновение поселения вблизи открытого источника соли; активное развитие; формирование основных городских атрибутов (археологические признаки города по А. В. Кузе); образование древнейшего городского ядра; появление христианской общины; древнейшее упоминание Русы в берестяной грамоте; расширение городской территории; древнейший городской некрополь	Первое упоминание Русы в летописи (1167 г.); основание Спасо-Преображенского монастыря (1192 г.); избрание игумена Мартирия новгородским епископом; перестройка Спасо-Преображенского собора в камне
2	Рубеж XII–XIII вв. – последняя четверть XV в.	Изменение планировочной структуры усадеб; фиксация кризисных явлений первой половины XIII в.; расширение территории города; яркая материальная культура; берестяные грамоты; сфрагистические материалы; строительство храмов и появление кладбищ при них	Возведение городских укреплений; новгородско-литовские конфликты; активное строительство каменных храмов; разорение города в ходе новгородско-московских конфликтов (1456 и 1471 гг.); включение новгородских земель в состав Московского государства.
3	Кон. XV–XVI вв.	Расширение городской территории; отсутствие культурных напластований в границах древнего городского ядра; материальная культура; сооружение Перерытицы	Изменение структуры городского управления и налогообложения; появление в названии города прилагательного «Старая» (1537 г.); передача города в опричнину (1565 г.); разорение Русы войсками Стефана Батория (1581 г.)
4	XVII в.	Запустение части городских территорий; строительство крепости в устье Перерытицы; формирование нового городского ядра	Разорение города в период Смуты; строительство шведской крепости (1612 г.); заключение Столбовского мирного договора (1617 г.); смена населения и «технологическая революция» в варничном деле

Безусловно, представленная периодизация имеет довольно поверхностный предварительный характер и направлена в большей степени на выявление и постановку исследовательских задач, полноценное решение которых возможно лишь

при комплексном изучении всей совокупности археологических, письменных и картографических источников.

Список используемых источников:

1. Алексеева, Т. И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С. 38–39.

УДК 94(476.2)

**ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ГОМЕЛЬСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО В 1921–1922 ГОДЫ**

**Уваров Игорь Юрьевич,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь**

Ключевые слова: Гомель, историко-культурный музей.

Реферат. В работе представлен архивный материал, свидетельствующий о начале работы Гомельского художественно-исторического музея им. А. В. Луначарского в 1921–1922 гг. Все названия указаны на основании первоисточника.

Художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского в Гомеле был открыт 7 ноября 1919 г. на базе бывшего дворца князя Паскевича и его супруги Ирины Паскевич. В музее на всеобщее обозрение были представлены экспозиции художественно-исторических ценностей, основу которых составили собрания дворца Паскевичей.

Собирая материал по данному разделу, автор поставил задачу – расширить представление читателей об истории создания музея в период послереволюционной эпохи в начале 20-х гг. XX в. Вопреки сухим рассуждениям предшествующих исследователей о том, «что судьба дворцового собрания не просто складывалась в гражданскую войну и в 20-е гг. XX в.», была предпринята попытка познакомить краеведов, историков и всех, кто интересуется историей гомельского музея, с особенностями его работы в начальный период становления советской власти. В данном разделе приведены факты титанических усилий по сохранению и сбережению культурного наследия Гомеля и его окрестностей, перечислены имена и фамилии непосредственных участников этих событий.

Гомельский музей находился в подчинении Губернского отдела народного образования, о чем свидетельствует документ от 11 апреля 1921 г. за № 148. В этом документе заведующий Губернской секцией по охране памятников и музея им. А. В. Луначарского (фамилия не указана) обращается к заведующему Губернским отделом народного образования в письменном виде (текст рукописи очень мелкий, но вполне читаем): «В связи с открытием музея в Клинцах и организацией уездной секции по охране памятников искусства и старины – прошу дать мне командировку на 7–10 дней туда и обратно» [1, л. 25].

В данном обращении присутствует информация об оказании содействия заведующему гомельским музеем со стороны городских властей в обеспечении железнодорожным транспортом для вывоза из Клинцов культурных ценностей, в частности комплекта мебели екатерининской эпохи, для передачи их в музей им. А. В. Луначарского.

О сотрудниках Гомельского музея им. А. В. Луначарского в 1921 г. свидетельствует документ, составленный 3 марта на бланке с печатью «РСФСР Губернский Отдел Народного образования. Художественно-исторический музей им. А. В. Луначарского в Гомеле», в таблице приведен перечень фамилий сотрудников музея и должности, которые они занимали (табл. 1).

Таблица 1 – Перечень сотрудников музея и их должности

Ф.И.О.	Занимаемая должность
1. Маневич Исаак Аронович	Заведующий замком и музеем
2. Шейнбаум Лазарь Иоселевич	Заведующий библиотекой и архивом
3. Захарин Эммануил Владимирович	Инструктор-практикант
4. Цубина Эсфирь Григорьевна	Руководитель экскурсиями
5. Якимович Эдуард Романович	Заведующий канцелярией
6. Догов Михаил Михайлович	Смотритель замка
7. Дерлинк Степан Степанович	Служащий по охране ценностей
8. Коногова Наталья Матвеевна	Служащий по охране ценностей
9. Калашников Лука Яковлевич	Печник-истопник
10. Мохорева Анна	Уборщица-истопница
11. Гусьман Захар	Заводчик часов

Весь список сотрудников заверен неразборчивой подписью заведующего музеем без указания фамилии. Документ скреплен большой круглой печатью с указанием полного названия музея [2, л. 17].

Как свидетельствуют архивные документы, учет, описание и систематизация фондов художественно-исторического музея им. А. В. Луначарского в Гомеле проводились 22 августа 1922 г., на что указывает отчет о деятельности музея, составленный его сотрудниками [3, л. 19–21].

В 1922 г. музей состоял из двух отделов художественного и исторического. Организация и экспозиции художественного отдела была построена по принципу строго исторического обоснования культурной среды конца эпохи Николая I. По строгому плану в отделе собраны произведения живописи художников-иностранцев: Дау, Патшерсек, Лампи, Рослен, скульптуры Рауха и Тордвальсена.

В указанный период сотрудники музея проводили научно-исследовательскую работу по выявлению подлинных изделий из фарфора и хрусталя, принадлежащих работе мастера Федора Толстого. Среди собраний рукописей имелись исторические реликвии в виде рукописей и стихотворений графини Ростопчиной (И. О. не указаны), писем поэта В. Жуковского и собрания писем В. Г. Короленко. Среди гравюр были собраны работы современных оформистов и граверов: Павлова, Фалилеева, Доброго, Писканова и др. (И. О. не указаны).

Из отчетного документа за 1922 г., гомельский музей постоянно испытывал недостаток в помещениях для экспозиции собраний отделов. Это было связано с тем, что дворец Паскевича на тот период был поврежден и местами разрушен, велись его восстановительные и реставрационные работы. Поэтому сотрудники музея были вынуждены производить перенос экспонатов из одного помещения в другое. Со второго этажа башни археологические собрания были перенесены в бывшую пальмовую галерею, прилегающую к церкви. Здесь же планировалось разместить этнографическое собрание бывшего могилевского музея. В освободившемся зале башни наряду с батальными картинами работы Залесского и Суходольского заново выставлено большое собрание оружия из бывшего клинцовского музея. Планировалось открыть выставку эпохи романтизма Паттерсена и Орловского. К дню открытия этой выставки руководство музея хотело издать путеводитель с историко-литературным материалом [3, л. 19].

В 1922 г. Гомельский музей им. А. В. Луначарского вошел в состав Ассоциации центральных областных музеев РСФСР. Это способствовало организации работы музея и коррективке научной деятельности его сотрудников. Усилиями его сотрудников музей уже в 1922 г. стал информационно-культурным центром научно-просветительской пропаганды трудящихся. Это благотворно влияло на формирование личности нового человека советской эпохи. Научный коллектив имел тесные контакты с Институтом истории искусств и Институтом художественной научной экспертизы и другими музеями «Старого Петербурга» (так по тексту). Гомельскому музею им. А. В. Луначарского были посвящены лестные отзывы в публикациях научных материалов «Казанского музейного вестника».

Кроме этого документ первоисточника сообщает краткую информацию о готовящейся в 1922 г. музейной областной конференции музейных работников Гомеля, Минска, Витебска и Смоленска [3, л. 20].

О посещаемости музея людьми разного возраста и социального положения свидетельствуют данные к 22 августа 1922 г.: музей посетило более трех тысяч человек. Следует не забывать, что для Гомеля, население которого пережило революцию, тиф, голод, разруху, стрекопытовский погром и угрозу надвигающихся фронтов гражданской и советско-польской войн, это был показатель потребности людей в восприятии и изучении живой истории и культурного наследия своего отечества.

Таким образом, на основании архивных документов можно прояснить, как выглядела работа художественно-исторического музея им. А. В. Луначарского в Гомеле в первые годы утверждения советской власти.

Список используемых источников:

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Фонд 60. Оп. 1. Д. 95. Протоколы заседания коллегии фотокиносекции и доклад о деятельности 24 января – 26 октября 1921 г.
2. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 975. Доклад о деятельности Губпрофобра; списки сотрудников музея имени А. В. Луначарского и преподавателей музыкальной школы. Начато 23 января 1921 г. Окончено в мае 1921 г.
3. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1304. Дело областного художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского; акты передачи вещей из дворца Паскевича в музей и выписки из протоколов Гомельского Губисполкома. Начато 21 ноября 1921 г. Окончено 3 августа 1922 г.

УДК 94(476.5) “1874/1924”

**ПРАБЛЕМА ЛАКАЛІЗАЦЫІ ПРАДСТАЎНІКОЎ МЯШЧАНСКАГА САСЛОЎЯ
З ЛІКУ НЕГАРАДСКОГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ў 1874–1924 гг.
(ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ФОНДУ
НГАБ «ВІЦЕБСКАЯ ГАРАДСКАЯ УПРАВА»)**

**Урублеўскі Вадзім Валер’евіч, кандыдат гістарычных навук,
дацэнт, загадчык аддзела даследавання рукапісаў Цэнтра даследаванняў
старадрукаў і рукапісаў
Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: мяшчане, мяшчанская управа, пасямейныя спісы, Віцебскі павет, Віцебская губернія.

Рэфэрат. Традыцыйна мяшчанамі лічацца прадстаўнікі гарадскога насельніцтва, занятыя ў гандлі, прамысловасці, сферы абслугоўвання. Сацыяльныя працэсы першай паловы XIX ст. паўплывалі на фарміравання катэгорыі мяшчан, якія не

належылі да гарадскога насельніцтва. На падставе дадзенага артыкула высвятляецца кола крыніц, якія дазваляюць лакалізаваць віцебскіх мяшчан, адзначаных у пасямейных спісах, але пры гэтым не пражываючых у межах гарадской рысы.

Сацыяльная гісторыя блізка знітаная з дэмаграфіяй, эканомікай, рухам насельніцтва, рэгіянальнымі асаблівасцямі. У мэтах даследавання сацыяльных працэсаў і з'яў лагічна прыцягваць не толькі агульнастатыстычныя матэрыялы, але і канкрэтныя крыніцы інфармацыі са звесткамі па асабістым складзе, якія адначасова з'яўляюцца крыніцай па біяграфістыцы, генеалогіі, прасапаграфіі і інш.

Дастаткова каларытнай з'явай у сацыяльнай гісторыі Беларусі XIX стагоддзя з'яўляецца фарміраванне ў 1831–1880-я гг. цэлага пласта насельніцтва, якое набывала статус мяшчан, але пры гэтым працягвала пражываць па-за рысай гарадоў [2]. Гэта стала магчыма ў сувязі з правядзеннем т. зв. «разбору шляхты», а таксама з вызваленнем часткі сялянства з-пад прыгоннай залежнасці яшчэ да афіцыйнай адмены прыгоннага права ў 1861 г. [22, с. 263–265].

Найбольшае ўліванне насельніцтва ў сацыяльную катэгорыю мяшчанства прыходзіцца на 1860-я гг. Шляхта, якая не давала правы прыналежнасці да дваранскага стану, асабліва пасля паўстання 1863–1864 гг. апынулася перад сацыяльным выбарам на карысць мяшчанскага або сялянскага саслоўяў.

Прыпіска да мяшчан адбывалася ў мяшчанскіх управах і гарантавала больш выгоды сацыяльнага статусу. Але ў той час як сяляне, якія без зямлі пакідалі вёску пасля рэформы 19 лютага 1861 г., не толькі прыпісваліся да мяшчан, але і па-сапраўднаму заставаліся ў гарадах, былая шляхта і вольныя людзі не спяшаліся адрывацца ад зямлі, з уласніцкім або арэндным тыпам яе выкарыстання.

Крыніцай уліку мяшчанскага насельніцтва ў парэформенны перыяд з'яўляліся пасямейныя спісы, якія могуць лічыцца пераемнікамі рэвізскіх сказак. У параўнанні з асноўнымі рэвізскімі сказкамі, чыё складанне залежыла ад вектараў палітыкі і асаблівасцяў сацыяльна-эканамічнага жыцця Расійскай імперыі, пасямейныя спісы заводзіліся пры мяшчанскіх управах стабільна раз на 10 год (1874, 1883, 1894, 1904, 1914 гг.).

Асноўнай мэтай складання з'яўляўся ўлік ваеннаабавязанага насельніцтва, на якое затым пры прызыве складаліся прызыўныя спісы. У адрозненні ад асноўных рэвізскіх сказак, якія ўяўлялі сабой фармуляры для запаўнення, фіксавалі змены на месцы ў канкрэтны момант, а затым перадаваліся ў казённую палату для аб'яднання ў адпаведнасці са зместам ў агульную кнігу, фармуляры з пасямейнымі спісамі маглі дапаўняцца звесткамі на месцы свайго непасрэднага складання на працягу аднаго і больш дзесяцігоддзяў. Так, на падставе прадастаўленых управе метрычных выпісаў у іх пазначаліся канкрэтныя даты нараджэння, смерці, шлюбу для мужчынскай паловы сям'і. Улічваючы агульны невысокі ўзровень захаванасці канфесійных генеалагічных матэрыялаў канца XIX – пачатку XX стст. па тэрыторыі Беларусі роля адпаведнай свецкай уліковай дакументацыі заўважна ўзрастае.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі маюцца на захаванні дастаткова

поўна прадстаўленыя комплексы пасямейных спісаў са справаводства Мінскай мяшчанскай управы (ф. 330) і Віцебскай гарадской управы (ф. 2496)¹. У межах Нацыянальнага архіўнага фонду гэта самыя буйныя зборы падобнага віду крыніц. Так, у фондзе Мінскай мяшчанскай управы на 2016 г. улічана і індэксавана 40 адзінак захавання за 1867–1902 гг., у фондзе Віцебскай гарадской управы на 2019 г. улічана і індэксавана 87 адзінак захавання з пасямейнымі спісамі за 1833–1918 гг. У першым і другім выпадках гаворка тычыцца мінскіх і віцебскіх мяшчан адпаведна.

Пасямейныя спісы мяшчанскіх упраў уяўляюць сабой крыніцы з наступным колам статыстычных і генеалагічных звестак: 1) № па парадку; 2) № па рэвізіі 1858 г.; 3) прозвішча, імя, імя па бацьку гаспадара і ўсіх яго сваякоў мужчынскага полу; 4) узрост па рэвізіі на час складання спіса і дата нараджэння па метрыцы для іх жа; 5) адзнака аб прыбыцці (выбыцці) мужчын пасля складання спіса (сюды запісваліся звесткі аб памерлых, нованароджаных і ўзяўшых шлюб па прадстаўленні выпісаў з метрычных кніг); 6) адзнака аб асобах, што прызываліся за апошнія 6 гадоў да складання спіса ці падлягаюць прызыву і ў якім годзе; 7) імя і імя па бацьку ўсіх сваякоў жаночага полу і іх узрост на час складання спіса; 8) адзнака аб прыбыцці (выбыцці) жанчын пасля складання спіса, у тым ліку аб узяўшых шлюб [19, с. 23–24]. Крыніцазнаўчая вартасць дадзенай крыніцы адзначана ў даследаванні гісторыка-генеалога С. А. Рыбчонка [20].

Але ў той час, як справаводчая практыка Мінскай мяшчанскай управы прадугледжвала пазначэнне месца пражывання мяшчан на момант складання пасямейных спісаў, тэндэнцыі аналагічнай працы ў Віцебску былі іншыя. Мы зрэдку знаходзім інфармацыю аб месцы пражывання сям’і. Аднак у некаторых выпадках адзначаем звесткі, якія тычацца папярэдняй прыпіскі і тэрытарыяльнага паходжання перад залічэннем у віцебскія мяшчане. Напрыклад, 31 жніўня 1879 г. у віцебскія мяшчане былі залічаны Якуб і Ян Сасаноўскія, крastoўскія мяшчане Дынабургскага павета [6].

Акрэсленая сітуацыя з віцебскімі мяшчанамі стварае значную пошукавую перашкоду, якую можна вызначыць як праблема лакалізацыі прадстаўнікоў мяшчанскага саслоўя з ліку негарадскога насельніцтва. Сітуацыя ўскладняецца адсутнасцю на дзяржаўным захаванні значнай колькасці крыніц канфесійнага характару па тэрыторыі ўсходняй Віцебшчыны за другую палову XIX – пачатак XX стст. У дадзеным даследаванні мы плануем асвятліць кола альтэрнатыўных крыніц, якія змяшчаюць інфармацыю аб геаграфічнай лакалізацыі або перасяленчым руху канкрэтных сем’яў і груп насельніцтва.

Храналагічны ахоп даследавання акрэсліваецца намі наступным дыяпазонам: 1874 (год пачатку складання пасямейных спісаў пры саслоўных органах кіравання) – 1924 гг. (год правядзення асноўнай працы над складаннем спісаў

¹Віцебская гарадская управа не займалася складаннем і вядзеннем пасямейных спісаў на віцебскіх мяшчан. Да яе кампетэнцыі, як і іншых гарадскіх упраў, адносілася вядзенне спісаў прызыўнікоў [1, с. 162]. Пасямейныя спісы складаліся пры мяшчанскай управе. Пры фарміраванні фонду НГАБ № 2496 гэтае размежаванне абавязкаў не было улічана. – Аўт.

гаспадарак БССР). Менавіта гэты перыяд звычайна выклікае найбольшую складанасць у даследчыка ў пытанні высвятлення месцаў пражывання і прычын перасоўвання сем'яў. У гэтым сэнсе магчыма згадаць такія міграцыйныя хвалі як: 1) перасяленні з вёсак у гарады, перасяленні з малаземельных і перанаселеных тэрыторый у рэгіёны з актыўным прамысловым развіццём; 2) змена жыхарства па прычыне змены месца арэнды ці куплі зямлі ў іншай мясцовасці; 3) прымусовыя высяленні арандатараў з месцаў пражывання ў канцы XIX – пачатку XX стст.; 4) эвакуацыя і бежанства перыяду Першай сусветнай вайны; 5) нацыяналізацыя памешчыцкіх земляў і стварэнне новых тыпаў населеных пунктаў (пасёлкаў, арцеляў і інш.) у пачатку 1920-х гг.

Такім чынам, пытанне лакалізацыі віцебскіх мяшчан паўстае па прычыне адсутнасці звестак аб месцы іх пражывання ў пасямейных спісах. Перш за ўсё, для яго вырашэння належна падключыць апублікаваныя крыніцы са звесткамі масавага парадку. Адной з такіх крыніц з'яўляецца выданне Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта «Землевладение и землевладельцы Витебской губернии в 1905 году». У дадзенай крыніцы звесткі біяграфічнага і генеалагічнага парадкаў прадстаўлены ў таблічнай форме па паветах і саслоўях. Змяшчаюць наступныя пазіцыі: 1) нумар па парадку; 2) прозвішча, імя, імя па бацьку землеўладальніка; 3) веравызнанне; 4) назва маёнтка; 5) назва воласці, у якой знаходзіцца маёнтка; 6) агульная колькасць валодаемай зямлі ў дзесяцінах (прыдатнай, непрыдатнай, занятай лесам, усяго); 7) адрас землеўладальніка або маёнтка [3].

У адносінах да землеўладальнікаў Віцебскага павета прадстаўлены звесткі на 558 індывідуальных і калектыўных уласнікаў з ліку мяшчан (у адной пазіцыі могуць быць прыведзены даныя на некалькі родзічаў з адным прозвішчам, што супольна валодалі зямлёй, ці на супольных уласнікаў без заўважнай ступені роднасці) [3, с.16–36]. Пры гэтым неадзначана да якой канкрэтна управы прыпісаны мяшчане, а значыць хто з іх непасрэдна належыць да віцебскіх. Узаемадапаўненне пасямейных спісаў Віцебскай мяшчанскай управы і спісаў землеўладальнікаў Віцебскага павета дае адказы на пытанні: 1) дзе пражывалі асобныя віцебскія мяшчане, якія ёсць у першай крыніцы; 2) ці адносіліся мяшчане з другой крыніцы да віцебскіх.

Так, праваслаўны Лаўрэнцій Фаміч Апенка, які пазначаны 16-гадовым у пасямейным спісе за 1882 г.¹, згадваецца як уласнік маёнтка Дзюганы Вярхоўскай воласці Віцебскага павета ў 1905 г. [3, с. 16; 11, арк. 48–49]. Каталікі Іосіф і Рафаіл Мацвеевічы Стырыковічы, якім на 1882 г. было адпаведна 32 і 25 гадоў, у 1905 г. адзначаны як саўладальнікі маёнтка Сяло Курынскай воласці Віцебскага павета [3, с. 32; 12]. У рэдкіх выпадках месца пражывання пазначалася і ў пасямейных спісах на віцебскіх мяшчан. Напрыклад, у 1882 г. старавер Васіль Макеевіч Гусакоў, 38 год, пражываў у слабадзе Падгародная Мішкаўскай воласці Віцебскага павета. На 1905 г. месцам уласнасці адзначаны ўчастак маёнтка Загараны той жа воласці. Па суседняй пазіцыі праходзіць яго сын Акім Васільевіч Гусакоў, каля 1871 г. н.,

¹Другія ў Расійскай імперыі агульныя пасямейныя спісы пры мяшчанскіх і валасных праўленнях складаліся ў 1882 годзе да 1 студзеня 1883 г., таму яны могуць згадвацца ў літаратуры дваяк. – Аўт.

адзначаны як саўладальнік маёнтка Загараны польна з Праскоўяй Мяфодзьеўнай Гусакавай) [3, с. 20; 11, арк. 570–571].

Важнай крыніцай, якая прыдатная да лакалізацыі асоб з пасямейных спісаў, таксама варта лічыць спісы выбаршчыкаў у Дзяржаўную думу IV склікання па Віцебскай губерні (выбары адбываліся ў 1912 г.). Правы атрымлівалі падданыя імперыі з належным маёмасным або гандлёвым цэнзамі. У згаданай крыніцы інфармацыя аб асобах, што мелі права ўдзелу ў выбарах, размешчана па гарадах і паветах у алфавітным парадку прозвішчаў. Пазіцыі ў дачыненні да насельніцтва паветаў акрэслены наступныя: 1) парадкавы нумар выбаршчыка; 2) прозвішча, імя, імя па бацьку, саслоўная прыналежнасць; 3) веравызнанне; 4) геаграфічная назва нерухомасці (маёнтка, фальварак, ферма, участак, дом-кватэра і г. д.); 5) кошт уладання. Пазнака аб мяшчанскім стане сям’і дае падставы на пошук звестак аб сямейна-роднасных повязях асобы ў пасямейных спісах. Калі мешчанін пражываў у Віцебскім павеце, то тут найбольш запатрабаваны пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан. Адпаведна сям’я з пасямейных спісаў трапіла лакалізуецца на 1912 год, дзякуючы спісам выбаршчыкаў [21].

Так, латыш лютэранскага веравызнання Марцін Марцінавіч Звірбуль, чья дата нараджэння пазначана ў пасямейным спісе за 1874 год як 3 верасня 1865 г., сын Марціна Звірбуля-Цырульніка (1814–1881 гг.), адзначаны ў 1912 г. як уладальнік фальварка Блюмаўка з участкам Яловая Пушча пры маёнтку Глоданкі Віцебскага павета [14; 21, арк. 78]. У 1925 г. Марцін Марцінавіч фіксуецца з прозвішчам Звірбуль як жыхар вёскі Глоданкі-1 Лёзненскага раёна Віцебскай акругі [5, арк. 65 адв.].

У спісе выбаршчыкаў таксама адзначаецца віцебскі мешчанін Яўген Лях, які валодаў маёнткам Ляхі Віцебскага павета. Аднак трэба адзначыць, што ў спіс ён быў унесены праз 15 гадоў пасля сваёй фізічнай смерці 30 чэрвеня 1897 г. Гэта дазваляе рабіць выснову, што спісы выбаршчыкаў за 1912 г. не выяўраліся перад публікацыяй, а значыць могуць змяшчаць «мёртвыя душы» [9, арк. 32; 21, арк. 83]. У той жа час у спісе землеўладальнікаў за 1905 г. называюцца Якаў і Ларывон Яўгенавічы Ляхі, чым падкрэсліваецца факт смерці іх бацькі задоўга да складання спісу выбаршчыкаў [3, с. 24].

Важнай акалічнасцю пошуку і параўнання звестак з’яўляецца тое, што адсутнасць асобных блокаў інфармацыі не дазваляе да канца атаясамляць людзей з розных спісаў. Так, Вікенцій Вікенцьеў Дамарацкі, віцебскі мешчанін, 22 жніўня 1867 г. н., толькі прэтэндуе на ролю ўладальніка маёнтка Сухаршчына-Белахвосты, але адсутнасць імя па бацьку ў спісах выбаршчыкаў за 1912 г., не дае магчымасці дакладна верыфікаваць гэты факт уласнасці [8, арк. 140адв.–141; 21, арк. 77]. Пры гэтым яго бацька Вікенцій Казіміраў памёр толькі 27 снежня 1904 г., таму ў святле вышэй прыведзенага прыкладу застаецца верагоднасць, што Сухаршчына-Белахвосты належылі яму [8, арк. 139 адв.–140].

Неабходна ўлічваць выпадкі, калі віцебскія мяшчане пражывалі ў межах суседніх губерняў і па факце тэрытарыяльнай прыналежнасці траплялі ў разнастайныя генеалагічныя крыніцы іх паветаў.

У сувязі з гэтым звернемся да прызыўных спісаў па віцебскіх мяшчанах, якія таксама захоўваюцца ў фондзе Віцебскай гарадской управы. У прызыўных спісах падавалася наступная інфармацыя: 1) № па парадку; 2) № па рэвізіі 1858 г.; 3) прозвішча, імя, імя па бацьку прызыўніка; 4) саслоўе і месца прыпіскі (таксама месца жыхарства, у выпадку калі яны не супадаюць); 5) дата нараджэння па метрыцы; 6) узрост па рэвізіі; 7) узрост па прыпісным пасведчанні; 8) склад сям’і з пазначэннем ступені роднасці і ўзросту (як правіла, звесткі падаваліся толькі на мужчын, або зусім не падаваліся); 9) дадатковыя звесткі аб прызыўніку (веравызнанне, сямейны стан, адукацыя і пісьменнасць, род заняткаў, фізічныя дадзеныя, а таксама адзнакі аб прыняцці на службу, вызваленні ад службы, залічэнні ў апалчэнне і інш.) [19, с. 23–24; 20].

Так, з прызыўных спісаў мы дазнаемся, што старавер Арцёмій Тарасавіч Фадзееў прызываўся ў 1896 г., з’яўляўся віцебскім мешчанінам паводле прыпіскі і жыхаром вёскі Засор’е Астроўненскай воласці Сенненскага павета Магілёўскай губерні паводле факта жыхарства [15, арк. 62 адв.–63]. Паводле пасямейнага спісу год нараджэння прыходзіцца на 1875 г., што адпавядае факту прызыва ў 21-гадовым узросце [10, арк. 122 адв.–123]. Згаданага Арцёмія мы знаходзім таксама ў спісах гаспадарак Віцебскага раёна за 1925 г., па суседстве са старэйшым братам Афанасіем Фадзеевым [4, арк.75].

Віцебская мяшчанка Разалія Антонаўна Кошка, каталічка, адзначаная ў пасямейным спісе за 1874 год як 30-гадовая, згадваецца ў спісе землеўладальнікаў па Магілёўскай губерні за 1884 г. як спадчынная саўладальніца маёнткаў Ляхавічы і Малыя Таронкавічы Сенненскага павета [7; 18, с. 206–207]. У спісе землеўладальнікаў па Магілёўскай губерні інфармацыя засяроджана ў наступных пазіцыях: 1) парадкавы нумар; 2) прозвішча, імя, імя па бацьку, званне і веравызнанне землеўладальніка; 3) назва маёнтку; 4) колькасць зямлі ў дзесяцінах (асобна пад лесам, ворывам, сенажаццю); 5) права валодання і з якога часу; 6) хто займаецца гаспадаркай, падатковыя артыкулы ў маёнтку і іх гадавы прыбытак.

Улічваючы масавы характар набыцця зямлі ў канцы XIX – пачатку XX стст., інтарэс набываюць матэрыялы самага значнага збору, датычнага дзейнасці ў беларускіх губернях Сялянскага Пазямельнага банку, – яго віцебскага аддзялення (ф. 2510). Фонд уключае 11 тысяч 82 адзінкі захавання. Так, віцебскі мешчанін Андрэй Іванавіч Лац, 26.12.1838 г. н., адзначаны ў пасямейным спісе 1874 г., у 1903 г. прадаваў зямлю ў маёнтку Вялікія Храпавічы Храпавіцкай воласці Віцебскага павета [9, арк. 93 адв.–94; 16]. У 1911 г. яўрэю Аўраму Ізраілевічу Пукшанскаму непасрэдна Пазямельны банк аддаў у доўгатэрміновую арэнду 270 сажняў у Іллінскай воласці Веліжскага павета Віцебскай губерні [17]. Абрам-Ерухім Пукшанскі, 23.01.1866 г. н., згаданы ў пасямейным спісе па віцебскіх мяшчанах за 1883 г., але ў дадзенай справе называецца ўжо іллінскім мешчанінам [13].

Прыведзенае даследаванне сведчыць, што лакалізацыя сем’яў жыхароў Беларусі, прыпісаных да мяшчан, але без тэрытарыяльнай прывязкі ў сваіх пасямейных спісах, цалкам магчыма. Шырокі комплекс крыніц, якімі з’яўляюцца спісы землеўладальнікаў, спісы выбаршчыкаў у Дзяржаўную думу, прызыўныя спісы перыяду Расійскай

імперыі, спісы крэдытораў з фондаў аддзяленняў Сялянскага Пазямельнага банка, спісы сялянскіх гаспадарак перыяду БССР, дазваляе дакладна лакалізаваць або звязіць маштаб пошуку да канкрэтнай мясцовасці. Дадатковы інтарэс прадстаўляюць крыніцы архіўных устаноў іншых краін, напрыклад, Расійскага ваенна-гістарычнага архіва, дзе змяшчаюцца карткі на ваеннаслужачых імперскай арміі, якія загінулі, прапалі бяз вестак, трапілі ў шпіталі па хваробе, раненні ці кантузіі. Дадзеныя карткі таксама нярэдка змяшчаюць звесткі аб месцы нараджэння ці пражывання вайскоўца. Таксама варты ўвагі буйны фонд Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва пад назвай «Сялянскі пазямельны банк» (ф. 592), дзе змяшчаюцца справы аб атрыманні крэдытаў на куплю зямлі, у т. л. па беларускіх тэрыторыях.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Витебская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1802 – 1917 гг.) / Т. Е. Леонтьева [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524 с.
2. Вяроўкін-Шэлюта, У. Разбор шляхты / Уладзіслаў Вяроўкін-Шэлюта // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Том 6. – Кн. 1. – Мінск, 2001. – С. 83–85.
3. Землевладение и землевладельцы Витебской губернии в 1905 году / издание Витебского губернского статистического комитета; под ред. Члена-секретаря губернского статист. Комитета А. Сапунова. – Витебск : Вит. Губ. Типо-Лит., 1907. – 612 с.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. – Воп. 2. – Спр. 1456. – Спіс гаспадарак Віцебскага р-на Віцебскай акругі, 1925 г.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. – Воп. 2. – Спр. 1461. – Спіс гаспадарак Лёзненскага р-на Віцебскай акругі, 1925 г.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2489. – Арк. 91 адв.–92. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Сасаноўскіх і Лушкіна, 1874 г.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2493. – Арк. 345 адв.–346. – Пасямейныя спісы віцебскай мяшчанкі Разаліі Кошкі, 1874 г.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2511. – Арк. 139 адв.–141. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Дамарацкіх, 1874 г.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2516. – Арк. 32, 93 адв.–94. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Ляхаў і Лацаў, 1874 г.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2517. – Арк. 122 адв.–123. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Фадзеевых, 1874 г.
11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2609. – Арк. 48–49, 570–571. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Апенкаў і Гусаковых, 1882 г.

12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2611. – Арк. 274–275. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Стырыковічаў, 1882 г.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2617. – Арк. 326 адв.–327. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Пукшанскіх, 1883 г.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2618. – Арк. 403 адв.–404. – Пасямейныя спісы віцебскіх мяшчан Звірбуляў, 1874 г.
15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2496. – Воп. 1. – Спр. 2733. – Прызыўныя спісы віцебскіх мяшчан, 1896 г.
16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2510. – Воп. 1. – Спр. 2356. – Справа аб дазvole Хмараўскаму таварыству гаспадароў на атрыманне крэдыту для куплі 30 дзесяцін зямлі віцебскага мешчаніна Андрэя Іванавіча Лаца ў маёнтку Вялікія Храпавічы Храпавіцкай воласці Віцебскага павета, 17.02.1903 – 17.03.1914 гг.
17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2510. – Воп. 1. – Спр. 6025. – Справа аб здачы Пазямельным банкам у доўгатэрміновую арэнду Аўраму-Ерухіму Ізраілевічу Пукшанскаму, іллінскаму мешчаніну з мястэчка Ілліно, 270 сажняў зямлі ў Іллінскай воласці Веліжскага павета Віцебскай губерні, 12.03.1911–02.01.1917 гг.
18. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях / сост. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев, 1882–1884. – Т. 3.
19. Рыбчонак, С. А. Крыніцы масавага паходжання па генеалогіі Беларусі сярэдзіны XVII – пачатку XX ст. / С. А.Рыбчонак. – Мінск, 2010. – 25 с.
20. Рыбчонак, С. А. Прызыўныя і пасямейныя спісы апошняй чвэрці XIX – пачатку XX ст. як крыніца па генеалогіі Беларусі: спецыфіка інтэрпрэтацыі, ацэнка верагоднасці звестак і ступень захаванасці // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 8. / Рэдкалегія: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелНДІДАС, 2008. – С. 146–154.
21. Список лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную Думу на первом съезде городских избирателей по гор. Витебск и уездам Витебской губернии. – Витебск, 1912. – 415 с.
22. Улашчык, М. Выбранае / М. Улашчык; Уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 608 с.

УДК 908 (792.01)

ВИЦЕБСКІ ЕЗУІЦКІ ШКОЛЬНЫ ТЭАТР: АДЗІНСТВА РЭЛІГІЙНАГА І СВЕЦКАГА

**Уткевіч Вольга Іванаўна, кандыдат філалалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: Віцебск, езуіцкі калегіум, культура, каталіцтва, праваслаўе, тэатр.

Рэфэрат. Артыкул прысвечаны разгляду дзейнасці школьнага тэатра, які быў створаны пры Віцебскім езуіцкім калегіуме, і яго ўплыву на паўсядзённае жыццё гараджан. Тэатр разглядаўся езуітамі ў выглядзе школы добрых манер, спектаклі ставіліся не толькі на чыста рэлігійныя, але і на пераважна маральна-дыдактычныя тэмы. Езуіцкі тэатр знаёміў жыхароў тагачаснага Віцебска з лепшымі ўзорамі заходнееўрапейскай культуры.

Віцебскі школьны тэатр працаваў у перыяд з 1671 па 1766 гг. Ён дзейнічаў у будынку езуіцкага калегіума, быў створаны пад патранатам езуітаў і дзякуючы намаганням настаўнікаў установы. Па сваёй вядомасці і значнасці ён лічыўся чацвёртым, саступаючы падобным тэатрам у Полацку, Гродна і Пінску.

Езуіты (Societas Jesus – Таварыства Ісуса) – гэта адзін з каталіцкіх духоўных ордэнаў, які быў заснаваны ў XVI ст. вядомым дзеячом контррэфармацыі Ігнаціем Лаёлай, меў вялікую колькасць адэптаў і праводзіў паспяховую місіянерскую дзейнасць на розных тэрыторыях. Першыя прадстаўнікі ордэну з’явіліся на беларускіх землях яшчэ ў часы ВКЛ (П. Скарга, С. Лянчыцкі), аднак значна пашырылася яго ўплывовасць ў Рэчы Паспалітай. Адукацыйная сістэма езуітаў у свой час з’явілася першай цэльнай канцэптуальнай праграмай штодзённага навучання і выхавання, да таго ж яна была навукова і светапоглядна абгрунтаваная. Менавіта праз крытыку езуіцкай канцэпцыі фарміруюць свае ўласныя педагагічныя падыходы і погляды Я. А. Каменскі, Б. Паскаль. Строга і іерархічна арганізаваная, дысцыплінарная агульная праграма працы ордэна распаўсюджвалася на ўсе сферы чалавечай дзейнасці, у тым ліку і на адукацыйны працэс, дзе не абмяжоўвалася выключна тэалогіяй, але ўключала ў сябе авалоданне поўным комплексам гуманітарных ведаў. У галіне педагогікі езуіты паставілі асноўнай выхаваўча-адукацыйнай задачай максімальна наблізіць вучняў, выхадцаў з розных сацыяльных груп, да этыкету, нораваў вышэйшага свету. Іх сістэма адукацыі паступова пачала прымяняцца з XVI стагоддзя ў езуіцкіх калегіях па ўсёй Еўропе, прычым пазначаныя ўстановы адрозніваліся строгай рэгламентацыяй паводзін навучэнцаў. Вельмі хутка яны сталі лічыцца ўзорнымі незалежна ад таго, якую кар’еру – духоўную ці свецкую – збіраўся надалей абраць выхаванец.

Школьны тэатр у калегіумах адыгрываў адну з важных роляў у выхаванні і навучанні не толькі будучых святароў, але і свецкага чалавека. Выхаванцам школ, якія рыхтаваліся да духоўнай або дзяржаўнай працы, рэкамендавалася навучацца сцэнічнаму мастацтву для ўдасканалення ў высакароднасці манер і асабліва ў рыторыцы, красамоўстве. Неабходна адзначыць, што своеасаблівая мода на такія ўстановы ў XVII ст. закланула ўсё насельніцтва беларускіх, украінскіх і часткі расійскіх гарадоў: як каталікоў, так і праваслаўных, а таксама прадстаўнікоў іншых канфесій. Безумоўна, пераважная большасць жыхароў Віцебшчыны належала да праваслаўя, і гэта абумовіла пэўныя перавагі ў стаўленні да культурных з'яў. Адрозненні былі дэтэрмінаваныя ў першую чаргу не эстэтычнымі момантамі, а светапогляднымі разыходжаннем паміж праваслаўем і каталіцтвам наогул. Вядомы расійскі мыслер І. А. Ільін адзначаў, што галоўная асаблівасць народа заключана ў «духоўным акце». На ягоную думку, духоўны акт трэба разумець як «унутраны лад і ўклад чалавека: яго спосаб адчуваць, сузіраць, думаць жадаць і дзейнічаць» [1, с. 384]. У цэлым, на наш погляд, гэтыя словы апісваюць чалавечае мысленне, якое разумеецца ў найболей агульным сэнсе гэтага слова. У найбольшай жа ступені адрозненне праваслаўнага ад каталіцкага мыслення заключаецца ў тым, што першае мае сузіральны характар. Дадзеная сузіральнасць у рознай ступені знайшла свой выраз ва ўсіх сферах чалавечага жыцця, у тым ліку і ў культуры, таму тэатр і акцёрства наогул не заахвочваліся з боку праваслаўнай царквы.

Каталіцкая місія была больш адкрытая да дзейнасці і свецкасці. Так, напрыклад, тэатр разглядаўся езуітамі ў выглядзе школы добрых манер, якія было неабходна прывіць маладым людзям, гэта значыць, па сутнасці, дыдактычна выхаваць у іх мілагучнае вымаўленне, высакароднасць рухаў, знешнюю элегантнасць і вытанчанасць. Таксама тэатр уключаў у сябе своеасаблівы гульнявы трэнінг, у межах якога ажыццяўляўся працэс прайгравання розных грамадскіх роляў і сітуацый. Вядома, такія падыход шмат у чым меў станоўчыя бакі. Школа добрых манер – гэта ў тым ліку выпрацоўка пэўнай дысцыпліны, прычым не толькі знешняй, але ў вялікай ступені ўнутранай. Прыхільнікі адукацыі ў калегіумах адзначалі, што людзям неабходна вучыцца добраму, незалежна ад таго, дзе яны гэта добрае знайшлі.

Езуіцкі тэатр меў яшчэ адно важнае значэнне. Справа ў тым, што пастаноўкі ў ім іграліся на лацінскай мове, што павінна было садзейнічаць удасканаленню навучэнцаў у веданні гэтай мовы, якая, дарэчы, лічылася мовай міжнародных зносін у тыя часы, а таксама лепшаму засваенню канонаў і догмаў каталіцкай царквы. Нельга не пагадзіцца з аўтарамі артыкула «Мастацкая культура ў дзейнасці езуіцка-каталіцкіх навучальных устаноў на Падзвінні, Паазер'і і Верхнім Падняпроўі ў XVII – першай чвэрці XIX стст.» А. В. Русецкім і Ю. А. Русецкім, якія адзначалі: «Дзейнасць ордэна «Таварыства Езуса» ў сферы адукацыі і асветы, нягледзячы на зададзенасць і адназначна антыправаслаўную і антыбеларускую скіраванасць, нельга ацэньваць адназначна. Меўшая рэлігійна-гуманітарны характар, адукацыйная справа выкарыстоўвала шырокі набор педагагічных метадаў і сродкаў, якія дазвалялі ўзмоцнена распаўсюджаць навуковыя веды і заходнееўрапейскую

культуру на беларускіх землях» [2, с. 31].

Акрамя латыні, некаторыя спектаклі ставіліся і на польскай мове. Да таго ж, у другой палове XVIII ст. у народных сцэнках (інтэрмедых) можна было пачуць старабеларускую мову. Вядома, такая гаворка не была літаратунай, але, калі ўлічваць факт, што беларуская мова, па сутнасці, знаходзілася пад забаронай, то гэта была ў пэўнай ступені пазітыўная з’ява. Так, напрыклад, польская драма «Містычнае прычасце вяселля Генсерыка і Трызімунда» паміж дзеямі ўключала і беларускія інтэрмедыі, змешчаныя потым у «Аршанскім кодэксе». Акрамя таго, актыўнае карыстанне польскай мовай было абумоўлена тым, што аўтарамі і пастаноўшчыкамі з’яўляліся палякі – выкладчыкі паэтыкі і рыторыкі – такія, як Д. Крачатоўскі і С. Макоўскі, а таксама сам рэктар калегіума Ян Заранак.

Натуральна, што тэатральныя прадстаўленні не адбываліся кожны дзень, яны іграліся толькі ў дні каталіцкіх святаў. Прычым, сцэны для спектакляў будавалася на рынкавай плошчы, а таксама побач з ратушай, перад касцёламі і ў рэкрэацыйных залах калегіума. Уражвае колькасць ўдзельнікаў прадстаўленняў: іх бывала больш за 50–60 чалавек. Фінальныя сцэны часта суправаджаліся маляўнічымі феерверкамі. Дзеля справядлівасці адзначым, што яны вельмі падабаліся публіцы, але не ўхваліліся езуітамі. Цікава, што спектаклі ставіліся не толькі на чыста рэлігійныя тэмы, але і на пераважна маральна-дыдактычныя. Спектакль «Казанне рускае схізматычнае», у прыватнасці, быў прысвечаны побытавай свецкай тэме: крытыцы залішне модных, на думку каталіцкіх манахаў, віцебскіх гараджанак. Зварот да актуальных тэм паўсядзённасці быў надзвычай важным для жыхароў горада на той час, бо іншых тэатраў і падобных відовішчаў у Віцебску тады не існавала. У перыяд, калі езуіцкі тэатр зрабіўся папулярным на беларускіх землях, нямецкім выкладчыкам, прадстаўніком ордэна езуітаў Ф. Лангам ужо была напісана і выдадзена праца «Разважанні пра сцэнічную гульню» (1727 гг.), да якой звярталіся рэжысёры пастановак, бо там быў абагулены вопыт двух стагоддзяў існавання езуіцкага тэатра па прыёмах сцэнічнай гульні, выкарыстанні тэатральных механізмаў, абранні рэпертуару. Напрыклад, падкрэслівалася, што пабудова мізансцэн павінна адпавядаць прынцыпам кампазіцыі ў свецкім жывапісе, сцэнічная гульня павінна падпарадкоўвацца не толькі законам мастацтва, але і прыроды.

Паэтыка езуіцкага тэатра імкнулася да філасофскага абстрагавання і іншасказанняў. На наш погляд, у гэтым выяўлялася імкненне захаваць гістарычную пераемнасць, бо, як вядома, сярэднявечная каталіцкая філасофія была вельмі развітай. Тэалагічная спадчына Аўгустына Аўрэлія, Фамы Аквінскага, П’ера Абеляра, Уільяма Акама і іншых дагэтуль вывучаюць студэнты ў курсе філасофіі або тэалогіі ў свецкіх і ў рэлігійных навучальных установах. Адпаведна, спектаклі былі напоўнены філасофскім сімвалізмам і алегорыямі. Так, напрыклад, п’еса, напісаная ў 1737 годзе для Віцебскага тэатра – «Каштоўны камень у дзюбе крумкача Гансеўскіх, які ўпрыгожвае дзядоў пярсцёнак Корвінаў», была прысвечана гербу мясцовых шляхецкіх магнатаў Корвінаў-Гансеўскіх, а таксама стагоддзю заснавання Віцебскай езуіцкай калегіі смаленскім ваяводам Аляксандрам Корвінам-Гансеўскім.

Дадзеная п'еса складалася з наступных трох дзеянняў: алегарычны пралог, хоры і эпілог, а паміж дзеяннямі іграліся інтэрлюдзі. Пралог апісваў, як «набожнасцю і адвагай разломліваючы, знішчаючы, раскідваючы ганебныя лісты (Аляксандр Гансеўскі) узводзіць высокі слуп мудрасці» [3]. Эпілог жа быў прысвечаны таму, як «Віцебскі Апалон», аякун муз, нашчадак Корвінаў, усаўляе тут імя «смаленскага яснавяльможнага спадара Гансеўскага» [3]. Цікава адзначыць, што алегарычныя персанажы не выяўляюць адцягненыя паняцці, а вылучаюць адметныя рысы канкрэтных людзей (як тут Аляксандр Гансеўскі), ствараюць індывідуалізаваныя характарыстыкі. Дарэчы, менавіта падобнага кшталту пафасныя алегорыі і давалі магчымасць ставіць на сцэне феерычныя відовішчы. Акрамя таго, яны аздабляліся панегірыкамі, прысвячэннямі і музычнымі хорамі, якія выконваліся вучнямі музычнай бурсы і капэлы, створаных пры калегіуме. Можна сказаць, што езуіцкі тэатр выходзіў у жыхароў Віцебска музычны густ, бо толькі тут на той час можна было паслухаць прафесійнае высокамастацкае выкананне лепшых узораў заходнееўрапейскай музыкі.

Напрыканцы неабходна адзначыць, што Віцебскі школьны тэатр адыграў значную ролю ў распаўсюджванні культуры, прычым не толькі чыста рэлігійнага накірунку, але і свецкага: спрыяў знаёмству жыхароў Віцебска з лепшымі ўзорамі заходнееўрапейскай музыкі, літаратуры, філасофіі.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Ильин, И. А. Собрание сочинений в 10 т. / И. А. Ильин. – Т.2. Кн.1. – Москва : Русская книга, 1993. – С. 384.
2. Русецкий, А. В. Художественная культура в деятельности иезуитско-католических учебных заведений на Подвинье, Поозерье и Верхнем Поднепровье в XVII – первой четверти XIX в. / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова. Общественные и гуманитарные науки. История. – Т.6. – 2007. – С. 3 – 32.
3. Школьный театр при иезуитском коллегиуме [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.evitebsk.com/wiki/B5> – Дата доступа 06.03.2024.

УДК 94(4)

КАТЭГОРЫЯ ЧАСУ І ЯГО ВЫМЯРЭННЕ Ё ЗАХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ё ЭПОХУ СЯРЭДНЯВЕЧЧА

**Хаданёнак Віктар Мамертавіч, кандыдат гістарычных навук,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь**

Ключавыя словы: час, гадзіннік, сярэднявечча, Заходняя Еўропа, ментальнасць.

Рэферат. У артыкуле разглядаюцца розныя падыходы да асэнсавання і ўспрымання часу ў эпоху сярэднявечча. Асаблівая ўвага надаецца інструментам па вымярэнню часу, гадзіннікам.

Пытанне «Што такое час?» і сёння не мае адназначанага адказу. Астраномы, філосафы, фізікі не могуць знайсці паразумення нават унутры сваёй супольнасці, калі спрабуюць наблізіцца да яго вызначэння. Освальд Шпэнглер увагуле меркаваў, што адказ на яго будзе настолькі ўяўны, што і задаваць такое пытанне не варта [1, с. 165]. Па вялікаму рахунку, у агульнай тэорыі адноснасці Альберта Эйнштэйна, адсутнічае абсалютны час і кожны індывід мае свой асобны маштаб часу, які залежыць ад таго, дзе ён знаходзіцца і якім чынам рухаецца [2].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца – вызначыць асаблівасці ўспрыняцця часу і спосабы яго вымярэння ў эпоху сярэднявечча ў краінах Заходняй Еўропы.

Успрыняцце часу ў перыяд сярэднявечча (прыблізна V–XV стст.) было крайне неаднародным. Яно адрознівалася ў залежнасці ад перыяда (ранняе, класічнае, позняе сярэднявечча) і ад саслоўнай прыналежнасці яго суб'ектаў. Тым не менш можна прасачыць і нейкае агульнае «сілавое поле» [3], якое пэўным чынам аб'ядноўвала ўсведамленне часу людзьмі і выступала ў якасці найважнейшага атрыбута ментальнасці чалавека.

Само слова «час» выкарыстоўвалася ў эпоху сярэднявечча даволі часта. Пра гэта сведчаць назвы літаратурных і гістарычных твораў: «Кветнік Часу» (*Flores temporum*) Германа Гігаса, «Пучок часу» (*Fascilum temporum*) Вернэра Ролевінка [4, с. 5] і інш. Але сэнс, які ўкладаўся ў гэта слова далёка не заўжды быў ідэнтычны.

Жак ле Гоф падзяляе сярэднявечны час на аграрны, сеньёрыяльны і царкоўны [5, с. 221]. Народная ж маса, па меркаванні французскага медыявіста, не валодала ўласным часам і была нездольна да яго вызначэння. Яна падпарадкоўвалася часу, які абазначалі званы, трубы і рыцарскія рогі [5, с. 217].

Самым вялікім па колькасці саслоўем сярэднявечнай Еўропы было сялянства. Аграрная форма жыцця падпарадкоўвалася прыродным рытмам, што накладала адбітак на ментальнасць людзей, якая праяўлялася ў асаблівым перажыванні кантраста дня і ночы, зімы і лета [6, с. 158]. Вясковае жыццё было надзвычай

статычным. Паслядоўна змянялі адзін аднаго аграрныя цыклы (сяўба, жніво, забой скаціны), якія паўтараліся без усялякіх зменаў год за годам. Час цягнуўся марудна, а сезонныя сельскагаспадарчыя работы перарываліся, хіба, традыцыйнымі святамі, якія ў сваю чаргу суадносіліся з земляробчым календаром.

Праз тое, што жыццё на вёсцы было няспешным, будзённым, цыклічным і добра прадказальным – дакладна вымяраць час не было патрэбы. Таму асноўнымі адзінкамі вымярэння часу на вёсцы былі – год і месяц, а не дзень, ці гадзіна. Аб’ём і працягласць працы селяніна вызначаўся арганічным адчуваннем змены натуральных прыродных станаў. Дзень падзяляўся на даволі прыблізныя і недакладныя перыяды: раніца, палова дня, вечар [7, с. 45].

Сельскагаспадарчы і, адпаведна, каляндарны год пачынаўся разам з сезоннымі работамі. Цалкам натуральна, што ў паўночнай Германіі і паўднёвай Італіі гэта былі розныя месяцы, з-за істотных кліматычных адрозненняў.

Сялянства, па вялікаму рахунку, было амаль цалкам абыякава да якога-небудзь дакладнага падліку часу. Прасачыць яго пэўную паслядоўнасць дапамагаў у межах адной сям’і, хіба, падлік пакаленняў. Дзякуючы гэтаму вясковае насельніцтва мела хаця бы прыблізнае ўяўленне аб чаргаванні падзей.

Пэўным чынам упарадкаваць час у эпоху сярэднявечча паспрабавала царква. Прычым манаполія ў гэтай справе прывяла да таго, што да XIII–XIV стст. духавенства не толькі абсалютна «кантралявала» яго падлік і вымярэнне, але і мусіла навязаць яго своеасаблівае ўспрыманне сялянам і рамеснікам.

Хрысціянскі час меў эсхаталагічную, лінейную скіраванасць, у адрозненне ад аграрна-цыклічнага часу сялянства. Гісторыя падзялялася на адрэзкі, звязаныя з біблейскімі сюжэтамі. Прычым дакладна быў вызначаны яе пачатак – стварэнне Свету, і канец – другое прышэсце Ісуса Хрыста і Страшны суд. Гэта быў спрэс лінейны час, падпарадкаваны строгаму чаргаванню і паслядоўнасці біблейскіх падзей. Прычым амаль усё мінулае вызначалася як «Залатая эпоха», а ў будучыні нельга было чакаць нічога добрага і светлага. Адсюль пэўны песімізм і фаталізм ва ўспрыняцці ўсяго новага людзьмі эпохі сярэднявечча.

Сацыяльны кантроль над часам фармаваў у свядомасці людзей уяўленне аб часе як уласнасці Бога [6, с. 158]. А раз час належыць Богу, то ён не можа прадавацца. Таму царква выступала рэзка супраць атрымання працэнтаў за карыстанне грошамі. Крэдытныя аперацыі і ўзаконенае ліхварства былі даволі рэдкай з’явай да XIV ст. Меркавалася, што толькі Бог кіруе часам, бо Ён адзін можа ўбачыць яго ва ўсёй сукупнай працягласці і вымераць катэгорыямі, якія адрозніваюцца ад нашых [8, с. 111].

Тым не менш, царква імкнулася дапасаваць «літургічны» час да часу аграрнага, вясковага. У гэтым ёй дапамагаў бой на царкоўных званіцах, які стаў адным з самых унікальных сімвалаў сярэднявечча. Ён у першую чаргу абазначаў час набажэнства і адпаведна арганізоўваў пэўны рытм жыцця чалавека. Людзі адрознівалі «звон жніва», «звон выгана на лугі», «звон пагрозы» і інш.

Як зазначае Жак Ле Гоф, дзякуючы царкоўнаму звону, хрысціянства дало Захаду

ў VI–VII стст. прынцыпова новы спосаб прасачыць час – акустычны [7, с. 46]. Царква пэўным чынам матэрыялізавала падлік часу, што дазволіла ёй удакладніць і ўніфікаваць перыяды набажэнства. Царква пачынала адлік часу з ютрані (бліжэй да заканчэння ночы), а затым з усходам сонца, адзначала першую гадзіну і далей 3-юю (раніцай), шостую (апоўдні), дзевятую (пасля апоўдня), вячэрню і гэтак званую *kompleta hora* (канчатковую гадзіну), якая заканчвала дзённае набажэнства. Прычым назвы службаў (першая, трэцяя, шостая і дзевятая гадзіны) абазначалі не дакладныя інтэрвалы, а пэўныя этапы набажэнства і істотным чынам адрозніваліся зімой, вясною і летам [9].

Гарадскі рамесны і гандлёвы люд меў сваё стаўленне да часу, якое зазнала на сабе змены і не было статычным на працягу V–XV стст. Так у раннім сярэднявеччы не назіралася росту гарадоў і гарадскога насельніцтва, а эканамічная актыўнасць была крайне нізкай. Некаторыя гандляры не тое што не лічылі час, а ўвогуле былі слаба знаёмы з арыфметыкай. У першай палове VI ст. біскуп Цэзары Арльскі сутыкаўся ў Правансе з багатымі купцамі, якія не ўмелі ні чытаць, ні пісаць; а праз 150 год валоданне чытаннем і пісьмом ужо лічылася ў Галіі раскошай, якую многія клірыкі і нават біскупы не маглі сабе дазволіць [10, с. 195].

З XII ст. пачынаюцца імклівыя змены ў эканоміцы, якія пэўным чынам адбываюцца і на ментальных характарыстыках людзей. Змяняецца рытм работы і стаўленне да часу, з'яўляецца неабходнасць яго больш дакладнага вымярэння гарадскім насельніцтвам. Калі гук званоў сімвалізаваў царкоўны кантроль над часам, то гадзіннікі на вежах увасобілі з'яўленне іншай сацыяльнай сілы, раменікаў і гандляроў, якія выступалі супраць царквы ў яе кантролі над часам [6, с. 158].

Сапраўды, час з XII–XIII стст. пачынае разумецца як пэўная каштоўнасць. Імкненне зрабіць як мага больш рэчаў і прадаць больш тавараў за меншы прамежак часу становіцца важным аспектам жыццядзейнасці рамесных майстроў і купцоў. У некаторых гарадах Еўропы ў XIV ст. званы на вежах пачынаюць адбываць не царкоўны час, а час камерцыйных угод і працы цэхавых майстроў. Бой званоў ужо прымушае задумацца не пра вечнае, пра Бога, а скіроўвае чалавека да вырашэння надзённых і практычных задач яго матэрыяльнага жыцця, больш інтэнсіўнай працы і гандлю.

Калі раней цэхавыя майстры маглі працаваць толькі ў светлы перыяд часу, то з XIV ст. такія абмежаванні здымаюцца. Адпаведна хутка расце колькасць выпускаемай прадукцыі, але пэўным чынам пагаршаецца яе якасць (штучнае асвятленне было кепскім і не дазваляла на высокім узроўні выконваць пэўныя аперацыі). Да таго ж істотна павялічылася колькасць пажараў з-за працы пры свечах. Час становіцца каштоўнасцю і крыніцай багацця.

Спецыфічныя асаблівасці ва ўспрыманні часу былі ў феадальнага салоўя. Сеньёрыяльны час быў шчыльна звязаны з вайсковымі кампаніямі і бітвамі. Часцяком біблейскія альбо міфалагічныя аспекты светасузірання ўплывалі на аб'ектыўнае ўспрыманне рэчаіснасці. Так, удзельнікі крыжовых паходаў канца XI–XIII стст. меркавалі, што змагаюцца з тымі, хто катаваў Хрыста, а не з іх

нашчадкамі, хоць з гэтага моманту прайшло ужо больш за 1000 гадоў [11].

Для феадалаў надзвычай важная роля адводзілася іх родаваму дрэву, якое давала ім падставу ганарыцца сваім слаўным паходжаннем. Таму тут назіраецца родавадынастычны, альбо генеалагічны падыход да ўспрымання часу.

Надзвычай цяжка прасачыць эвалюцыю стаўлення да часу ў сярэднявечнай інтэлектуальнай эліты. Размаітасць і ўнікальнасць падыходаў не дазваляе прыйсці да якога-небудзь агульнага меркавання. Генрых Аўрылакскі, Аўгусцін, Ансэльм Кентэрберыйскі, П'ер Абеляр, Банавентура, Дунс Скот, Уільям Акам, Мікалай Кузанскі, Фама Аквінскі, Алкуін, Павел Дыякан і інш. сваімі працамі заклалі выдатны падмурак у тэалагічна-хрысціянскае разуменне часу [12].

Прычым у гэтых мысляроў даволі часта храналагічныя тэрміны схаваны за пэўнымі мастацкімі параўнаннямі і алегорыямі. Так Алкуін у сваёй размове з каралём Італіі Піпінам абазначае год як «калясніцу свету», дзень – як «падахвочванне да працы» і т. п. [13, с. 63]. Мясцовы, зямны час разглядаўся праз прызму вечнасці і абсалютных катэгорый, з вялікай доляй сярэднявечнага містыцызму. Разважанні прадстаўнікоў інтэлектуальнай культуры не аказвалі істотнага ўплыву на агульнае светаўспрыманне пераважнай большасці насельніцтва.

Для вечнасці не было ні працягласці, ні скіраванасці. Хрысціянскія мыслярамі яна ўспрымалася і пачаткам і канцом існавання, пэўным атрыбутам Боскай сутнасці. А час разумеўся як цень вечнасці, які не мае якога-небудзь самастойнага значэння [7, с. 45]. Час і вечнасць выступалі як антыподы, як супрацьлегласць адноснага і абсалютнага.

У прававых помніках, юрыдычнай практыцы і тэстаментах сярэднявечнай Еўропы яскрава прасочваецца тэндэнцыя, што тэрмін «навечна», альбо «на ўсе часы» меў моц толькі на працягу жыцця таго, хто ім карыстаўся. Чалавек не валадарыў над часам, якога не мог фізічна перажыць. Таму нават прывілеі каралёў мусілі абнаўляцца і падцвярджацца пры кожнай змене манарха.

Цяпер ад стаўлення і ўспрымання часу да спробаў і магчымасцяў яго дакладнага вымярэння ў Заходняй Еўропе V–XV стст. У эпоху сярэднявечча, калі пераважаў аграрны лад жыцця і рамесная вытворчасць, проста не было пільнай патрэбы і неабходнасці дзяліць час на дробныя адрэзкі і дакладна іх вымяраць [14, с. 7]. Таму пэўны перыяд актыўна карысталіся сонечнымі гадзіннікамі (гнамонамі) і гэтага было дастаткова. Так, Павел Дыякан у «... геаграфічных звестках аб старажытнай Германіі» (канец VIII ст.) піша: «У Італіі, на святках, а шостай гадзіне (апоўдні) ад мужчыны падае цень даўжынёю 9 футаў. У бытнасць маю ў Бельгійскай Галіі ў мястэчку Татанісвіль, я вымерыў свой цень і знайшоў, што ён меў даўжыню 19 ½ футаў» [4, с. 198].

Як бачым падлікі былі вельмі прымітыўнымі, нават у параўнанні з больш раннімі эпохамі. Да таго ж гэта было перш за ўсё прыстасаванне для вызначэння астранамічнага часу, а не вымярэнне яго дакладных адрэзкаў. Сонечны гадзіннік мог паказваць час толькі днём і ў яснае надвор'е, гэта быў яго сур'ёзны недахоп. Акрамя таго, гнамон быў звычайна даволі грувацкім прыстасаваннем, перамяшчаць якое без

шкоды для дакладнасці вымярэння было вельмі праблематычна.

Гнамоны звычайна ўяўлялі сабой пэўны конусападобны ці прамавугольны стрыжань, а шкала для вымярэнняў знаходзілася на зямлі, альбо на адмыслова падрыхтаванай паверхні. Для больш дакладнага вымярэння часу рабілі гнамоны для розных месяцаў года. У 1482 г. У Фларэнцыі быў пабудаваны гнамон вышыняй 84,5 метраў [15, с. 214]. Існавалі і дарожныя сонечныя гадзіннікі, якія размяшчаліся на скрыжаваннях вялікіх трактаў і гасцінцаў.

Яшчэ адным відам гадзіннікаў былі вадзяныя клепсідры (з грэц. мовы «вароўка вады»). Яны ўяўлялі сабой альбо злучаныя колбы, у якіх вада пераліваецца з адной у другую за фіксаваны час, альбо вялікія рэзервуары, злучаныя з натуральнай альбо штучнай плыняй вады.

Мала таго, што клепсідры былі ў асноўным недаступнымі для абсалютнай большасці насельніцтва, так і іх выкарыстанне мела цэлы шэраг нюансаў. Асноўная праблема ў працы клепсідры – змены ў расходах вады з-за рознага ціску вадкасці ў поўным ці напалову поўным сасудзе, калі па меры змяншэння вады, хуткасць яе выпякання замаруджваецца. Пэўным чынам гэта праблема вырашалася праз стварэнне сасудаў канічнай формы. Да таго ж на раўнамернасць выпякання вады аказвала ўплыў розніца паміж дзённай і начной тэмпературай паветра, а таксама якасць вады, так як асадак паступова забіваў выхадную адтуліну [16, с. 422]. За такім відам гадзіннікаў патрабаваўся пастаянны догляд і кантроль.

Шырокай папулярнасцю ў эпоху сярэднявечча карысталіся разнастайныя «агнявыя» гадзіннікі і прыстасаванні. З пачатку XIII ст. сталі актыўна карыстацца «свячным гадзіннікам». Іх рабілі ў выглядзе тонкай свечкі з нанесенымі па яе даўжыні шкаламі. Даўжыня такіх свечак даходзіла да 1-го метра [15, с. 216].

Людовік IX меў у сваім пакоі свячу, якая дасягала 3-х футаў, і пакуль яна гарэла – ён чытаў Біблію. Карл V меў свячу, падзеленую на 24 часткі і пры ім знаходзіліся асоба ўпаўнаважаныя людзі, якія дакладалі яму да якога дзялення дагарэла свеча [14].

Паабапал свячы мацавалі металічныя штыркі, якія па меры выгарання і таяння воска падалі і іх удар па металічнай падстаўцы быў своеасаблівым будзільнікам [15, с. 216]. Але такі спосаб абуджэння быў надзвычай недасканалы. Два ганзейскія гандляры Магнус Шарандс і Фелікс Радке своечасова не прыйшлі на заключэнне дагавора аб продажы футра, з-за таго што свечка-будзільнік аднаго з іх была патушана скразняком.

На тэрмін гарэння свячы ўплывала і якасць воска. Такія свечы актыўна прымяняліся духавенствам. Пры каралеўскім двары нават існавала пасада «фрухтмайстара». Ён займаўся пераважна садавінай і дрэвамі, але і адказваў за асвятленне пакояў свечкамі, таму што воск здабываюць пчолы з кветак, якія ён даглядаў [17, с. 274]. У вясковых хатах карысталіся сальнымі свечкамі. А феодалы вымяралі прыблізны час па гарэнню паходні.

У XII–XIII стст. пачынаюць ужывацца «алежныя гадзіннікі». Яны прадстаўлялі сабой лампаду з адкрытай фіцільнай гарэлкай і са шкляной колбай для алея. Пры больш высокім узроўні алею яго ціск выклікаў больш хуткае выгаранне, таму

лампадных гадзіннікі больш позняга паходжання мелі шкляную колбу ў выглядзе пашыранай да верху грушы [15, с. 217].

Адна з самых старых узгадак пра пясочныя гадзіннікі адносіцца да 1339 г. У ёй прыводзяцца ўказанні па прыгатаванні тонкага пяску з прасеянага парашка чорнага мармура, які пракіпяцілі ў віне і высушылі на сонцы [15, с. 217]. Пясок, які «цёк» у шкляных сасудах часта асацыяваўся з хуткасцю, канечнасцю і абмежаванасцю чалавечага існавання.

Адной з самых выдатных з’яў эпохі сярэднявечча стала вынаходніцтва механічнага гадзінніка. І сапраўды «гадзіннік, як стварэнне высокаразвітых культур, становіцца тым больш таямнічым, чым болей пра яго разважаеш» [1, с. 174]. Дакладная дата вынаходніцтва механічнага гадзінніка застаецца невядомай, але ў сярэдзіне XIII ст. яны ўжо ўзгадваюцца ў нататках французскага архітэктара Віллара Ханнекурта. У 1288 г. механічны гадзіннік з’яўляецца ў Вестмінстары, а ў пачатку XIV ст. гадзіннікавы механізм манціруецца на вежы палаццо Капітана ў Падуі. На ўсіх першых гадзінніках толькі адна стрэлка, якая фіксуе гадзіны [7, с. 47].

Самым жа старым дакументам аб механічным гадзінніку, які змяшчае іх апісанне і чарцёж, з’яўляецца паведамленне аб астрарыі (астранамічны гадзіннік), які ў 1364 г. распрацаваў прафесар Джаванні дэ Дондзі ў Падуі [15, с. 218]. У гэтага гадзінніка рама была зроблена з бронзы, а валы, колы і цыферблат – з латуні. З 297 частак гэтага гадзінніка 100 складалі колы і шэсцерні, зубцы якіх былі нарэзаны ручным спосабам.

Такім чынам стаўленне людзей да часу ў V–XV стст. не было статычным і залежала ў першую чаргу ад саслоўя да якога належаў чалавек, і, па-другое, ад сацыяльна-эканамічных і культурна-ментальных умоў яго існавання. Прыборы для вымярэння часу былі яшчэ крайне недасканалымі. Але гэта не мусіць нас бянтэжыць, бо нават зараз з-за з’яваў прэцэсіі і нутацыі ўзаемнае размяшчэнне нябеснага экватара і экліптыкі увесь час змяняецца, што прыводзіць да розніцы паміж зорнымі і сонечнымі суткамі [18, с. 9].

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Шпенглер, О. Закат Европы / Освальд Шпенглер. В 2 т. – Т. 1. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 528 с.
2. Хокинг, С. Краткая история времени. От Большого взрыва до черных дыр / Стивен Хокинг. – М. : АСТ, 2019. – 271 с.
3. Сент Экзюпери, А. Цитадель / Антуан де Сент Экзюпери. – М. : Эксмо, 2023. – 320 с.
4. История Средних веков: От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476 – 768 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. – М: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. – 496 с.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.
6. Тихонова, В. Л. Интерпретация времени в пространстве культуры в

исследованиях представителей школы «анналов» и А. Гуревича / В. Л. Тихонова // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013 г. – № 1. – С. 157–161.

7. Иванов, С. Г. Пространство и время в мировосприятии Средневековья и Возрождения [Текст] / С. Г. Иванов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2012. – № 149. – С. 43–51.

8. Хулап, В. «Линия Христа»: время и история в богословии Оскара Кульмана / В. Хулап // Христианское чтение: Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви. – 2022 г. – № 1. – С. 106–120.

9. Ястребицкая, А. Л. Западная Европа XI – XIII веков. Эпоха, быт, костюм. – М. : Искусство. – 1978. – 176 с.

10. Альфан, Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Л. Альфан. М.: Вече; СПб.: Евразия. – 2006. – 416 с.

11. История Средних веков: Крестовые походы (1096 – 1291 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. – 592 с.

12. Коплстон, Ф. История философии. Средние века / Ф. Коплстон. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 494 с.

13. История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. – 688 с.

14. Пипуныров, В. Н. История часов с древнейших времён до наших дней / В. Н. Пипуныров. М. : Наука. – 1982. – 495 с.

15. Рачков, М. Ю. История науки и техники: учебник для вузов / М. Ю. Рачков. – М. : Юрайт, 2022. – 297 с.

16. Афонасина, А. С. Измерение времени в античности: клепсидра и ее особенности (на материале письменных свидетельств и археологических данных из Амфиарайона) / А. С. Афонасина // Философское антиковедение и классическая традиция. 2016 г. – № 1. – Том 10. – С. 419–436.

17. Хёйзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хёйзинга. М. : Айрис-пресс, 2002 г. – 544 с.

18. Цыбульский, В. В. Календари и хронология стран мира / В. В. Цыбульский. – М. : Просвещение, 1982. – 128 с.

УДК 94:623.1(470.620+560)

АНАПА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРЕЦКОЙ ЦИТАДЕЛИ В РУССКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ И ГОРОД

**Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация**

Ключевые слова: Анапа, малороссийские казаки, переселенцы, турки, Черное море.

Реферат. В статье рассмотрены особенности освоения Анапы после ее закрепления в составе Российской империи. Выделены основные трудности, с которыми столкнулись первые переселенцы, а также меры, предпринятые местными властями для их преодоления и дальнейшего освоения восточного берега Черного моря.

Статья написана в рамках проекта РНФ № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сел Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.».

Основание турецкой Анапы пришлось на конец XVIII в. В это время расклад сил в Северном Причерноморье складывался не в пользу Османской империи. После проигранной Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Порты была вынуждена допустить Россию в акваторию Азовского и Черного морей, смириться с самостоятельностью Крымского ханства и наблюдать за укреплением российских позиций на Кубани и Кавказе. Для частичного купирования неизбежного российского продвижения в бывшее «Турецкое озеро» Порты приступила к укреплению восточного берега Черного моря. Его результатом стало строительство Анапы, которая стала новым форпостом османов взамен утраченных крепостей и укреплений в Крыму и на Кубани.

Выбор места для основания цитадели отвечал стратегическим и военным интересам Османской империи, так как «Анапа находилась в центре региона, где проживали племена, обратившиеся к Стамбулу с просьбой о защите от русских» [1, с. 5]. Близость Анапы к Тамани и Керенскому проливу позволяла им постоянно оказывать давление на русские и крымские владения, угрожать русским военно-морским силам, препятствовать проникновению черноморского казачества на левый берег Кубани. Постепенно Анапа превратилась в центр торговли между турками и местными горцами, которые не только сбывали здесь продукты своего ремесленного и сельскохозяйственного производства, но и приводили для продажи невольников, захваченных среди других горцев и в Земле войска Черноморского. Как отмечал Н. И. Веселовский, «...Для турецкой аристократии Анапа представляла исключительный интерес, благодаря прочно установившейся и оживленной

торговле невольниками и особенно черкешенками, долго служившими украшением турецких гаремов» [2, с. 8]. Возрастание торговых оборотов на местном рынке привлекло внимание купцов, прибывавших из разных валайетов Османской империи. Постепенно они открыли здесь свои торговые лавки, караван-сарай и другие необходимые заведения.

Активизация Порты на восточном берегу Черного моря и строительство здесь новой крепости были замечены в Санкт-Петербурге. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русские войска трижды направлялись под ее стены с целью захвата. Эта задача была решена только в 1791 г. В последующих войнах XIX в. Анапа несколько раз захватывалась русскими войсками, но уступалась Порте по условиям мирных соглашений. Ключевое значение Анапы для турецких властей не позволяло Российской империи закрепиться на восточном берегу Черного моря. Положение кардинально изменилось во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На этот раз в Санкт-Петербурге твердо решили не возвращать захваченную Анапу во владение султана. Эта позиция была закреплена условиями Адрианопольского мира 1829 г.

Каким же образом бывшая турецкая цитадель превратилась в русскую крепость и город? Над этой метаморфозой размышлял в XIX в. еще коллежский советник В. А. Новицкий в небольшой статье об Анапе и Закубанском поселении: «...невольно задаешь себе вопрос: каким образом в двадцать четыре года, со времени покорения этой крепости, могло возникнуть русское поселение в стране полудикой и неприязненной? Каким образом из самой Анапы, – этого центра мусульманской пропаганды, – среди воинственных закубанских племен, мог образоваться русский портовый город, который хотя сохранял прежнее значение крепости, но по господствующему в окрестной стране спокойствию, начинает уже пользоваться некоторыми, необходимыми для развития промышленности и торговли, условиями?» [3, с. 27].

Первоначальное состояние Анапы после ее официального закрепления в составе Российской империи было неудовлетворительным. Из сохранившегося отчета 1848 г. составители которого, скорее всего, опирались на более ранние документы видны последствия русской осады и недостаточного внимания самих турок к устройству крепости: «В последний раз покоренная крепость Анапа 12 июня 1828 года хотя имела некоторые каменные, и соломенные на малой земле строения, преимущественно с земляными крышами, но и те разбитые бомбами и ядрами, так были повреждены, что едва усиленными средствами казны и местным гарнизоном могли быть поддержаны для временных жилищ; все же прочие строения из турлука и землебитного кирпича, почти представляли одни развалины, которые по тесноте и кривизне улиц, были по необходимости разобраны, как подручный материал на исправление лучшего качества других зданий» [4, л. 4–4об].

Такое положение Анапы не мешало населению Российской империи проникать под любым предлогом на левый берег Кубани с целью окончательного или временного водворения. Эта первая волна стихийных переселенцев прибыла сюда уже в 1828–1829 гг. из разных губерний и областей империи. Согласно концепции

фронтيرا Ф. Тернера неосвоенные территории привлекали пионеров тем, что они позволяли на время выйти из подчинения каким-либо властям и обзавестись недвижимым имуществом: «На какое-то время он является обитателем, не вносит арендной платы и считает себя независимым, наподобие «владельца поместья»» [5, с. 27]. Утверждение американского исследователя полностью подтверждается отчетами анапских властей, которые писали, что переселенцев привлекали новизна края, свобода и ложные представления о местном быте: «...народ, обольщаясь всегда новизною края, полагал при ложных толках своих и разногласии, что в этом новом краю, должны быть приняты всех званий и состояний люди, а потому оные, находясь в без известной отлучке по несколько лет, как принадлежащие обществам так и владельцам, люди ведя бродяжническую жизнь, с радостью устремились в этом новом краю найти себе приют» [6, л. 10–10 об].

Пионеров в заселении Анапа ждало разочарование. Для нормального развития крепости требовалось решить несколько важнейших проблем: найти источники питьевой воды, восстановить и построить новые дома, освоить сельскохозяйственную округу, создать условия для развития ремесла и промышленности. В турецкий период в Анапе было два источника получения пресной воды. Первый относился к колодезному типу, позволявшему добывать солоноватую на вкус воду, которая использовалась для хозяйственных нужд и водопоя скота. Второй источник представлял собой водопровод, состоявший из глиняных труб, по которым питьевая вода поступала из окрестностей крепости. За время осады водопровод был поврежден и единственным источником оставалась колодезная вода. Лишь через некоторое время местными властями был организован привоз воды из речки Анапки.

Другой проблемой была нехватка домов. После захвата крепости в ней был оставлен русский гарнизон. Для него и нужд местного начальства были отобраны лучшие из сохранившихся жилищ. Часть жилого фонда не подлежала восстановлению и была разобрана при расчистке крепости. На первых порах недостаток жилья в Анапе не ощущался, однако с началом стихийного прибытия переселенцев в крепость, эта проблема приобрела остроту. Для ее частичного снижения местное начальство охотно отдавало «старые турецкие строения в Анапе для жилья и исправления Закубанским семействам» [6, л. 13 об]. Положительный результат в решении жилищной проблемы был достигнут в 1832–1836 гг., когда в Анапе стали целенаправленно возводить жилье для переселявшихся сюда малороссийских казаков. Недостаток в количестве вновь возведенных домов привел к необходимости заселять по две семьи в каждый из них, для чего внутреннее пространство жилого здания разделялось деревянными перегородками. Всего удалось построить 63 дома, из которых 22 были на каменном фундаменте, 13 из сырцового кирпича и 28 турлучных [7, с. 29]. Позже эти дома были названы местным начальством «крайне холодными» [8, л. 8]. Другой важной мерой стало основание с 1836 г. первых станиц в Закубанском поселении, которое позволило переселить в них более сотни семей, прибывших ранее в Анапу.

В первые годы после начала заселения Анапы достаточно остро стоял вопрос с обеспечением населения продовольствием. Местный гарнизон и гражданские чиновники получали его в виде довольствия. Для всех остальных обеспечение не было предусмотрено. Стихийно прибывавшие переселенцы могли рассчитывать на собственные запасы продовольствия или его покупку в нескольких местных торговых лавках. Часть своих продуктов привозили в Анапу для обмена горцы, но этот источник был непостоянным и не мог удовлетворить потребности возраставшего населения. После прибытия в крепость первых малороссийских казаков, состоявших на казенном обеспечении, количество продуктов и их разнообразие увеличилось. Малороссийские поселяне получали от казны муку, крупу и сухари [9, л. 69 об-70]. Обеспечение населения продовольствием улучшилось после выделения местными властями небольших огородов в окрестностях Анапы для выращивания зелени и различных овощей. Обозревавший в 1836 г. земли восточного берега Черного моря коллежский ассессор С. В. Сафонов писал, что после строительства небольшого укрепления в четырех верстах от Анапы здесь были разбиты огороды для нужд гарнизона и жителей [10, с. 6].

Большое значение для расширения ассортимента и увеличения объема продовольствия имело строительство Геленджикского укрепления. Его гарнизон централизованно снабжался казенными транспортами из Керчи и Тамани. После завершения сезона навигации – это снабжение прекращалось. Согласно отчетам Анапского правления в этом купцы увидели большие возможности для получения прибыли: «...во время покрытия льдом Керченского пролива довольствие, разные необходимые припасы и товары перевозились на судах преимущественно из Анапы, в это время разные русские и иностранные промышленники, для выгод своих, стали более и более поновлять товары свои выпискою из российских портов, оставляя склады товаров в Анапе...» [11, л. 8].

Постепенное превращение Анапы в важный логистический торговый пункт благотворно отразилось не только на ее продовольственном обеспечении, но и на развитии ремесла и промышленности. В первые годы после заселения Анапы спрос на такую деятельность был минимальным. Все необходимые работы в крепости выполнялись местной арестантской командой и военно-рабочей ротой, что не позволяло новоприбывшим иметь заработки в достаточном для своего содержания объеме. В связи с этим, «вольные ремесленники до того времени также не посещали Анапы, а потому никакие сельские и городские промыслы, не имея никаких особых работ, не могли быть развиты...» [11, л. 8 об.]. С началом переселения в Анапу малороссийских казаков здесь появился спрос на плотников, кузнецов, столяров, каменщиков, которые потребовались для строительства домов, но он был значительно удовлетворен благодаря направлению в крепость инженерной роты, которая на условиях найма осуществила возведение жилья. Местные ремесленники получили преимущественно заказы от самих малороссийских поселян, нуждавшихся в хозяйственных постройках для содержания животных и хранения сельхоз орудий. Развитие ремесленной деятельности в Анапе было актуализировано и благодаря

расширению местной торговли. Водворенным и временно находившимся здесь купцам потребовались торговые лавки и хозяйственные помещения. Снабжение соседнего Геленджикского укрепления продовольствием и товарами в зимние месяцы привело к строительству новых складских помещений и расширению площади уже возведенных. Кроме того, спросом стало пользоваться каботажное мореходство, позволявшее доставлять товары и продовольствие как в саму Анапу, так и окрестные укрепления.

Основные проблемы, с которыми столкнулись первые переселенцы, были частично или полностью решены в Анапе ближе ко второй половине 1830-х гг., что позволило местным властям ускорить освоение новых земель. Достижению этой цели благоприятствовало несколько обстоятельств. Во-первых, в Анапе были созданы органы, отвечавшие за переселение и водворение здесь новоприбывших людей. В конце 1829 г. был основан Анапский строительный комитет, который должен был: «Изыскать удобнейшие способы к первоначальному помещению по прибытии к крепости ново-переселенцев; Составить проекты: планам и сметам на возведение необходимых строений, для водворения малороссийских казаков в самой крепости Анапе по количеству 800 семей...» [12, л. 1об]. С учреждением комитета было положено начало централизованному заселению Анапы и созданию Анапского поселения. С 1831 г. стало действовать Анапское временное правление. Его чиновники занимались бытом и обустройством всех переселенцев, приписавшихся к поселению с 1828 г. Именно благодаря деятельности правления в Анапе были решены главные проблемы и началось освоение местных сельскохозяйственных земель.

Во-вторых, с 4 ноября 1835 г. на основании мнения членов Государственного Совета была прекращена приписка к закубанским провинциям не имеющих письменных документов людей. Прежние меры по ограничению переселений не касались Анапы, которая постоянно испытывала приток населения из разных губерний. С началом организованного заселения Анапы избыточная миграция стала создавать для местных властей различные трудности. Поэтому ее законодательное ограничение позволило сосредоточить внимание на скорейшем водворении уже переселившихся в Анапу семей или причисленных к ней, но еще неводворенных.

В-третьих, развитие внутренней и внешней торговли в Анапе. Постоянный приток населения и возрастание продовольственных потребностей стимулировали увеличение торговых лавок в крепости. С появлением малороссийских поселенцев местные власти стали закупать для них семенной фонд, сельскохозяйственные орудия, рабочий скот и многое другое. Большая часть из этих товаров поступала из соседней Черномории. После водворения первых переселенцев в станицах Анапского поселения излишки производимой ими продукции стали направляться в анапские торговые лавки. Предметами торговли служили овощи, зелень, фрукты, бахча, зерно, конопля. В обратном направлении отправлялся текстиль, скобяные изделия, посуда, украшения. Все это способствовало видоизменению статуса Анапы, которая с конца 1846 г. утратила статус крепости. Вместо бывшей турецкой цитадели на восточном берегу Черного моря появился русский портовый и торговый город с развитой

земледельческой округой.

Таким образом, трансформация Анапы в русское укрепление и город произошла вследствие активного стихийного и организованного переселения, решения наиболее острых проблем, препятствующих заселению крепости, развития ремесла, промышленности и торговли, освоения сельскохозяйственной округи населением закубанских станиц, тесно связанных с анапскими рынками сбыта.

Список используемых источников:

1. Федакяр Д. Крепость Анапа // *International Journal of Russian Studies*. 2019. No. 8/1. – С. 1–28.
2. Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг, –1914. – 74 с.
3. Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения (с картой) // *Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества*. Кн. 2. Тифлис, 1853. – С. 14–45.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
5. Тернер Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009. – 304 с.
6. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
7. Федина И. М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар, 2022.
8. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 3.
9. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
10. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году / соч. С. Сафонов. Одесса, 1837.
11. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 783. Оп. 1. Д. 3.

УДК 94:316.7:316.334.56(476)«19/20»

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

**Яценко Оксана Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории Беларуси
Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь**

Ключевые слова: города, Беларусь, повседневная жизнь, преемственность, культура, быт.

Реферат. Исследование посвящено характеристике преемственности в повседневных практиках горожан Беларуси в конце XIX – начале XX века. Отражена передача культурного опыта в бытовом срезе культуры в разных сферах: обустройстве домашнего быта, костюме, приготовлении пищи, в формах досуга.

При рассмотрении историко-культурных процессов внимание исследователей чаще привлекают новые события и явления. Они могут привноситься извне или зарождаться в рамках уже сложившихся социальных взаимосвязей и хозяйственных систем, а также проявляться в сфере духовной жизни. Некоторые новации обусловлены научно-техническим прогрессом или достижениями отдельных выдающихся деятелей науки и культуры. Новационные изменения становятся важными маркерами общественной активности населения или новых условий жизнедеятельности вследствие изменений в законодательстве, экономической сфере и пр. Преемственность в материальной, социальной и духовной культуре горожан заметна не в такой степени, как новые элементы, но именно она составляет базис для поступательного развития городской цивилизации. Актуально обращение к анализу тех явлений в культурно-бытовых процессах и предметного окружения горожан, которые оставались неизменными длительное время или подвергались незначительным преобразованиям даже в условиях глубоких социальных перемен.

Хронологические рамки темы – конец XIX – начало XX вв. – позволяют сосредоточиться на константах в повседневности городских жителей в те десятилетия, когда постоянные явления сохраняли свои позиции на фоне изменений, выразительно проявлявшихся в разных сферах бытового обеспечения.

Цель – проследить преемственность в разных сферах жизнедеятельности горожан Беларуси в конце XIX – начале XX в. и охарактеризовать факторы, которые формировали условия для ее устойчивого присутствия в городской повседневности.

Отдельные аспекты культурно-бытовых процессов в городах Беларуси были обозначены в коллективной монографии «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі», авторы исследования отметили уровень благоустройства городской среды, описали некоторые формы досуга и указали на существование ряда

аспектов бытового уклада, которые происходили из прошлых эпох [1]. Характеристика форм проведения свободного времени горожанами представлена в издании «Грамадскія традыцыі» (6-ой том серии «Беларусы») [2]. В этой работе акцент сделан на новых видах времяпрепровождения, но также нашли место упоминания устоявшихся способов отдыха горожан в домашних условиях, в центрах общественного досуга и в природном окружении. Автор исследования в монографии «Быт горожан Беларуси во второй половине XIX – начале XXI века» обращает внимание на присутствие в жизни горожан в конце XIX – начале XX вв. артефактов бытовой культуры, известных ранее. Эти замечания в равной мере относятся к материальной составляющей повседневности и духовным традициям [3].

Бытовое обслуживание в городах белорусских губерний Российской империи сохраняло многие черты, присущие предшествующим эпохам. Ручная стирка белья, пользование услугами прачки, портнихи, парикмахера и других специалистов были неотъемлемыми для удовлетворения повседневных запросов городских жителей как предшествующих десятилетий, так и в рассматриваемый период.

Самым распространенным видом перемещения в городах по-прежнему оставались ходьба пешком и привлечение экипажей извозчиков. Несмотря на распространение железнодорожного сообщения, конки, именно этот формат доминировал в крупных и малых городах.

Материальная культура горожан предполагала сохранение множества предметов, бытовавших ранее. К их числу принадлежали элементы костюма и аксессуаров, предметы в интерьере дома, домашняя утварь, осветительные приборы, приспособления для обеспечения бытового комфорта.

К числу переходивших из поколения в поколение предметов были не только дорогостоящие верхняя одежда (шубы, отороченные мехом пальто и др., предметы вечернего туалета, одежда «на выход»), украшения, аксессуары, но и разнообразные изделия повседневного спроса, которые неоднократно перешивались, приводились в порядок, ушивались или расшивались на другой размер для младших членов семьи и в случае передачи в одежды хозяевами прислуге. Преобладало изготовление одежды и уход за вещами в домашних условиях (стирка, перешивание, зашивание). Ремонт обуви осуществлялся самими жителями или мужские, женские, детские ботинки, сапоги, туфли относили в специальные мастерские. В них устанавливались тарифы на разные виды ремонта, улучшения вида изделий. Многочисленные примеры подтверждают использование уже вышедших из моды вещей в гардеробе горожан невысокого материального достатка.

Приверженность устоявшейся системе питания прослеживается в городских семьях. Отчасти это обстоятельство диктовалось невысоким уровнем материального достатка, необходимостью экономить и, вследствие этого, употреблять дешевую и простую пищу. Рецептуры и способы приготовления блюд и напитков передавались из поколения в поколение, индивидуальный опыт хозяек, поваров также отразился на сохранении традиций в этой составляющей городского уклада. Важным фактором преемственности выступают этнические предпочтения, которые, несмотря на

процессы урбанизации и унификации культуры в городах, всегда присутствовали в повседневности горожан.

В духовной сфере следует отметить строгую приверженность культурно-бытовым устоям в кругу старообрядцев, иудейского населения. Традиции в питании, формах проведения свободного времени соответствовали календарю в семьях христиан – православных и католиков, протестантов.

В развлекательной культуре горожан наряду с появлением новых видов проведения свободного времени, самыми распространенными оставались чтение, игра на музыкальных инструментах, хождение в гости, совместные встречи в связи с праздничными датами. В сфере культурно-бытовых коммуникаций по-прежнему было устойчивым общение с родственниками, соседями, дружеские вечеринки. В досуге элиты оставалось престижным посещение балов, маскарадов, театральных спектаклей и концертов. Все перечисленные виды общения и досуга были известны в предшествующие десятилетия, некоторые и в минувшие столетия, но они не утратили своего значения, несмотря на появление новационных форм – посещение синематографа, танцы под граммофон, а не живое исполнение на музыкальных инструментах и пр.

Активное освоение пригородных зон, выезды на маевки как новая форма досуга сочетались с традиционными прогулками в городских садах, берегам рек или других водоемов.

Прослеживаются общие черты в сфере повседневности с культурно-бытовым развитием в городах белорусских губерний и городским пространством Европейской части Российской империи в конце XIX – начале XX века. К их числу можно отнести подавляющее большинство бытовавших прежде вариантов бытового обслуживания, развлекательной культуры. Отличия касались прежде всего соотношения новаций и продолживших свое функционирование элементов культурно-бытовых процессов, степени распространения в конкретных социальных и имущественных группах городского населения бытовых новинок и сохранения привычных форм бытовой культуры, скорости включения определенных городских кварталов и зон в новые формы быта и консервативной убежденности в правильности давно сформировавшихся бытовых привычек и вкусов.

Также ряд параметров был общим для повседневности жителей столичных, крупных промышленных городов и значительных торговых центров, а также малых городских населенных пунктов. Преемственность прослеживается в деталях, остававшихся неизменными. На протяжении десятков лет осветительные приборы (канделябры и подсвечники) одинаковых форм, дешевая глиняная и стеклянная посуда для приготовления и употребления, хранения пищи, мебель местного изготовления получили одинаковое распространение в семьях зажиточных горожан и губернских, и небольших провинциальных городов. Но в одних случаях такие изделия, не выходявшие из употребления, были в ходу у прислуги, использовались в «черной» кухне, в хозяйственных помещениях и дворовых постройках, в других – принадлежали к числу постоянных атрибутов повседневности всех членов

семьи рядовых мещан, небогатого купечества, более высокооплачиваемых квалифицированных рабочих.

В числе факторов, способствовавших сохранению преемственности, следует отметить следующие. Это недостаток имущественного состояния городских семей. Невысокие темпы урбанизации, еще более медленная перестройка мышления горожанина. Консерватизм домашнего уклада и приверженность религиозным традициям также вносили свою лепту в создание благоприятного фона для преемственности в быту. Провинциализм, недостаточно быстрое проникновение технических новаций в быт большинства социальных групп отразились на переходе одних и тех же бытовых вещей из поколения в поколение. Сословные перегородки в городском социуме, с одной стороны, стимулировали склонность к подражанию в повседневной жизни одних групп другим, находящимся на вершине социальной лестницы или на более высоких позициях по сравнению с ними самими, но наряду с этим социальные перегородки и препятствовали приобщению к новациям, как к несвойственным своему социокультурному кругу.

Морально-психологические установки выступали, хотя и не столь значительной степени, но все же барьером для проникновения новаций и приверженности старым подходам в организации домашнего пространства. Появление новых изделий должно было стать желанным и приемлемым в атмосфере городского дома, поэтому при условии скептического восприятия новаций привычные насыщение бытовыми предметами интерьера, гардероба, сферы обслуживания дома сохранялось более длительный период и соседствовало с новинками, уже вошедшими в быт соседского окружения в своем городе или в столичных городах.

Роль женщины – хозяйки, жены, матери, воспитателя детей и лица, поддерживавшего бытовой уклад, была двойственной. Именно женщины в силу своих психологических установок, специфике жизненного опыта и обязанностей, природному любопытству и желанию выглядеть современно, модно стремились к покупке новых изделий и за счет новинок облегчению процесса ведения домашнего хозяйства. Однако параллельно женщины, находясь в финансовой, социальной зависимости, нацеленные на снижение конфликтности в семье и находясь в подчиненном положении к мужу, отцу, поневоле создавали социальную опору для незыблемости домашнего уклада с вытекающими отсюда неизменными бытовыми привычками и применением устаревшей или выполненной по старым образцам предметной среды, а также общепринятых моделей поведения. Наличие неразрушенной патриархальной семьи, уважение к мнению старших в городской семье также сыграло свою роль в доминировании преемственности как основы жизненного уклада.

Таким образом, с одной стороны, ряд элементов, переходивших в новые десятилетия, выступали сдерживающими факторами в эволюции городской культуры. Другие явления повседневности, которые составляли количественное и значимое большинство, способствовали позитивным процессам и стали основой для стабильности в общественном и домашнем быту, в повседневных практиках городских жителей Беларуси, принадлежавших к различным социальным и

конфессиональным группам. Способы передачи преемственных явлений и процессов были очень разнообразны, в первую очередь, к ним относятся перенимание семейного опыта младшими поколениями. Трансмиссия осуществлялась и в общественной сфере, и при производстве предметов материальной культуры, и в культурно-развлекательной среде. Преемственность как явление культуры позволяла широко удовлетворять бытовые запросы городских жителей и в итоге формировала платформу для внедрения и благоприятного развития новаций, продвижения городского социума в направлении прогресса. Эпоха рубежа XIX–XX веков в городах Беларуси характеризуется достаточно высокой насыщенностью новациями, но при этом постоянные элементы доминировали и количественно превалировали в повседневных практиках городских жителей.

Список используемых источников:

1. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
2. Беларусы : у 13 т. / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2012. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. Ф. Бацяеў, В. М. Бялявіна, А. У. Гурко [і інш.] ; рэдкал.: В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
3. Яценко, О. Г. Быт горожан Беларуси во второй половине XIX – начале XXI века / О. Г. Яценко. – Минск : Право и экономика, 2022. – 326 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК МОРСКОГО ПОРТА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.....	3
Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. <i>Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация</i>	
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ПРУПОЯ	9
Вацура П. Г. <i>Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова г. Могилёв, Республика Беларусь</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. XX–XXI ВЕК.....	12
Гусева С. В. <i>Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», г. Москва, Российская Федерация</i>	
СОЙМАВЫЯ СТАЛПЦЫ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У КАНЦЫ XV – ДРУГОЙ ТРЭЦІ XVI СТАГОДДЗЯЎ	15
Даўматавіч К. Д. <i>СШ № 5 г. Салігорска імя Героя Савецкага Саюза В. І. Казлова, г. Салігорск, Рэспубліка Беларусь</i>	
НЕКОТОРЫЕ ТРЕНДЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРОДЕ В ВКЛ.....	19
Дворниченко А. Ю. <i>Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация</i>	
К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН: ГОРОДА, ЗАМКИ, КРЕПОСТИ	26
Долгов В. В. <i>Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация</i>	
ПОМНІКІ АРХІТЭКТУРЫ МАГІЛЁВА І МСЦІСЛАВА XVII – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯЎ НА ФОТАЗДЫМКАХ КРАЯЗНАЎЦЫ А. І. МЕМУСА.....	31
Карпекін К. Р. <i>Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь</i>	

ВИТЕБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1623 ГОДА: ПРИЧИНЫ, МОТИВЫ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	37
Космач В. А. <i>Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,</i> <i>г. Витебск, Республика Беларусь</i>	
Г. П. ГОЛЬЦ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИ СМОЛЕНСКА В 1944–1946 ГОДАХ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ).....	42
Красильников И. Б. <i>Смоленский государственный университет»,</i> <i>г. Смоленск, Российская Федерация</i>	
ПОЯВЛЕНИЕ В ВИТЕБСКЕ БАПТИЗМА: РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА	48
Кривицкий М. А. <i>Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси,</i> <i>г. Минск, Республика Беларусь</i>	
ПОЖАЛОВАНИЕ КНЯГИНИ УЛЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ НА ЗЕМЛЮ ФЕДОРОВЩИНА ДЛЯ ВИТЕБСКОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА (XIV В.).....	52
Лицкевич О. В. <i>Свято-Елизаветинский монастырь,</i> <i>г. Минск, Республика Беларусь</i>	
ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОДВИНЬЯ И ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ	59
Лученкова Е. С. <i>Витебский государственный технологический университет,</i> <i>г. Витебск, Республика Беларусь</i>	
ВИТЕБСКОЕ ПОДВИНЬЕ (ПООЗЕРЬЕ) И ВЕРХНЕОЧЬЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ	63
Майоров А. А. <i>Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина,</i> <i>г. Орёл, Российская Федерация</i>	
АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК УЕЗДНОГО ГОРОДА ВОЛЬСКА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	69
Майорова А. С. <i>Институт истории и международных отношений Саратовского национального</i> <i>исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского,</i> <i>г. Саратов, Российская Федерация</i>	

КАК ВЫГЛЯДЕЛА В ОРИГИНАЛЕ ГРОДНЕНСКАЯ ИКОНА МАТЕРИ БОЖИЕЙ КОЛОЖСКАЯ И ЕЕ ОКЛАД.....	74
Малишевский Н. Н. <i>Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация</i>	
НОВОЕ ВРЕМЯ И СОВРЕМЕННАЯ УРБАНОНИМИЯ ВИТЕБСКА: СУДЬБА ЦЕРКОВНЫХ НАЗВАНИЙ.....	83
Мезенко А. М. <i>Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь</i>	
ЗАРАЙСК В СИСТЕМЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА.....	88
Морова О. В. <i>Государственный гуманитарно-технологический университет», г. Орехово-Зуево, Российская Федерация</i>	
ФЕНОМЕН ГОРОДА В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА	92
Мядель А. П. <i>Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Республика Беларусь</i>	
ГІСТОРЫКІ ВІЦЕБСКА І ГІСТОРЫЯ ВІЦЕБСКА	97
Півавар М. В. <i>Віцебскае кадэцкае вучылішча, в. Лужасна, Рэспубліка Беларусь</i>	
МАГДЭБУРГСКАЕ ПРАВА І ЯГО РОЛЯ Ў РАЗВІЦЦІ МАГІЛЁВА	104
Пушкін І. А. <i>Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій, г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь</i>	
ФЕНОМЕН ГОРОДА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	109
Ростовская О. М. <i>Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В ВИТЕБСКЕ: ОТ БРАТСТВ ДО МАНУФАКТУРЫ	113
Рудко Е. А., Бездетко О. С. <i>Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Республика Беларусь</i>	

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	119
Середа Н.В. <i>Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация</i>	
ІНДЗЕЯНІСЦКАЯ ІНФАРМАЦЫЯ Ё ГАРАДАХ БЕЛАРУСІ З XVI СТАГОДДЗЯ ДА 1917 ГОДА.....	124
Сімакоў А. В. <i>г. Гомель, Рэспубліка Беларусь</i>	
ГОРОД И ЛЮДИ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ ДЕТСКИХ ПРИЮТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	130
Синова И. В. <i>Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация</i>	
ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАТЕРИАЛАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЛАНАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	135
Степанова Л. Г. <i>Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация</i>	
АПІСААННЕ КЛІМАТЫЧНЫХ З’ЯЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVII – ПАЧАТКУ XIX СТАГОДДЗЯЎ У ЗАПІСКАХ ІГУМЕНА АРЭСТА	141
Субоцін А. А. <i>Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОДСКОЙ СОБОР: РЕЛИКВАРИЙ И НЕКРОПОЛЬ.....	146
Сукина Л. Б. <i>Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН, г. Переславль-Залесский, Российская Федерация</i>	
ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОЛОТИЧЕСКА	151
Темушев С. Н. <i>Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь</i>	
ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ СТАРОЙ РУССЫ В XI–XVII ВВ. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ	157

Торопов С. Е., Торопова Е. В.

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация*

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ГОМЕЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО В 1921–1922 ГОДЫ.....	159
---	-----

Уваров И. Ю.

*Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого,
г. Гомель, Республика Беларусь*

ПРАБЛЕМА ЛАКАЛІЗАЦЫІ ПРАДСТАЎНІКОЎ МЯШЧАНСКАГА САСЛОЎЯ З ЛІКУ НЕГАРАДСКОГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ё 1874–1924 ГГ. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ФОНДУ НГАБ «ВІЦЕБСКАЯ ГАРАДСКАЯ УПРАВА»).....	162
---	-----

Урублеўскі В. В.

*Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

ВІЦЕБСКІ ЕЗУІЦКІ ШКОЛЬНЫ ТЭАТР: АДЗІНСТВА РЭЛІГІЙНАГА І СВЕЦКАГА	170
---	-----

Уткевіч В. І.

*Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь*

КАТЭГОРЫЯ ЧАСУ І ЯГО ВЫМЯРЭННЕ Ё ЗАХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ё ЭПОХУ СЯРЭДНЯВЕЧЧА.....	174
---	-----

Хаданёнак В. М.

*Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь*

АНАПА: ТРАНСФОРМАЦІЯ ТУРЕЦКОЙ ЦИТАДЕЛИ В РУССКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ И ГОРОД	181
--	-----

Шаповалов С. Н.

*Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	187
--	-----

Ященко О. Г.

*Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь*

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
КРУГЛОГО СТОЛА

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ГОРОД
В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ
(К 1050-ЛЕТИЮ ВИТЕБСКА)**

Дизайн обложки: *Григорьева Н.В.*
Компьютерная верстка: *Григорьева Н.В.*
Корректор: *Прокопюк А.С.*

Подписано в печать 12.11.2024. Гарнитура Times.
Усл. печ. листов 24,4. Уч.-изд. листов 15. Формат 60х90 1/8. Тираж 30 экз. Заказ № 238.

Выпущено издательским сектором
Витебского государственного технологического университета.
210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 72.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/172 от 12 февраля 2014 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1497 от 30 мая 2017 г.